
СОЛЬ
НА ТВОИХ
ГУБАХ
РОМАН
СОЛЬ
НА ТВОИХ
ГУБАХ
ИНОГДА САМЫЙ
ОПАСНЫЙ ВКУС —
ТОТ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТСЯ
ПОЧУВСТВОВАТЬ СНОВА

Валентина Клёстер
Соль на твоих губах

https://litres.ru/74698533
SelfPub; 2026

Аннотация

Она однажды разрушила его карьеру. Он собирался разрушить её безупречную жизнь. Но никто из них не предусмотрел любовь.

Теперь судьба сводит их на острове Капри. Им предстоит вместе создать самый дорогой гастрономический проект Средиземноморья.

Он ненавидит её за прошлое.

Она презирает его самоуверенность.

Но каждая ссора становится слишком личной. Каждое случайное прикосновение — опасно долгим. А каждый вечер заканчивается желанием нарушить правила, которые они сами установили.

Когда их отношения превращаются в настоящую любовь, всплывает секрет, способный уничтожить не только проект, но и доверие, которое они с таким трудом обрели.

И теперь Майе предстоит сделать выбор: сохранить безупречную карьеру или впервые в жизни рискнуть всем ради мужчины.

Иногда самый опасный вкус — тот, который хочется почувствовать снова.

Валентина Клёстер
Соль на твоих губах

ПРОЛОГ. ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ОН НЕНАВИДЕЛ

Париж. Три года назад.

Париж умел быть жестоким с теми, кто слишком сильно его любил.

Особенно с теми, кто однажды поверил, что покорил этот город.

За высокими окнами ресторана L'Origine медленно опускался ноябрьский вечер. Дождь превращал огни бульвара Сен-Жермен в размытые золотые пятна, отражавшиеся на мокром асфальте. По тротуарам торопились прохожие, пряча лица в поднятые воротники пальто. Такси скользили между рядами припаркованных автомобилей, а где-то неподалёку уличный музыкант играл на саксофоне старую мелодию, которую почти заглушал шум дождя.

Внутри ресторана царила тишина.

Не та благородная, наполненная предвкушением тишина, которая возникает за минуту до подачи первого блюда.

Другая.

Тяжёлая. Неестественная.

Та, в которой люди боятся даже поставить чашку на стол.

Леонардо Риччи стоял у панорамного окна, засунув руки в карманы тёмных брюк.

Ему было тридцать шесть.

Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, которые он никогда не укладывал так тщательно, как советовали стилисты, и лицом человека, привыкшего получать желаемое. На левой руке — дорогие часы. На правой, чуть выше запястья, — тонкий белёсый шрам от ожога, полученного ещё в юности.

Этот шрам нравился ему больше часов.

Часы можно было купить.

Шрам приходилось заслужить.

За его спиной находился ресторан, которому он отдал три года жизни.

Мраморные столешницы. Глубокие кресла цвета тёмного шоколада. Итальянский орех на стенах. Светильники, созданные в единственном экземпляре в мастерской венецианского стеклодува.

Сорок посадочных мест.

Открытая кухня.

Дегустационное меню из девяти подач.

Винная карта, которой завидовали лучшие сомелье Парижа.

И имя над входом, выполненное тонкими латунными буквами:

L'Origine.

Начало.

Так он назвал ресторан, потому что верил: всё великое должно начинаться с чего-то настоящего.

Теперь на центральном столе лежал журнал, способный поставить под сомнение всё, что он создал.

— Лео…

Голос раздался за спиной.

Леонардо не обернулся.

— Не сейчас, Томмазо.

— Ты должен это прочитать.

— Я сказал, не сейчас.

— Уже поздно.

Леонардо медленно повернул голову.

Томмазо Беллини, его су-шеф и ближайший друг, стоял возле стола с выражением человека, которому пришлось сообщить о чьей-то смерти.

В руках он держал раскрытый номер Le Palais, одного из самых влиятельных гастрономических журналов Франции.

Издание, способное сделать молодого шеф-повара знаменитостью.

Или превратить ресторан с безупречной репутацией в предмет публичного обсуждения.

— Насколько плохо? — спросил Леонардо.

Томмазо промолчал.

Леонардо усмехнулся.

— Прекрасно. Значит, действительно плохо.

Он подошёл к столу, взял журнал и опустился в кресло.

На развороте красовалась фотография его фирменного блюда: морской гребешок с ферментированным лимоном, шафрановым бульоном и тончайшей карамельной пластиной из морской соли.

Фотография была великолепной.

Заголовок — нет.

«Гений, который забыл, что такое вкус».

Леонардо почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

Он начал читать.

«В Париже достаточно ресторанов, где талант превращается в спектакль. Но редко приходится наблюдать, как выдающийся повар настолько увлекается демонстрацией собственного мастерства, что забывает о человеке, ради которого готовит».

Его губы искривились.

— Красивое начало.

Томмазо ничего не ответил.

Леонардо продолжил.

«Риччи несомненно владеет техникой. Его кухня точна, сложна, почти безупречна в исполнении. Но точность ещё не означает глубину, а сложность — удовольствие».

Он перевернул страницу.

«Морской гребешок, который должен был стать главным героем блюда, исчезает под тяжестью многочисленных ак-

центов. Шафран подавляет нежность продукта, ферментированный лимон требует слишком много внимания, а декоративная карамель кажется скорее доказательством технических возможностей кухни, чем необходимой частью вкуса».

Леонардо перестал читать.

Потому что узнал человека, который это написал.

Не имя.

Не лицо.

Способ мышления.

Это был не очередной журналист, восторгающийся интерьером и дорогими винами. Не светский обозреватель, который путает выдержанную утку с обычной и оценивает ресторан по тому, насколько эффектно официант снимает крышку с тарелки.

Автор разбирался в еде.

Именно это раздражало сильнее всего.

Леонардо снова опустил глаза.

«Когда-то блюда Риччи были дерзкими, эмоциональными и живыми. В них чувствовались южное солнце, морской ветер и характер человека, который не боялся простоты. Теперь каждое блюдо словно пытается убедить гостя, что перед ним гений. Но подлинному гению не нужно ничего доказывать».

Его пальцы стиснули край страницы.

Томмазо тихо произнёс:

— Последний абзац…

— Я умею читать.

Леонардо перевёл взгляд ниже.

«Возможно, Леонардо Риччи пора перестать удивлять мир и снова научиться его чувствовать. Потому что самое страшное, что может случиться с талантливым поваром, — не потерять ресторан или признание публики. Самое страшное — однажды потерять собственный вкус и даже не заметить этого».

Ниже стояла подпись.

Nocturne.

Псевдоним.

Леонардо несколько секунд смотрел на эти буквы.

Потом медленно закрыл журнал.

Положил его на стол.

И спросил:

— Кто это написал?

— Редакция не раскрывает личности критиков, работающих под псевдонимами.

— Я не спрашивал, что говорит редакция.

Томмазо выдохнул.

— Лео…

— Я хочу знать, кто это написал.

Он произнёс это негромко.

Но Томмазо знал друга достаточно хорошо, чтобы понять: опаснее всего Леонардо становился именно тогда, когда переставал повышать голос.

— Какая разница? — осторожно спросил он. — Через неделю появится другая рецензия. Через две — новый рейтинг. Люди быстро забывают.

Леонардо усмехнулся.

— Ты действительно в это веришь?

— Я верю в твою кухню.

— А я, кажется, единственный человек в Париже, которому сегодня объяснили, что её больше не существует.

Он резко поднялся.

Кресло отъехало назад, скользнув по паркету.

— Где Жюльен?

— Уехал к инвесторам.

— Когда?

— Час назад.

Леонардо остановился.

— Почему мне никто не сказал?

Томмазо отвёл взгляд.

Этого оказалось достаточно.

— Что происходит? — спросил Леонардо.

— Я не знаю.

— Не лги мне.

Томмазо посмотрел прямо на него.

— Тогда перестань делать вид, что не видишь проблем.

Тишина стала почти осязаемой.

Леонардо медленно повернулся.

— Повтори.

— Мы третий месяц задерживаем выплаты нескольким поставщикам. Новая линия оборудования обошлась почти вдвое дороже бюджета. Жюльен уже дважды переносил встречу с банком. А теперь эта статья.

— Поставщики получат деньги.

— Откуда?

Леонардо ничего не ответил.

Томмазо продолжил уже тише:

— Я готов работать с тобой хоть в маленькой кухне на окраине Неаполя. Ты это знаешь. Но сорок человек здесь рассчитывают не только на твой талант.

Леонардо отвёл взгляд.

Слова попали точно в цель.

Не потому, что были жестокими.

Потому, что были правдой.

Он снова посмотрел на журнал.

«Гений, который забыл, что такое вкус».

— Убери это, — произнёс он.

— Лео…

— Убери журнал, Томмазо. И скажи всем, что через сорок минут начинается подготовка к вечернему сервису.

— У нас отменили шесть бронирований.

Леонардо застыл.

— Сегодня?

— За последний час.

Несколько секунд он молчал.

Затем провёл рукой по волосам.

— Значит, у нас будет шесть причин приготовить остальным гостям лучший ужин в их жизни.

Он направился к кухне.

Уже возле двери остановился.

— И ещё, Томмазо.

— Да?

— Узнай всё об этом Nocturne.

В девять часов вечера ресторан был заполнен чуть больше чем наполовину.

Для L'Origine это выглядело почти неприлично.

Обычно столики бронировали за несколько недель. Иногда за месяцы. Гости прилетали из Лондона, Женевы и Нью-Йорка, чтобы попробовать блюда итальянца, которого французские критики ещё недавно называли самым дерзким представителем новой европейской кухни.

Леонардо стоял перед открытой кухней.

Белый китель сидел безупречно. Рукава были закатаны до локтей. На рабочей поверхности лежали пинцеты, ножи, маленькие медные сотейники.

В воздухе пахло сливочным маслом, свежим тимьяном и обжаренными панцирями лангустинов.

Здесь он чувствовал себя дома.

Не в своей квартире с видом на Сену.

Не в пятизвёздочных отелях, где останавливался во время гастролей.

И даже не на побережье Италии, куда возвращался каждое лето.

Его домом всегда была кухня.

Место, где всё подчинялось логике.

Температура.

Время.

Текстура.

Реакция продукта.

Всё можно было рассчитать.

Всё, кроме человеческого мнения.

— Стол двенадцать. Две утки, одна без соуса, — сообщил официант.

— Принято, — ответил Томмазо.

Леонардо подошёл к сотейнику, попробовал соус и нахмурился.

— Слишком много вина.

— Я следовал рецептуре, — сказал молодой повар.

— Тогда проблема в рецептуре.

Он добавил немного бульона, ещё раз попробовал и поставил ложку на стол.

Что-то было не так.

Не с соусом.

С ним самим.

Впервые за много лет он услышал внутри чужой голос, пока пробовал собственное блюдо.

«Сложность ещё не означает удовольствие».

Он раздражённо сжал челюсти.

— Ещё раз, — приказал он.

Молодой повар растерялся.

— Но, шеф…

— Сначала.

Работа закипела.

Через двадцать минут Леонардо лично вынес фирменного морского гребешка к столику пожилой французской пары.

Женщина улыбнулась ему.

— Месье Риччи, какая честь.

— Честь для меня, мадам. Надеюсь, вам понравится.

Она попробовала блюдо.

Леонардо наблюдал за её лицом.

— Очень красиво, — произнесла женщина.

Он немного подождал.

— А вкус?

— Необычный.

Леонардо улыбнулся.

Профессионально.

Безупречно.

А внутри словно что-то оборвалось.

Потому что раньше ему говорили иначе.

Невероятно.

Восхитительно.

Я никогда не пробовал ничего подобного.

А сегодня — необычный.

Он вернулся на кухню.

Подошёл к своему столу.

Взял ложку.

Попробовал шафрановый бульон.

Потом гребешок.

Потом всё вместе.

И впервые позволил себе задать вопрос, от которого целый день пытался убежать.

А что, если незнакомый критик действительно заметил то, чего он сам не хотел видеть?

Леонардо поставил ложку.

Нет.

Проблема была не в нём.

Не могла быть.

Он слишком много отдал, чтобы допустить такую мысль.

Через неделю пришло письмо от инвестора.

Короткое.

Вежливое.

Смертельно опасное.

«В связи с пересмотром финансовой модели и возросшими репутационными рисками мы вынуждены временно приостановить следующий этап финансирования проекта».

Леонардо перечитал сообщение трижды.

После чего позвонил Жюльену Делакруа.

Тот ответил не сразу.

— Нам нужно встретиться, — сказал Леонардо.

— Завтра.

— Сегодня.

— Лео, я сейчас занят.

— Я тоже. Пытаюсь понять, кто решил похоронить мой ресторан.

Пауза.

— Через час буду у тебя.

Леонардо отключил звонок.

К вечеру начался снег.

Первый в том году.

Он медленно падал на мокрые парижские улицы и сразу превращался в воду.

Жюльен появился почти в десять.

Элегантный сорокалетний француз, в дорогом кашемировом пальто, с кожаным портфелем и лицом человека, который слишком тщательно подготовил неприятный разговор.

Он вошёл в кабинет Леонардо, снял перчатки и сел напротив.

— Ты выглядишь ужасно.

— А ты прекрасно. Значит, новости действительно плохие.

Жюльен не улыбнулся.

— У нас серьёзные проблемы.

— Я уже понял.

— Нет, Лео. Ты не понял.

Он раскрыл портфель и достал папку.

Леонардо даже не взглянул на документы.

— Сколько?

— Нам необходимы дополнительные два миллиона триста тысяч евро, чтобы закрыть обязательства и обеспечить работу на ближайшие полгода.

— Это решаемо.

— Не при нынешних показателях.

— Бронирования восстановятся.

— Возможно.

— Не возможно. Восстановятся.

Жюльен устало провёл ладонью по лицу.

— Ты действительно считаешь, что всё дело в статье?

Леонардо резко поднял глаза.

— А ты нет?

— Статья стала последней каплей. Но наши расходы росли задолго до неё. Мы потеряли контроль над бюджетом, а ты продолжал заказывать новое оборудование, менять интерьер и усложнять меню.

— Я создавал лучший ресторан в Европе.

— Ты создавал ресторан, который мы больше не можем себе позволить.

Эти слова повисли между ними.

Леонардо медленно откинулся на спинку кресла.

— Ты предлагаешь сократить меню?

— Я предлагаю признать реальность.

— Это и есть реальность. Чтобы стать лучшим, нельзя

экономить на каждой детали.

— Иногда, чтобы остаться в бизнесе, приходится отказаться от части амбиций.

Леонардо холодно посмотрел на него.

— Ты пришёл читать мне лекцию?

— Я пришёл сказать, что больше не могу финансировать твою гордость.

В кабинете стало тихо.

Где-то за стеной звякнула посуда.

Леонардо посмотрел на папку.

Потом на человека, с которым три года назад сидел за маленьким столиком в Милане, рисовал план будущего ресторана на бумажной салфетке и верил, что впереди их ждёт мировое признание.

— Ты уходишь? — спросил он.

Жюльен опустил глаза.

— Я ищу покупателя на свою долю.

Леонардо усмехнулся.

Без радости.

— Значит, вот как.

— Не превращай это в личную драму.

— А во что мне это превратить? В удачное инвестиционное решение?

— Именно.

Леонардо поднялся.

Подошёл к барному шкафу.

Налил себе немного виски.

Жюльен наблюдал молча.

— Знаешь, что самое забавное? — произнёс Леонардо, поворачивая стакан в руке. — Когда мы открывали ресторан, ты сказал, что хочешь быть рядом с человеком, который никогда не сдаётся.

— И я до сих пор так считаю.

— Нет. Ты хотел быть рядом с человеком, который никогда не проигрывает.

Жюльен ничего не ответил.

Леонардо поставил стакан на стол.

Не пригубив.

— Уходи.

— Лео…

— Мы обсудим твою долю с юристами.

— Я надеюсь, когда-нибудь ты поймёшь…

— Я уже всё понял.

Когда дверь закрылась, Леонардо ещё долго стоял посреди кабинета.

Потом медленно сел.

Открыл журнал, который почему-то всё ещё хранил в нижнем ящике стола.

Нашёл знакомую страницу.

«Самое страшное — однажды потерять собственный вкус и даже не заметить этого».

Он смотрел на строчки, пока буквы не начали расплывать-

ся.

Затем захлопнул журнал.

— Будь ты проклят, Nocturne, — прошептал он.

И впервые за много лет почувствовал настоящий страх.

Декабрь сменился январём.

Январь — февралем.

Париж продолжал жить так, словно ничего не произошло.

Влюблённые целовались на мостах. Туристы фотографировали Эйфелеву башню. В маленьких пекарнях продавали горячие круассаны, а по воскресеньям рестораны заполнялись семьями, которые никуда не спешили.

Только жизнь Леонардо постепенно превращалась в бесконечную борьбу.

Он продал свою коллекцию редких вин.

Отказался от квартиры в центре города.

Вложил личные сбережения в погашение задолженности перед сотрудниками.

Проводил по восемнадцать часов на кухне.

Изменил меню.

Сократил расходы.

Лично звонил постоянным гостям, предлагая закрытые дегустации.

Внешне он оставался прежним.

Уверенным.

Элегантным.

Невыносимо требовательным.

Но Томмазо видел, что происходит.

Леонардо почти перестал спать.

Ел стоя, между подачами.

Пил слишком много кофе.

И больше не улыбался, когда пробовал новые блюда.

Однажды поздно ночью Томмазо застал его одного на кухне.

Перед Леонардо стояла тарелка ризотто.

Самого простого.

С лимоном, сливочным маслом и пармезаном.

Никаких сложных техник.

Никаких редких ингредиентов.

Только рис, который его мать готовила по воскресеньям, когда семья собиралась за большим столом в их доме недалеко от Сорренто.

Леонардо медленно перемешивал ризотто ложкой.

— Ты ещё здесь? — спросил Томмазо.

— Как видишь.

— Завтра ранний сервис.

— Я знаю.

Томмазо подошёл ближе.

— Что готовишь?

— Пытаюсь вспомнить.

— Что?

Леонардо усмехнулся.

— Каково это — просто хотеть есть.

Томмазо молчал.

Леонардо протянул ему ложку.

— Попробуй.

Тот попробовал.

Задумался.

— Вкусно.

— Просто вкусно?

— Очень вкусно.

Леонардо внимательно смотрел на него.

— Чего не хватает?

— Ничего.

— Ты врёшь.

— Лео…

— Скажи.

Томмазо положил ложку.

— Хорошо. Ты хочешь знать правду?

— Всегда.

— В этом ризотто больше тебя, чем во всём нашем новом дегустационном меню.

Леонардо отвернулся.

— Очень трогательно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Томмазо выдержал паузу.

— Ты помнишь, как готовил раньше?

Леонардо не ответил.

— В Неаполе. В маленьком ресторане возле порта. Там даже нормальной вытяжки не было. Ты ругался на поставщиков, потому что они привозили не те помидоры. Менял меню три раза в неделю. И каждый вечер выходил к гостям просто поговорить.

— Я помню.

— Тогда почему ты решил, что теперь обязан впечатлять каждого человека, который проходит через эти двери?

Леонардо резко поставил сотейник на плиту.

— Потому что именно за это они платят.

Томмазо покачал головой.

— Нет. Они платят за то, чтобы почувствовать что-то настоящее.

Эти слова оказались неприятно знакомыми.

Леонардо посмотрел на друга.

— Ты тоже читал эту чёртову рецензию?

— Все её читали.

— Тогда поздравляю. У нас появился второй критик.

— Я пытаюсь помочь тебе.

— Мне не нужна помощь.

Томмазо долго смотрел на него.

Потом тихо произнёс:

— Вот в этом и проблема.

Он ушёл.

Леонардо остался один.

За окнами кухни лежал ночной Париж.

Остывающее ризотто пахло лимонной цедрой.

Леонардо взял ложку.

Попробовал ещё раз.

Закрыл глаза.

И внезапно увидел мать.

Летний полдень.

Открытые окна кухни.

Белые занавески, колеблющиеся от морского ветра.

Мать стоит у плиты, держа деревянную ложку.

«Лео, никогда не забывай: люди могут не помнить, что именно ты приготовил. Но они запомнят, как чувствовали себя за твоим столом».

Он открыл глаза.

Посмотрел на своё отражение в тёмном оконном стекле.

Впервые за несколько месяцев ему захотелось не победить.

А вернуться домой.

В конце февраля банк отказал в дополнительном кредитовании.

В начале марта сорвались переговоры с новым инвестором.

К середине месяца стало ясно, что ресторан больше не сможет продолжать работу.

Леонардо собрал сотрудников в зале.

Все сорок человек пришли раньше обычного.

Официанты.

Повара.

Сомелье.

Администраторы.

Даже пожилая мадам Бернар, которая отвечала за цветочные композиции и утверждала, что ресторан без живых цветов похож на дом без души.

Никто не разговаривал.

Леонардо стоял перед ними в белом кителе.

На этот раз ему не нужны были тщательно подготовленные слова.

Он хотел сказать правду.

— Я не буду делать вид, что у нас всё хорошо, — начал он.

Кто-то опустил голову.

— Мы пытались сохранить ресторан. Последние месяцы каждый из вас работал больше, чем был обязан. Я видел это. И никогда не забуду.

Он сделал паузу.

— Но иногда усилий оказывается недостаточно.

Из первого ряда раздался тихий всхлип.

Леонардо сжал руки за спиной.

— Через две недели L'Origine проведёт последний ужин.

Тишина стала оглушительной.

— Все положенные выплаты будут произведены, — продолжил он. — Мы уже согласовали график. Я лично помогу каждому, кому потребуется рекомендация или новое место работы.

Мадам Бернар вытерла глаза.

Молодой кондитер, работавший здесь с самого открытия, отвернулся.

Томмазо стоял у стены, скрестив руки на груди.

Леонардо посмотрел на него.

И впервые за всё это время не смог удержать голос от дрожи.

— Мне жаль.

Он замолчал.

Потом добавил:

— Я обещал вам, что мы создадим лучший ресторан в мире. Простите, что не смог выполнить обещание.

Никто не ответил.

И вдруг Томмазо начал хлопать.

Сначала один.

Затем к нему присоединились остальные.

Аплодисменты заполнили зал.

Леонардо стоял неподвижно.

Ему хотелось прекратить это.

Сказать, что он не заслуживает благодарности.

Что аплодировать человеку, потерявшему ресторан, — почти жестоко.

Но он ничего не сказал.

Только опустил голову.

Потому что впервые за много лет позволил себе быть не шеф-поваром, не знаменитостью, не человеком с безупреч-

ной репутацией.

А просто мужчиной, которому было больно.

Последний вечер L'Origine состоялся в пятницу.

Все столики были забронированы.

Впервые за несколько месяцев.

Среди гостей были старые друзья, постоянные посетители, несколько знаменитых шеф-поваров и люди, которые когда-то приезжали сюда специально ради кухни Леонардо.

Он настоял, чтобы меню было особенным.

Не самым дорогим.

Не самым сложным.

Особенным.

На первую подачу подали маленькую закуску из печёного томата с базиликом и оливковым маслом.

На вторую — нежную пасту с морепродуктами.

Затем — запечённую рыбу с лимоном, травами и крупной морской солью.

И ризотто.

То самое.

Из семейного рецепта.

Когда Томмазо поставил первую тарелку перед Леонардо, тот долго смотрел на неё.

— Уверен? — спросил друг.

— Да.

— Никаких изменений?

— Никаких.

Томмазо улыбнулся.

— Наконец-то.

Леонардо впервые за долгое время рассмеялся.

Негромко.

Почти удивлённо.

В десять вечера он вышел в зал.

Гости поднялись со своих мест.

Аплодировали долго.

Слишком долго.

Леонардо благодарил их, пожимал руки, принимал объятия.

Слушал слова, которые ещё несколько месяцев назад показались бы ему вершиной успеха.

«Вы настоящий художник».

«Мы будем скучать».

«Это был лучший ужин в моей жизни».

Но теперь он ощущал странную пустоту.

Потому что понимал: даже самый прекрасный вечер не изменит того, что утром эти двери закроются.

Навсегда.

После полуночи гости разошлись.

Сотрудники убирали последние бокалы.

Леонардо медленно прошёл через опустевший зал.

Провёл пальцами по спинке кресла.

Остановился возле большого окна.

За стеклом шёл дождь.

Такой же, как в день, когда появилась рецензия.

Он достал телефон.

Открыл электронную почту.

Нашёл письмо, отправленное редакции Le Palais почти четыре месяца назад.

«Прошу предоставить контактные данные автора, работающего под псевдонимом Nocturne. Я готов обсудить опубликованные замечания лично и профессионально».

Ответ пришёл на следующий день.

Вежливый.

Холодный.

Окончательный.

«Мы уважаем ваше право на ответ, месье Риччи. Однако политика издания предусматривает конфиденциальность личностей независимых авторов».

Леонардо усмехнулся.

Четыре месяца.

Он потратил четыре месяца на попытки найти человека, который написал о нём несколько страниц.

Нанимал специалистов по связям с общественностью.

Спрашивал журналистов.

Обращался к знакомым редакторам.

Тщетно.

Nocturne оставался призраком.

Человеком без лица.

Без имени.

Без ответственности перед ним.

Хотя Леонардо уже понимал: виновником краха была не одна рецензия. Финансовая модель ресторана оказалась слишком хрупкой, а его собственные решения — слишком дорогими.

Но разумное объяснение не делало ненависть слабее.

Иногда человеку проще ненавидеть конкретного незнакомца, чем признать, что он сам позволил своей мечте стать неуправляемой.

— Ты всё ещё здесь?

Леонардо обернулся.

Томмазо стоял у входа в зал.

Без кителя.

В обычной тёмной куртке.

— Собираюсь уходить.

— Куда?

— Домой, Лео. Иногда люди так делают.

Леонардо слабо улыбнулся.

Томмазо подошёл и остановился рядом.

Несколько минут они молча смотрели на дождь.

— Что дальше? — спросил он.

— Италия.

— Надолго?

— Не знаю.

— Капри?

— Возможно. У меня там есть старые знакомые. И

несколько предложений.

— Рестораны?

— Пока только разговоры.

Томмазо кивнул.

— Тебе пойдёт на пользу море.

Леонардо повернул голову.

— Ты сейчас говоришь как моя мать.

— Умная женщина.

— Ты бы ей понравился.

— Я ей и так нравлюсь.

Они рассмеялись.

Потом Томмазо стал серьёзным.

— Лео, можно кое-что сказать?

— Ты сегодня особенно разговорчив.

— Забудь об этой статье.

Улыбка исчезла с лица Леонардо.

— Не начинай.

— Она не стоит того, чтобы ты носил её с собой всю жизнь.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Леонардо посмотрел на пустые столы.

— Кто-то пришёл сюда. Сел за мой стол. Ел то, над чем я работал годами. А потом написал несколько страниц, которые прочитали люди, никогда не пробовавшие мою еду.

— Это работа критика.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Леонардо повернулся к нему.

— Этот человек даже не попытался узнать, сколько всего стоит за каждой тарелкой.

Томмазо выдержал взгляд.

— А должен был?

Вопрос прозвучал слишком просто.

Леонардо почувствовал раздражение.

— Ты на чьей стороне?

— На твоей. Поэтому и спрашиваю.

Он положил руку другу на плечо.

— Послушай. В твоей жизни ещё будет много ресторанов. Я уверен. Но если ты позволишь этому человеку поселиться у себя в голове, то каждый новый проект будешь создавать не ради гостей. А чтобы доказать что-то тому, кого даже не знаешь.

Леонардо отвёл взгляд.

— Возможно, именно это мне и нужно.

Томмазо покачал головой.

— Нет, Лео. Тебе нужно снова полюбить то, чем ты занимаешься.

Он направился к выходу.

У двери остановился.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Сегодняшнее ризотто было лучшим блюдом, которое ты приготовил за последний год.

— Не преувеличивай.

— Я никогда не преувеличиваю, когда речь идёт о еде.

Дверь закрылась.

Леонардо остался один.

На следующее утро Париж встретил его холодным солнцем.

В аэропорту Шарль-де-Голль было многолюдно.

Леонардо сидел возле огромного окна бизнес-зала, наблюдая, как самолёты медленно движутся по взлётным полосам.

На нём были тёмные джинсы, белая рубашка и серое кашемировое пальто.

Рядом стоял единственный чемодан.

Всё остальное осталось в Париже.

Мебель.

Книги.

Коллекция ножей.

Большая часть вещей, которые ещё недавно казались важными.

Он оставил себе только старую записную книжку с рецептами, фотографии семьи и небольшой серебряный кулон в форме раковины, подаренный матерью на восемнадцатилетие.

В кармане лежал сложенный лист бумаги.

Последняя страница той самой рецензии.

Леонардо не знал, зачем взял её с собой.

Возможно, чтобы никогда не забывать.

Возможно, чтобы однажды перечитать и понять, что она больше не причиняет боли.

Он достал лист.

Развернул.

Снова пробежал глазами знакомые строки.

«Подлинному гению не нужно ничего доказывать».

Леонардо тихо рассмеялся.

— Легко говорить, когда ты прячешься за вымышленным именем.

Он аккуратно сложил страницу.

Посмотрел на телефон.

На экране светилось сообщение от матери.

«Ты прилетишь к ужину? Я приготовлю твою любимую пасту. И не смей говорить, что не голоден. Люблю тебя».

Леонардо улыбнулся.

Впервые за долгое время — искренне.

«Прилечу. И буду очень голоден», — ответил он.

Затем открыл контакты.

Набрал номер знакомого юриста, который помогал ему закрывать дела ресторана.

— Марк? Это Леонардо.

— Привет. Ты уже в самолёте?

— Почти. Есть одна просьба.

— Слушаю.

Леонардо посмотрел на сложенную страницу.

— Если когда-нибудь узнаешь настоящее имя Nocturne, сообщи мне.

На другом конце линии повисла пауза.

— Ты всё ещё хочешь это выяснить?

— Да.

— Зачем?

Леонардо ответил не сразу.

За огромным стеклом медленно поднимался в небо самолёт.

Он проследил за ним взглядом.

— Потому что однажды я хочу посмотреть этому человеку в глаза.

— И что ты скажешь?

Леонардо усмехнулся.

— Пока не решил.

Он завершил звонок.

Убрал телефон.

И впервые за несколько месяцев почувствовал облегчение.

Будто закрытая дверь ресторана осталась не только позади, но и где-то далеко внутри него.

Он ещё не был готов простить.

Ещё не был готов признать все собственные ошибки.

Но впервые позволил себе представить жизнь, в которой ему больше не нужно каждое утро доказывать миру, что он

лучший.

Впереди была Италия.

Море.

Новые кухни.

Новые люди.

И свобода, которой он не ощущал уже много лет.

Он поднялся, взял чемодан и направился к выходу на посадку.

В тот момент Леонардо Риччи поклялся себе в трёх вещах.

Больше никогда не зависеть от чужих денег.

Никогда не позволять никому определять его ценность.

И никогда больше не доверять человеку настолько, чтобы тот мог разрушить его жизнь.

Особенно женщине.

Он не знал, что последнюю клятву нарушит первой.

В нескольких километрах от аэропорта, на маленькой улице неподалёку от Люксембургского сада, молодая женщина сидела возле окна почти пустого кафе.

Перед ней остывал капучино.

На столе лежал ноутбук, рядом — блокнот в тёмной кожаной обложке.

На экране было открыто письмо от главного редактора Le Palais.

«Ваш материал о ресторане Риччи стал одной из самых обсуждаемых публикаций сезона. Мы хотели бы предложить

вам постоянную колонку».

Женщина перечитала сообщение.

Затем открыла новостной сайт.

На главной странице светилась фотография Леонардо Риччи.

Под ней — заголовок:

«Конец парижской мечты: знаменитый шеф-повар закрывает L'Origine».

Она долго смотрела на фотографию.

На его красивое, уверенное лицо.

На тёмные глаза.

На чуть насмешливую улыбку, с которой он позировал перед рестораном в день открытия.

Затем перевела взгляд на текст.

Прочитала о долгах.

О расторгнутых договорах.

Об уходе инвестора.

О последнем ужине.

И медленно закрыла ноутбук.

Она не испытывала торжества.

Не чувствовала удовлетворения от профессионального успеха.

Только неприятную тяжесть где-то под рёбрами.

Потому что прекрасно помнила тот вечер.

Помнила каждое блюдо.

Каждую деталь.

И то, с какой надеждой шла в ресторан человека, которого когда-то считала одним из самых талантливых поваров Европы.

Она действительно написала то, что думала.

Ни одного слова по заказу.

Ни одной фразы ради скандала.

Но теперь ей впервые пришлось столкнуться с простой, неудобной мыслью.

Правда тоже может причинять боль.

Особенно когда произносишь её публично, не зная всей истории.

Телефон на столе завибрировал.

На экране появилось имя.

Александр.

Она посмотрела на вызов.

Подождала.

И ответила.

— Да?

— Майя, дорогая, ты ещё в Париже?

— А где мне быть?

— Ты обещала приехать в офис к полудню.

Она взглянула на часы.

— Я помню.

— Надеюсь, ты не собираешься весь день переживать из-за истории с этим поваром?

Майя нахмурилась.

— Почему ты решил, что я переживаю?

Александр усмехнулся.

— Потому что я тебя знаю.

Она посмотрела на закрытый ноутбук.

— Не уверена.

— В чём?

— Что ты действительно меня знаешь.

На несколько секунд в трубке стало тихо.

Затем Александр заговорил более мягко:

— Майя, ты написала профессиональную рецензию. Ты не отвечаешь за чужие финансовые ошибки. И уж тем более не обязана спасать каждого талантливого мужчину, который не умеет вести бизнес.

Она закрыла глаза.

Он был прав.

Разумеется, прав.

И всё же…

— Увидимся в офисе, — сказала она.

— Люблю тебя.

Майя задержала дыхание.

— До встречи, Александр.

Она отключила звонок.

Сложила ноутбук в сумку.

Оставила деньги за кофе.

И вышла на улицу.

Париж пах дождём, свежим хлебом и ранней весной.

Она подняла воротник светлого пальто и направилась к перекрёстку.

Тёмные волосы свободно лежали на плечах.

Ветер бросил несколько прядей ей на лицо.

Майя Савиньи машинально убрала их за ухо.

На светофоре загорелся красный.

Она остановилась.

Достала телефон.

Ещё раз открыла фотографию Леонардо.

Несколько секунд смотрела на неё.

Потом удалила сохранённую статью.

Убрала телефон в карман.

И перешла улицу.

Она была уверена, что никогда не встретит этого человека.

Париж был огромен.

Мир — ещё больше.

А их жизни принадлежали совершенно разным вселенным.

Майя не могла знать, что через три года войдёт в зал роскошной виллы на Капри и встретит именно эти тёмные глаза.

Что мужчина с фотографии узнает её имя.

Что он будет смотреть на неё с такой откровенной неприязнью, словно ненавидел всю жизнь.

Что их первая ссора станет началом истории, которой ни один из них не пожелал бы для себя.

И уж тем более Майя не могла представить, что однажды именно этот мужчина станет для неё опаснее любого профессионального поражения.

Потому что заставит почувствовать то, от чего она годами старательно защищалась.

Любовь.

Неудобную.

Неразумную.

Разрушительную в своей искренности.

Любовь, которой невозможно управлять.

И которую невозможно забыть.

А пока между ними лежали три года.

Сотни километров.

Две совершенно разные жизни.

И несколько страниц в старом гастрономическом журнале.

Страниц, из-за которых однажды начнётся их история.

История мужчины, который поклялся больше никому не доверять.

И женщины, которая ещё не знала, что однажды станет для него самым желанным человеком на свете.

И самым опасным.

ГЛАВА 1. ПРИГЛАШЕНИЕ В РАЙ

Париж. Три года спустя.

У каждого рая есть своя цена.

Майя Савиньи знала это лучше многих.

Одни платили деньгами. Другие — свободой. Третьи обнаруживали слишком поздно, что за возможность прикоснуться к мечте приходится отдавать нечто гораздо более ценное.

Например, собственное спокойствие.

В то утро Париж просыпался под мелким апрельским дождём.

Старинные дома на авеню Монтень казались почти акварельными: серые фасады растворялись в лёгкой дымке, витрины модных бутиков отражали влажные тротуары, а прохожие, спрятавшись под зонтами, спешили навстречу делам, которые, разумеется, не могли подождать до окончания дождя.

Майя сидела за широким письменным столом в своём кабинете на четвёртом этаже отреставрированного особняка.

Перед ней стояла чашка эспрессо, давно утратившего идеальную температуру.

Рядом лежали три папки с проектами, телефон, записная книжка в кожаном переплёте и распечатанный финансовый отчёт.

Последний раздражал её больше всего.

— Скажи мне, что я неправильно читаю эти цифры, — произнесла она, не поднимая головы.

Напротив сидела Камилла Дюмон — её личная помощница, правая рука и единственный человек в агентстве, который позволял себе спорить с начальницей до первого кофе.

Камилла поправила очки.

— Ты неправильно читаешь эти цифры.

Майя подняла взгляд.

— Правда?

— Нет. Но ты попросила.

Майя откинулась на спинку кресла.

— Прекрасно. Значит, мы окончательно перешли от финансового планирования к психотерапии.

— Психотерапия дешевле, чем аренда этого офиса.

— Камилла.

— Особенно если учесть стоимость цветов, которые ты заказываешь каждую неделю.

Майя посмотрела на огромную композицию из белых калл возле окна.

— Цветы создают атмосферу.

— Атмосфера не оплачивает счета.

— Ты сегодня невыносима.

— Я училась у лучшей.

Обе невольно улыбнулись.

Майя закрыла папку.

Ей было тридцать четыре, и за последние три года она успела сделать то, на что другие тратили десятилетия: уйти из престижного гастрономического издания, разорвать помолвку, создать собственное агентство и превратить профессиональную репутацию в независимый бизнес.

Savigny Atelier.

Агентство, специализирующееся на создании концепций для гастрономических пространств, частных клубов и премиальных отелей.

Они разрабатывали всё: от философии кухни и визуального языка ресторана до сценариев обслуживания, музыкальной атмосферы и эмоционального впечатления, с которым гость покидал заведение.

Майя не просто придумывала красивые интерьеры.

Она создавала места, куда хотелось возвращаться.

Но независимость оказалась дорогим удовольствием.

После успешного проекта в Женеве последовали два отменённых контракта. Один инвестор неожиданно продал гостиничную группу, другой заморозил финансирование из-за разногласий с партнёрами.

Агентство продолжало работать.

Но для следующего шага ему требовалось нечто большее, чем очередной камерный ресторан в Париже.

Ему нужен был проект, который изменит масштаб бизнеса.

— Сколько у нас времени? — спросила Майя.

Камилла поняла вопрос без уточнений.

— Если не учитывать два контракта на стадии переговоров, резервов хватит примерно на четыре месяца текущих расходов. Но деньги за Женеву поступят в мае.

— Если поступят.

— Поступят. Я уже трижды разговаривала с их финансо-

вым директором.

— И?

— Он начал узнавать мой голос.

— Хороший знак.

— Он больше не берёт трубку.

Майя рассмеялась.

На мгновение напряжение отступило.

Она потянулась к чашке и поморщилась, попробовав кофе.

— Холодный.

— Я предлагала принести новый.

— Когда?

— Сорок минут назад.

— И почему не принесла?

— Ты сказала, что если я ещё раз войду без стука, то отправишь меня работать в Сибирь.

Майя задумалась.

— Возможно, я была слишком категорична.

— Я так и решила.

Камилла поднялась, собирая документы.

Именно в этот момент на столе зазвонил телефон.

Незнакомый итальянский номер.

Майя взглянула на экран.

— Кто это?

Камилла пожала плечами.

— Может, наконец тот самый миллионер, который захо-

чет подарить тебе виллу.

— Если он предложит виллу без обязательств, соединяй немедленно.

— Телефон уже у тебя в руках.

Майя провела пальцем по экрану.

— Майя Савиньи, слушаю.

— Доброе утро, мадемуазель Савиньи. Меня зовут Маттео Валенти. Я представляю инвестиционный консорциум Aurelia Hospitality.

Голос был мужским, низким, с мягким итальянским акцентом.

Майя выпрямилась.

Название было ей знакомо.

Aurelia Hospitality занималась развитием исключительных гостиничных объектов в Европе. Компания не строила стандартные отели, не открывала сетевые рестораны и практически никогда не работала с массовым рынком.

Её инвестиции измерялись десятками миллионов евро.

А проекты регулярно попадали на страницы архитектурных и туристических изданий.

— Доброе утро, синьор Валенти.

— Надеюсь, я не отвлекаю вас?

Майя посмотрела на финансовый отчёт.

— Напротив. Вы выбрали удачный момент.

— Рад это слышать. Мы внимательно изучили ваши последние проекты. Особенно гастрономическую резиденцию

в Женеве.

— Благодарю.

— У вас интересный подход. Вы не продаёте гостям роскошь. Вы создаёте ощущение, что роскошь является естественной частью их жизни.

Майя слегка приподняла бровь.

Комплимент был слишком точным, чтобы быть случайным.

— Именно к этому мы стремимся.

— В таком случае, полагаю, у нас есть о чём поговорить.

Он выдержал короткую паузу.

— Мы готовим новый проект на острове Капри. И рассматриваем ваше агентство в качестве одного из основных кандидатов на разработку концепции.

Майя перестала вращать ручку между пальцами.

Капри.

Остров, на котором голубая вода казалась почти неправдоподобной, а стоимость одного номера в некоторых отелях могла превышать месячную зарплату обычного европейского служащего.

— Какого рода проект? — спросила она.

— Частная гастрономическая резиденция. Историческая вилла, ограниченное количество люксов, авторские ресторанные пространства и эксклюзивные программы для гостей. Мы хотим создать не просто отель, а самостоятельное направление гастрономического туризма.

Майя потянулась за блокнотом.

— Какой бюджет?

— Общий объём инвестиций предварительно составляет тридцать два миллиона евро.

Она медленно положила ручку.

Камилла, наблюдавшая за выражением её лица, беззвучно спросила:

— Что?

Майя подняла указательный палец, призывая к тишине.

— Тридцать два миллиона? — переспросила она.

— На текущем этапе. После окончательного утверждения архитектурной части сумма может быть скорректирована.

— И вы хотите поручить нам всю гастрономическую концепцию?

— Включая позиционирование, проектирование гостевого опыта, взаимодействие с шеф-поваром, разработку общей концепции ресторанов и подготовку к запуску.

Майя смотрела в окно.

По стеклу медленно стекала капля дождя.

— Когда вы планируете начать?

— Как можно скорее. Но прежде нам необходимо лично встретиться. Я сейчас в Париже.

— Насколько надолго?

— До завтрашнего вечера.

— Сегодня у меня довольно плотный график.

Камилла выразительно посмотрела на почти пустую стра-

ницу ежедневника.

Майя отвернулась.

— Разумеется, — ответил Валенти. — Однако я был бы признателен, если бы вы нашли для нас час. Скажем, в шестнадцать тридцать?

— Где?

— В отеле Le Bristol. Я забронирую переговорную комнату.

Майя выдержала паузу.

Ровно настолько долгую, чтобы приглашение не показалось ей слишком желанным.

— Хорошо, синьор Валенти. В шестнадцать тридцать.

— Благодарю. И, мадемуазель Савиньи…

— Да?

— Мне кажется, этот проект вас удивит.

Связь оборвалась.

Майя ещё несколько секунд смотрела на телефон.

Затем медленно подняла глаза.

Камилла стояла перед ней с широко раскрытым ртом.

— Только не говори, что это был…

— Маттео Валенти.

— Из Aurelia Hospitality?

— Да.

— Той самой?

— Если ты знаешь ещё одну компанию, инвестирующую тридцать два миллиона в частные резиденции, познакомь

меня с ней.

Камилла опустилась в кресло.

— Господи.

— Не драматизируй.

— Тридцать два миллиона?

— Это общий бюджет, Камилла. Не наш гонорар.

— Я понимаю. Но…

Она замолчала, затем улыбнулась.

— Майя, это может всё изменить.

Майя снова посмотрела на финансовый отчёт.

Четыре месяца.

Четыре месяца до момента, когда придётся принимать решения, которые ей совсем не нравились.

— Знаю, — тихо ответила она.

И впервые за долгое время почувствовала не тревогу.

Предвкушение.

В половине четвёртого Майя стояла перед зеркалом в гардеробной своего офиса.

На ней был брючный костюм цвета слоновой кости, шёлковый топ оттенка шампанского и туфли на тонком каблуке.

Длинные каштановые волосы свободно спадали на плечи мягкими волнами.

Она предпочитала неброские украшения: маленькие золотые серьги, часы и тонкое кольцо без камней.

Никакой демонстративной роскоши.

Только безупречная посадка одежды, качественные ткани

и уверенность женщины, которая привыкла входить в комнату так, словно уже знает, зачем её туда пригласили.

Камилла стояла в дверях.

— Ты выглядишь так, будто собираешься купить этот отель.

— Разве это плохо?

— Для отеля — возможно.

Майя поправила манжет.

— Подготовила информацию по консорциуму?

— Всё, что удалось найти. Итальянские и французские инвестиции, несколько частных акционеров. Они крайне редко раскрывают полную структуру финансирования до подписания контрактов.

— Кто управляет проектом?

— Маттео Валенти. Сорок один год. Раньше руководил гостиничными проектами в Милане и Лондоне. Женат, двое детей.

Майя повернула голову.

— Последнее зачем?

— На всякий случай.

— Камилла.

— Ты постоянно говоришь, что хочешь познакомиться с достойным мужчиной.

— Я говорю, что хочу познакомиться с достойным бухгалтером, который научится превращать расходы в прибыль.

— Почти одно и то же.

Майя покачала головой.

— Что ещё?

— Вилла находится на южном побережье Капри. Реконструкция началась в прошлом году, но проект гастрономической части до сих пор не утверждён. По предварительным данным, планируется двадцать четыре люкса, два ресторанных пространства, винная библиотека и закрытая кулинарная студия.

Майя задумалась.

— Интересно.

— Очень.

— Кто архитектор?

— Итальянское бюро Bellandi Studio. Они работали над несколькими историческими виллами в Тоскане.

— Хороший выбор.

— Есть ещё кое-что.

Майя повернулась.

— Что?

Камилла протянула планшет.

На экране появилась фотография великолепной виллы, расположенной на скалистом побережье.

Белоснежные стены.

Террасы, утопающие в бугенвиллеях.

Высокие арочные окна.

Древние каменные лестницы, спускающиеся к морю.

И бесконечная синева, раскинувшаяся за ними.

Майя приблизила изображение.

— Боже мой…

— Красиво, правда?

— Нет, Камилла.

Она провела пальцем по экрану.

— Это опасно красиво.

— В каком смысле?

Майя улыбнулась.

— В таком, что люди будут готовы платить любые деньги, чтобы провести здесь хотя бы одну ночь.

Отель Le Bristol встретил её мягким светом, ароматом свежих цветов и той почти незаметной безупречностью сервиса, которую невозможно имитировать.

В холле играла негромкая фортепианная музыка.

Майя прошла по мраморному полу, поздоровалась с администратором и поднялась в небольшой приватный салон.

Маттео Валенти ждал её у окна.

Высокий, элегантный итальянец с коротко подстриженными тёмными волосами и внимательным взглядом. На нём был серый костюм, безупречно сидевший на фигуре, и тёмно-синий галстук.

Увидев Майю, он поднялся.

— Мадемуазель Савиньи.

— Синьор Валенти.

Они обменялись рукопожатием.

— Рад наконец познакомиться.

— Взаимно.

— Прошу, присаживайтесь.

На столе стояли вода, кофе и небольшая тарелка с пирожными.

Майя выбрала кресло напротив.

Маттео сел, открыл кожаную папку и несколько секунд рассматривал её с деликатным любопытством.

— Признаться, я ожидал увидеть человека немного старше.

Майя чуть улыбнулась.

— Надеюсь, это не разочарование.

— Напротив. Я восхищаюсь людьми, которые успевают добиться многого до сорока.

— Мне пока тридцать четыре.

— Тем более.

Она сложила руки на коленях.

— Полагаю, вы пригласили меня не ради обсуждения возраста.

Маттео рассмеялся.

— Ваша репутация полностью соответствует действительности.

— Какая именно?

— Вы не любите тратить время.

— Только чужое. Собственным я распоряжаюсь значительно свободнее.

Он улыбнулся и развернул перед ней планшет.

На экране появился архитектурный рендеринг.

Вилла.

Та самая.

Но теперь изображение было гораздо подробнее.

Длинная терраса, обрамлённая кипарисами.

Бассейн, словно растворяющийся в море.

Обеденные столы под открытым небом.

Стеклянные двери, за которыми просматривался ресторан с высоким сводчатым потолком.

— Residenza Azzurra, — произнёс Маттео. — Таково рабочее название.

Майя внимательно изучала изображения.

— Сколько лет зданию?

— Основная часть построена в конце девятнадцатого века. Впоследствии виллу несколько раз перестраивали. Последние двадцать лет она принадлежала частной семье и практически не использовалась.

— Почему решили создать именно гастрономическую резиденцию?

Маттео откинулся на спинку кресла.

— Потому что роскошных отелей в Европе достаточно. Красивых видов — тоже. Но мы хотим предложить гостю не просто проживание, а опыт, ради которого он будет возвращаться.

— Какой именно?

— Вы должны нам сказать.

Майя медленно улыбнулась.

— Хороший ответ.

— Я надеялся, что вам понравится.

— Но пока вы продаёте мне красивую архитектуру, синьор Валенти. А не идею.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Продолжайте.

Майя коснулась экрана.

— Двадцать четыре люкса. Два ресторана. Кулинарная студия. Винная библиотека. Всё это можно построить практически в любом дорогом отеле. Чем ваша резиденция будет отличаться от конкурентов?

— Именно для этого нам и нужен специалист вашего уровня.

— Тогда позвольте мне предложить направление.

Она немного придвинула планшет.

— Капри — это не только яхты, шампанское и красивые фотографии на закате. Это южная Италия. Рыбацкие традиции. Семейные рецепты. Маленькие фермы. Лимонные сады. Продукты, у которых есть история. А главное — люди, способные эту историю рассказать.

Маттео слушал, не перебивая.

— Я бы не строила концепцию вокруг демонстрации богатства, — продолжила Майя. — Я бы построила её вокруг ощущения исключительной близости к месту. Представьте: гость приезжает на остров и оказывается не в отеле, а в част-

ном доме с собственной гастрономической философией.

— Интересно.

— Утром ему подают завтрак на террасе, используя продукты, собранные на острове. Днём он может отправиться с шеф-поваром к местным производителям. Вечером — попасть на ужин, где меню создаётся вокруг того, что море и земля подарили сегодня.

Маттео немного наклонился вперёд.

— А второй ресторан?

— Более камерный. Максимум двенадцать гостей. Никакого стандартного меню. Только дегустационный опыт, который меняется в зависимости от сезона и творческого замысла шефа.

— Вы предлагаете отказаться от постоянного меню?

— Не полностью. Один ресторан должен быть открытым и доступным для гостей резиденции. Второй — стать её эмоциональным центром. Местом, о котором говорят шёпотом, потому что попасть туда почти невозможно.

Маттео несколько секунд молчал.

Потом произнёс:

— Любопытно. Вы почти дословно описали то, чего хочет наш ведущий шеф-повар.

Майя заинтересованно подняла глаза.

— Он уже назначен?

— Да.

— Тогда это важная информация.

— Несомненно.

— Кто он?

Маттео посмотрел на неё с выражением человека, приготовившего главный аргумент.

— Полагаю, это имя вам знакомо.

Майя слегка улыбнулась.

— В гастрономическом мире осталось не так много имён, которые способны меня удивить.

— Леонардо Риччи.

Улыбка исчезла.

Совершенно.

На несколько секунд все звуки вокруг словно отдалились.

Тихая музыка.

Шум автомобилей за окнами.

Звон чашек в соседнем помещении.

Майя продолжала смотреть на Маттео.

Не моргая.

— Простите, — произнесла она наконец. — Вы сказали…

— Леонардо Риччи.

Маттео улыбнулся.

— Итальянский шеф-повар. Несколько успешных проектов. Рестораны в Неаполе, Риме и на побережье. Его имя в последние годы стало настоящим символом современной средиземноморской кухни.

Майя почувствовала, как холодеют пальцы.

Леонардо.

Риччи.

Из всех поваров Европы.

Из сотен талантливых шефов, способных возглавить подобный проект.

Именно он.

— Я знаю, кто такой Леонардо Риччи, — спокойно ответила она.

Слишком спокойно.

Маттео ничего не заметил.

— Великолепно. В таком случае вы понимаете, почему мы считаем его участие принципиальным.

Майя медленно взяла стакан воды.

Сделала маленький глоток.

Поставила обратно.

— Насколько принципиальным?

— Простите?

— Его участие. Это обсуждаемое условие или окончательное решение?

Маттео слегка нахмурился.

— Окончательное.

— Понятно.

— Есть причина, по которой вы спрашиваете?

Майя встретилась с ним взглядом.

Одна секунда.

Вторая.

Третья.

Ей достаточно было произнести несколько слов.

Три года назад я опубликовала разгромную рецензию на его ресторан.

Под псевдонимом Nocturne.

И до сих пор не уверена, что он знает, кто стоял за этим именем.

Она могла рассказать всё прямо сейчас.

Отказаться.

Поблагодарить за предложение.

Выйти из отеля и вернуться к прежней жизни.

Но затем вспомнила свой офис.

Камиллу.

Дизайнеров, аналитиков, архитекторов, которые поверили в её агентство.

Четыре месяца финансового резерва.

И собственную мечту, которую она столько лет строила буквально по кирпичику.

— Никакой особенной причины, — ответила Майя. — Просто при разработке концепции мне необходимо понимать, насколько свободно мы сможем взаимодействовать с шеф-поваром.

Маттео улыбнулся.

— Я рад, что вы задали этот вопрос.

Он открыл новый документ.

— Потому что в этом и заключается наша главная задача. Мы ищем человека, который сможет стать равноправным

творческим партнёром Риччи.

Майя едва не рассмеялась.

Равноправным партнёром.

Леонардо Риччи.

Человеком, чью профессиональную гордость она когда-то задела настолько глубоко, что его имя ещё несколько месяцев не исчезало из гастрономических дискуссий.

— Синьор Валенти, — произнесла она, — вы лично знакомы с ним?

— Разумеется.

— Тогда вы должны понимать, что равноправное партнёрство с Леонардо Риччи может оказаться непростой задачей.

Маттео рассмеялся.

— О, поверьте, я прекрасно осведомлён о его характере.

— Правда?

— Упрям. Требователен. Терпеть не может компромиссов.

— Продолжайте.

— Иногда совершенно невыносим.

Майя невольно улыбнулась.

— Впечатляющее резюме.

— Но он гениален.

Она отвела взгляд к окну.

— Да, — тихо сказала Майя. — В этом я никогда не сомневалась.

Маттео не придал её словам особого значения.

— Если мы достигнем соглашения, вы встретитесь на вилле. Сначала проведёте совместную оценку объекта, затем разработаете творческую концепцию.

— Кто принимает окончательные решения?

— Вопросы кухни — Риччи. Позиционирование и гостевой опыт — ваше агентство. Бюджет и коммерческие параметры утверждаем мы.

— А если наши взгляды не совпадут?

Маттео улыбнулся.

— Тогда вам придётся найти решение.

Майя посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы очень оптимистичный человек.

— Это обязательное качество для инвестора.

Она улыбнулась в ответ.

Но внутри уже поднималось знакомое неприятное чувство.

Чувство, которое три года назад появилось в маленьком парижском кафе, когда она впервые прочитала новость о закрытии L'Origine.

Тогда Майя решила, что история закончена.

Оказалось, она только начиналась.

Переговоры продолжались ещё почти два часа.

Маттео подробно рассказал о проекте.

Резиденция должна была стать одним из самых закрытых и дорогих гастрономических направлений Средиземноморья.

Не массовый туристический объект.

Не очередной отель, продающий гостям дорогие номера и красивый вид.

А место для людей, которым недостаточно просто обладать деньгами.

Для тех, кто хотел переживать исключительные впечатления.

Резиденция должна была принимать не более пятидесяти гостей одновременно.

Здесь планировались персональные гастрономические маршруты, закрытые ужины, индивидуальные винные дегустации, встречи с шеф-поварами и сезонные программы, которые невозможно повторить дважды.

Инвестиционный бюджет составлял тридцать два миллиона евро.

Предварительная стоимость контрактов на разработку, запуск и сопровождение гастрономической концепции была существенно выше всего, с чем агентство Майи работало раньше.

Когда Маттео назвал ориентировочную сумму гонорара, она не изменилась в лице.

Хотя мысленно пересчитала её дважды.

Этого контракта хватило бы не просто на сохранение бизнеса.

Он позволил бы открыть представительство в Милане, нанять специалистов международного уровня и наконец пере-

стать выбирать проекты исходя из необходимости оплачивать аренду.

— Предварительно мы готовы рассмотреть контракт сроком на четырнадцать месяцев, — сообщил Маттео. — С возможностью продления после открытия.

— Мне потребуется участие моей основной команды.

— Разумеется.

— И прямой доступ к архитекторам, операционному директору, финансовым консультантам и представителям кухни.

— Согласен.

— Также я хочу, чтобы в договоре было закреплено право на независимые профессиональные рекомендации.

Маттео приподнял бровь.

— Поясните.

— Я не готова создавать красивую оболочку вокруг концепции, которую считаю неэффективной. Если увижу ошибку, скажу об этом. Независимо от того, насколько знаменит человек, который её допустил.

Маттео несколько секунд смотрел на неё.

Потом улыбнулся.

— Знаете, мадемуазель Савиньи, именно поэтому мы вас и пригласили.

— Из-за моего характера?

— Из-за способности не соглашаться с влиятельными людьми.

Майя чуть наклонила голову.

— Иногда это дорого обходится.

— Возможно. Но ещё дороже обходится отсутствие тех, кто способен сказать правду.

Она опустила глаза.

Странно.

Именно эта фраза когда-то стала оправданием её профессии.

Именно в неё Майя верила, когда писала под псевдонимом Nocturne.

И именно из-за неё теперь рисковала потерять самый важный контракт в своей жизни.

Маттео закрыл папку.

— Итак, что скажете?

Майя выпрямилась.

— Предложение исключительно интересное.

— Но?

— Мне необходимо изучить документы. Особенно распределение ответственности и порядок принятия решений.

— Естественно.

— И я хотела бы получить полный финансовый план гастрономического направления.

— Подготовим.

— А также подтверждение состава творческой команды.

Маттео достал из папки отдельный лист.

— Здесь предварительная структура.

Майя посмотрела.

Архитектор.

Операционный директор.

Директор по развитию.

Консультанты.

И последняя строка.

Леонардо Риччи — Executive Chef & Creative Culinary Director.

Она задержала взгляд на имени.

Маттео заметил.

— Что-то смущает?

Майя подняла глаза.

— Я предпочитаю заранее понимать, с кем мне предстоит работать.

— Поверьте, Риччи производит сильное впечатление.

— В этом я уверена.

— Его последние проекты пользуются большим успехом.

— Мне известно.

— Вы когда-нибудь встречались?

Вопрос прозвучал легко.

Почти случайно.

Но Майя почувствовала, как напряглись мышцы спины.

— Лично — нет.

Ответ был правдой.

Она действительно никогда не встречалась с Леонардо Риччи.

Три года назад, когда работала над рецензией, ресторан посещал другой шеф. Она пробовала блюда, наблюдала за сервисом, изучала концепцию, но самого Леонардо в тот вечер не видела.

Его присутствие ощущалось повсюду.

В интерьере.

В меню.

В чрезмерно сложных подачах.

В той почти болезненной амбициозности, которой было пропитано заведение.

Но лицом к лицу они не стояли ни разу.

— Тогда, полагаю, знакомство будет интересным, — сказал Маттео.

Майя едва заметно улыбнулась.

Интересным.

Какое удивительно неподходящее слово.

— Не сомневаюсь.

Маттео протянул ей руку.

— Жду вашего решения в течение двух дней.

Она пожала её.

— Вы его получите.

— И ещё кое-что, мадемуазель Савиньи.

— Да?

— Мы рассматриваем ваше агентство как предпочтительного партнёра. Но окончательное утверждение творческой команды предполагает согласование с Леонардо.

Майя замерла.

— Он имеет право вето?

— В отношении непосредственного творческого партнёра — да.

Несколько секунд она молчала.

— Понятно.

— Это вас беспокоит?

Майя медленно улыбнулась.

— Нет, синьор Валенти.

Она подняла сумку.

— Я просто начинаю понимать, насколько интересным окажется этот проект.

Когда Майя вышла из отеля, дождь закончился.

Париж сиял после ливня.

Влажный асфальт отражал золотые фасады, дорогие автомобили медленно двигались вдоль улицы, а перед входом в отель консьерж помогал пожилой паре с багажом.

Майя остановилась под навесом.

Достала телефон.

Открыла браузер.

Набрала имя, которое не вводила в строку поиска уже несколько лет.

Leonardo Ricci.

Результаты появились мгновенно.

Фотографии.

Интервью.

Ресторанные рейтинги.

Новости об открытии новых заведений.

Он изменился.

На свежих фотографиях Леонардо выглядел старше, жёстче, увереннее.

Тёмные волосы стали немного длиннее.

На лице появилась аккуратная щетина.

Уголки губ почти всегда сохраняли ту самую ироничную полуулыбку, которая когда-то раздражала Майю даже на журнальных снимках.

Она открыла одно из последних интервью.

«После Парижа я перестал интересоваться мнением людей, которые не способны создать ничего собственного, но прекрасно умеют разрушать чужое».

Майя почувствовала неприятный укол.

Она перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Конечно, он не произносил её специально для неё.

Он даже не знал, кто она.

Но слова попали точно в цель.

Ниже следовал вопрос журналиста.

«Вы всё ещё болезненно воспринимаете историю с L'Origine?»

Ответ Леонардо был коротким.

«Я не живу прошлым. Но у меня хорошая память».

Майя закрыла страницу.

— Прекрасно, — пробормотала она.

Мимо прошла молодая пара.

Девушка смеялась, обнимая мужчину за талию.

Тот наклонился и поцеловал её в висок.

Майя отвернулась.

Когда-то подобные сцены казались ей естественными.

Теперь — немного театральными.

Три года назад она тоже верила человеку, который обещал ей любовь, уважение и совместное будущее.

А потом обнаружила, что у Александра Деверо всегда существовало два варианта правды.

Один — для деловых партнёров.

Другой — для женщин, которых он убеждал в собственной исключительности.

После разрыва Майя поклялась больше не становиться удобным приложением к чьей-либо жизни.

И сдержала слово.

Она создала бизнес.

Научилась путешествовать одна.

Перестала ждать сообщений.

И убедила себя, что чувства — это роскошь, которую разумный человек должен позволять себе только в строго ограниченных количествах.

Сейчас её жизнь была почти идеальна.

Если не считать финансовых отчётов, пустой квартиры и внезапного появления Леонардо Риччи.

Майя вызвала машину.

— Куда едем, мадам? — спросил водитель.

Она назвала адрес офиса.

Потом посмотрела в окно.

На секунду ей пришла совершенно нелепая мысль.

Может, это судьба?

Майя тут же усмехнулась.

Она не верила в судьбу.

Она верила в договоры.

И в то, что мелкий шрифт нужно читать особенно внимательно.

Камилла встретила её в приёмной.

— Ну?

Майя сняла пальто.

— Добрый вечер и тебе.

— Майя.

— Что?

— Я уже два часа сижу здесь и представляю, как ты подписываешь контракт, мы открываем офис в Милане, а я наконец получаю помощника.

Майя прошла к своему кабинету.

— Начни с нового кофейного аппарата. Это более реалистичная мечта.

Камилла последовала за ней.

— Как всё прошло?

— Очень хорошо.

— Насколько хорошо?

Майя поставила сумку на стол.

— Настолько, что у нас есть шанс получить самый крупный контракт в истории агентства.

Камилла остановилась.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Майя!

Она бросилась к начальнице и крепко обняла её.

Майя рассмеялась.

— Осторожнее. Контракт ещё не подписан.

— Мне всё равно!

— А мне нет.

Камилла отступила, сияя.

— И что они хотят?

— Эксклюзивную гастрономическую концепцию. Четырнадцать месяцев работы. Архитектура, сервис, ресторанные пространства, кулинарная программа. Всё на высочайшем уровне.

— Господи, это невероятно.

— Да.

— А кто шеф?

Майя медленно села за стол.

— Леонардо Риччи.

Камилла моргнула.

— Кто?

— Леонардо Риччи.

Секунда.

Другая.

Улыбка исчезла с её лица.

— Подожди…

Майя кивнула.

— Именно.

— Тот самый?

— Он один такой.

— Из Парижа?

— Да.

— Из L'Origine?

— Камилла, если ты перечислишь всю его биографию, ситуация не станет менее неприятной.

Та медленно опустилась в кресло.

— Нет.

— Очень содержательно.

— Нет, Майя.

— Я услышала.

— Ты не можешь согласиться.

Майя подняла бровь.

— Почему?

Камилла посмотрела на неё так, словно перед ней сидел человек, добровольно решивший отправиться купаться среди акул.

— Потому что ты уничтожила его ресторан!

— Я написала рецензию.

— После которой ресторан закрылся!

— Через четыре месяца. И не только из-за рецензии.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Майя отвела взгляд.

Конечно, понимала.

Гораздо лучше, чем хотела признавать.

— Он знает? — спросила Камилла.

— Что именно?

— Что ты была Nocturne.

— Насколько мне известно, нет.

— А инвесторы?

— Тоже нет.

Камилла закрыла лицо ладонями.

— Это катастрофа.

— Ты драматизируешь.

— Я? Майя, ты собираешься работать с человеком, который три года пытался выяснить твою личность!

Майя резко подняла глаза.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что тогда об этом говорили все!

Камилла подалась вперёд.

— Ты забыла, как он требовал раскрыть имя автора? Как его представители обращались к редакции? Как журналисты строили догадки?

— Не забыла.

— Тогда зачем?

Майя медленно сложила руки на столе.

— Потому что это работа.

— Работа?

— Да.

— Ты говоришь так, будто речь идёт о разработке меню для маленького кафе.

— Я прекрасно понимаю масштаб проекта.

— Тогда ты должна понимать и риски.

Майя некоторое время молчала.

Потом тихо произнесла:

— Камилла, ты знаешь, сколько лет я строила это агентство?

— Знаю.

— Сколько раз мне отказывали, потому что я была слишком молодой? Слишком независимой? Слишком требовательной?

— Майя…

— Ты помнишь, как мы начинали? Два стола, старый принтер и переговорная, которую приходилось арендовать по часам?

Камилла опустила глаза.

— Помню.

— И теперь мне предлагают проект, который может вывести нас на международный рынок. Настоящий. Не несколько красивых публикаций и временное внимание прессы. А

долгосрочные контракты. Новую команду. Возможность выбирать клиентов.

Она сделала паузу.

— И ты предлагаешь отказаться, потому что три года назад я написала рецензию, с которой один талантливый и очень самолюбивый мужчина не смог смириться?

Камилла долго смотрела на неё.

— Я предлагаю подумать, что будет, когда он узнает правду.

Майя промолчала.

— Он ведь узнает, — продолжила помощница. — Рано или поздно.

— Возможно.

— И что тогда?

Майя встала.

Подошла к окну.

За стеклом Париж постепенно зажигал вечерние огни.

— Тогда нам придётся иметь дело с последствиями.

— Ты говоришь так, будто это будет просто ещё один пункт в договоре.

— Я не могу строить жизнь вокруг того, что кто-то когда-нибудь может разозлиться на меня.

Камилла поднялась.

— А если он откажется с тобой работать?

Майя повернулась.

— Значит, ему придётся объяснить инвесторам, почему

он отказывается от профессионала, которого они выбрали.

— Он имеет право вето?

Майя не ответила.

Камилла шумно выдохнула.

— Боже мой. Имеет.

— В определённых вопросах.

— Майя!

— Перестань кричать.

— Я не кричу. Я пытаюсь понять, когда ты успела окончательно потерять инстинкт самосохранения.

Майя неожиданно улыбнулась.

— Возможно, тогда, когда решила открыть собственное агентство.

Камилла покачала головой.

Но затем тоже улыбнулась.

— Ты невозможная женщина.

— Поэтому ты до сих пор со мной работаешь.

— Я работаю с тобой, потому что однажды ты обещала, что мы создадим нечто выдающееся.

Майя посмотрела на неё мягче.

— Я помню.

Камилла приблизилась к столу.

— Тогда пообещай хотя бы одно.

— Что?

— Если согласишься, не превращай это в войну.

Майя усмехнулась.

— Я не собираюсь воевать с Леонардо Риччи.

— Прекрасно.

— Если, конечно, он не начнёт первым.

— Вот этого я и боялась.

Вечером Майя вернулась домой позднее обычного.

Её квартира находилась в старинном доме недалеко от площади Вогезов.

Высокие потолки.

Светлый паркет.

Большие окна.

Кухня из натурального камня и тёмного дерева.

На полках — художественные альбомы, редкие книги о гастрономии и несколько керамических изделий, привезённых из Италии.

Всё здесь было тщательно подобрано.

Красиво.

Дорого.

Безупречно.

И почти всегда слишком тихо.

Майя сняла туфли, распустила волосы и прошла на кухню.

Открыла холодильник.

Несколько бутылок воды.

Кусок пармезана.

Черри.

Лимоны.

Белое вино.

Она задумчиво посмотрела на содержимое.

— Блестяще, Савиньи, — пробормотала она. — Создаёшь гастрономические концепции за миллионы, а сама питаешься так, будто живёшь в гостинице.

Она достала помидоры, немного пасты и оливковое масло.

Готовить Майя любила.

Но редко позволяла себе делать это просто ради удовольствия.

В юности она мечтала стать поваром.

Не знаменитым.

Не обладателем престижных наград.

Просто человеком, способным создавать счастье из самых обычных ингредиентов.

Её мать говорила, что Майя умеет чувствовать вкус ещё до того, как пробует блюдо.

Возможно, именно поэтому гастрономия стала её профессией.

Только жизнь постепенно отвела её от плиты.

Сначала университет.

Потом работа в журнале.

Затем стремительный карьерный рост.

Отношения с Александром.

Собственное агентство.

И бесконечные обязательства, которые оставляли всё меньше места для простых удовольствий.

Майя поставила на плиту сотейник.

Добавила оливковое масло.

Чеснок.

Помидоры.

В воздухе появился тёплый аромат.

Она закрыла глаза.

И неожиданно вспомнила L'Origine.

Тот вечер.

Три года назад.

Ресторан, который произвёл на неё странное впечатление ещё до того, как официант принёс первую подачу.

Слишком красивый.

Слишком тщательно продуманный.

Слишком уверенный в собственной исключительности.

Она помнила, как пробовала морского гребешка.

И как её первой мыслью было не восхищение.

А разочарование.

Потому что за всеми техническими эффектами она не почувствовала главного.

Продукта.

Его естественного вкуса.

Его характера.

Тогда она написала рецензию за одну ночь.

Без злости.

Без намерения навредить.

С той беспощадной искренностью, которую считала профессиональной обязанностью.

И всё же после закрытия ресторана перечитывала текст снова и снова.

Пытаясь понять, где заканчивается честная критика и начинается ответственность за чужую боль.

Ответа она так и не нашла.

Майя убавила огонь.

Взяла телефон.

Снова открыла интервью Леонардо.

На этот раз не стала читать слова.

Она смотрела на фотографию.

Мужчина стоял на террасе ресторана где-то в Южной Италии.

Белая рубашка.

Тёмные брюки.

Рукава закатаны.

На лице уверенная, чуть дерзкая улыбка.

Одна рука лежала на перилах, другая держала бокал воды.

За его спиной расстилалось море.

Майя увеличила изображение.

Не потому, что собиралась рассматривать его внешность.

Разумеется, нет.

Просто фотография была необычайно удачной.

Очень удачной.

Она невольно отметила широкую линию плеч, сильные руки, тёмные глаза, красивый профиль.

И внезапно рассердилась на себя.

— Великолепно, — произнесла она вслух. — Теперь мне ещё и нравится внешность человека, который при первой возможности захочет меня придушить.

Она заблокировала экран.

Но через несколько секунд снова взяла телефон.

На этот раз открыла его профессиональное интервью о современной итальянской кухне.

«Я не люблю блюда, которые пытаются произвести впечатление. Мне интересна еда, способная вызвать эмоцию. Если человек попробовал что-то и вспомнил детство, море, любимую женщину или вечер с семьёй — значит, я сделал свою работу правильно».

Майя застыла.

Она медленно перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Три года назад она упрекнула его именно в том, что он забыл об эмоции.

Теперь он говорил о ней как о главном принципе собственной кухни.

Он изменился.

Мысль была неожиданной.

И почему-то тревожной.

Майя закрыла телефон.

Выключила плиту.

Поставила перед собой тарелку пасты.

Села у окна.

Но почти не притронулась к ужину.

Потому что впервые за три года ей стало по-настоящему интересно, каким человеком стал Леонардо Риччи.

И насколько сильно он всё ещё ненавидит невидимого автора той рецензии.

В половине одиннадцатого пришло письмо от Маттео Валенти.

Тема: Residenza Azzurra — предварительное предложение о сотрудничестве.

Майя открыла вложения.

Контракт.

Финансовая модель.

Презентация.

Архитектурные планы.

Проектный график.

И отдельный документ с описанием творческой команды.

Она устроилась в кресле, поджав под себя ноги, и начала читать.

Через сорок минут стало ясно: предложение серьёзное.

Ещё через двадцать — что условия достаточно выгодны, чтобы оправдать почти любой профессиональный риск.

Но один пункт заставил её остановиться.

«Окончательное утверждение креативного директора гастрономической концепции осуществляется после согласования с назначенным исполнительным шеф-поваром проекта».

Майя медленно выдохнула.

Вот оно.

Единственное препятствие между ней и новым этапом карьеры.

Леонардо Риччи.

Она отложила планшет.

Подошла к окну.

Ночной Париж сиял огнями.

Где-то далеко слышались голоса и музыка.

Майя обхватила себя руками.

Ей хотелось позвонить кому-нибудь.

Попросить совета.

Услышать, что всё будет хорошо.

Но она слишком хорошо знала цену чужим заверениям.

Вместо этого открыла контакты и набрала номер своей знакомой — адвоката Софи Лоран.

Та ответила после четвёртого гудка.

— Майя? Надеюсь, ты звонишь не для того, чтобы сообщить, что снова подписала договор без моего участия.

— Пока нет.

— Уже тревожно.

— Мне нужна консультация.

— Завтра?

— Сейчас.

Софи помолчала.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Двадцать два сорок семь.

— И ты считаешь это подходящим временем для юридической консультации?

— Я заплачу двойной тариф.

— Говори.

Майя невольно улыбнулась.

— Мне предлагают крупный контракт.

— Поздравляю.

— Международный проект. Италия. Частная гастрономическая резиденция.

— Звучит прекрасно.

— Есть один нюанс.

— Разумеется.

Майя сделала вдох.

— В команде будет человек, о котором я несколько лет назад написала критическую статью.

— И?

— Очень критическую.

— Насколько?

— Настолько, что он долго пытался выяснить личность автора.

Пауза стала заметно длиннее.

— Ты снова возвращаешься к истории с Риччи?

Майя прикрыла глаза.

Софи была одним из немногих людей, знавших всю правду.

— Да.

— Только не говори, что речь о нём.

— Именно о нём.

Софи тихо выругалась.

— Майя.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Иначе ты бы сейчас спокойно спала, а не звонила адвокату почти в одиннадцать вечера.

— Софи, мне нужно понять юридические риски.

— Юридические или личные?

— Первые.

— Врёшь.

Майя не ответила.

Софи вздохнула.

— Хорошо. Давай по порядку. В той рецензии были заведомо ложные сведения?

— Нет.

— Ты получала вознаграждение за негативную публикацию?

— Разумеется, нет.

— У тебя был личный конфликт с Риччи на момент написания?

— Я его даже не знала.

— Отлично. Тогда сама по себе публикация профессиональной рецензии не запрещает тебе работать в одном проекте с человеком, о котором ты писала. Но нужно проверить

договор, обязательства перед прежним издателем и условия раскрытия потенциальных конфликтов.

— Я понимаю.

— Есть ещё важный момент.

— Какой?

— Если ты скроешь обстоятельства, которые могут повлиять на сотрудничество, а затем они всплывут, проблема будет уже не только репутационной.

Майя посмотрела в темноту за окном.

— То есть ты советуешь отказаться?

— Нет. Я советую не путать смелость с самоуверенностью.

Майя тихо рассмеялась.

— Кажется, сегодня все решили воспитывать меня.

— Потому что ты удивительно плохо поддаёшься воспитанию.

— Что бы ты сделала на моём месте?

Софи ответила не сразу.

— Я бы изучила контракт. Затем выяснила, насколько велик риск того, что прошлое поставит под угрозу проект. И только после этого принимала решение.

— А если риск окажется значительным?

— Тогда решала бы, готова ли к последствиям.

Майя опустила голову.

— Понятно.

— Майя?

— Да?

— И ещё одно.

— Что?

— Не пытайся победить мужчину, с которым ещё даже не познакомилась.

Майя усмехнулась.

— Я не собираюсь никого побеждать.

— Конечно. Ты просто хочешь подписать многомиллионный контракт, доказать собственную правоту и заставить знаменитого итальянского повара признать твою профессиональную исключительность.

— Когда ты так формулируешь, звучит довольно привлекательно.

Софи рассмеялась.

— Пришли мне документы. Я посмотрю их утром.

— Спасибо.

— И ложись спать.

— Постараюсь.

— Нет, Майя. Не постараешься. Я тебя знаю. Ты сейчас откроешь ноутбук и будешь до трёх ночи анализировать ресторанные концепции Капри.

Майя посмотрела на ноутбук.

— До двух.

— Спокойной ночи.

Связь оборвалась.

Майя ещё некоторое время стояла у окна.

Потом вернулась к столу.

Открыла ноутбук.

И начала изучать гастрономический рынок Капри.

В час тридцать ночи она нашла то, что искала.

Не финансовые показатели.

Не рейтинг ресторанов.

Не имена потенциальных конкурентов.

А короткое видео.

Интервью Леонардо Риччи, записанное несколько месяцев назад в его новом ресторане на побережье.

Он стоял на кухне.

Без пиджака.

В белой рубашке с закатанными рукавами.

Перед ним лежали лимоны, свежая рыба, зелень и небольшая миска крупной морской соли.

Журналистка спросила:

— Синьор Риччи, вы известны своим непростым характером. Это правда, что вы почти никогда не соглашаетесь с чужим мнением?

Леонардо улыбнулся.

Не слишком широко.

С той почти ленивой уверенностью, которая почему-то мгновенно раздражала Майю.

— Я соглашаюсь с чужим мнением, когда оно лучше моего.

Журналистка рассмеялась.

— А часто такое случается?

— Достаточно редко.

Майя закатила глаза.

— Господи, какой самодовольный мужчина.

Но видео не выключила.

Журналистка задала следующий вопрос:

— Вы пережили громкое закрытие ресторана в Париже. Что этот опыт изменил в вашей жизни?

Леонардо на мгновение стал серьёзным.

— Всё.

— Не слишком категорично?

— Нет.

Он взял лимон.

Провёл ножом по кожуре.

— Раньше я думал, что успех — это когда весь мир произносит твоё имя. Теперь я считаю успехом возможность утром проснуться и захотеть снова заняться любимым делом.

Майя перестала улыбаться.

— А что вы думаете о критиках?

Леонардо поднял глаза.

Его взгляд неожиданно стал холодным.

— Они необходимы. Когда честны.

— Вы считаете, что были жертвой нечестной критики?

Он несколько секунд молчал.

Потом ответил:

— Я считаю, что легче написать о чужой неудаче, чем пе-

режить собственную.

Майя медленно выдохнула.

— И всё же вы читаете рецензии?

— Иногда.

— А если снова встретите автора той знаменитой статьи?

На лице Леонардо появилась улыбка.

Очень спокойная.

Очень неприятная.

— О, я бы с удовольствием познакомился.

Журналистка наклонилась ближе.

— И что бы вы ему сказали?

Леонардо положил нож.

Посмотрел прямо в камеру.

— Для начала спросил бы, хватит ли ему смелости сказать мне всё то же самое в лицо.

Майя застыла.

Видео продолжалось, но она уже ничего не слышала.

Несколько секунд смотрела на остановившийся кадр.

Затем медленно закрыла ноутбук.

— Что ж, синьор Риччи, — произнесла она в тишину квартиры. — Кажется, скоро у вас появится такая возможность.

Утро началось с сообщения от Софи.

«Контракт в целом рабочий. Есть несколько пунктов, которые необходимо изменить. Позвони, когда проснёшься».

Майя открыла глаза.

Посмотрела на часы.

Семь сорок.

Она спала меньше пяти часов.

Но проснулась с удивительно ясной головой.

Решение уже существовало.

Она просто ещё не произнесла его вслух.

Через час Майя сидела за кухонным столом с чашкой свежего кофе и разговаривала с адвокатом.

Они обсудили права на концепцию, интеллектуальную собственность, порядок оплаты, возможность расторжения договора и процедуру согласования творческих решений.

Особенно долго — пункт о праве вето ведущего шеф-повара.

— Я хочу, чтобы оно касалось только творческой совместимости, — сказала Майя. — Не профессиональных рекомендаций и не коммерческих решений.

— Разумно.

— И чтобы любое возражение оформлялось письменно.

— Зачем?

— Чтобы никто не мог просто сказать: «Мне не нравится эта женщина, поэтому я отказываюсь».

Софи рассмеялась.

— Ты ещё не встретила его, а уже готовишь оборону.

— Я готовлю договор.

— Конечно.

Они обсудили и публикацию трёхлетней давности.

Софи объяснила, что прежнюю работу Майи необходимо оценить с точки зрения конфиденциальности и возможного влияния на будущие обязательства.

— Я хочу, чтобы ты понимала, — сказала адвокат, — юридически защищённый контракт не спасёт тебя от разрушенного доверия.

Майя медленно провела пальцем по краю чашки.

— Я понимаю.

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Нет.

Софи удивлённо замолчала.

Майя улыбнулась.

— Впервые за долгое время я не уверена. Но это не значит, что я должна отказаться.

— Тогда действуй осторожно.

— Постараюсь.

— И не влюбляйся в своего шеф-повара.

Майя громко рассмеялась.

— Софи, ради бога.

— Что?

— Я скорее соглашусь провести отпуск с налоговым инспектором.

— Не зарекайся.

— Леонардо Риччи — последнее существо на планете, с которым я собираюсь строить отношения.

— Прекрасно. Тогда хотя бы одной проблемы у нас не бу-

дет.

Они попрощались.

Майя положила телефон.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Потом открыла электронную почту.

Набрала письмо Маттео Валенти.

Перечитала.

Исправила одну формулировку.

Затем ещё одну.

И наконец нажала «Отправить».

Уважаемый синьор Валенти,

Благодарю за предложение и предоставленные материалы.

Подтверждаю заинтересованность Savigny Atelier в участии в проекте Residenza Azzurra.

После согласования юридических и организационных условий мы готовы приступить к работе и провести первую встречу с творческой командой на Капри.

С уважением,

Майя Савиньи.

Она откинулась на спинку кресла.

Всё.

Решение принято.

Через несколько минут пришёл ответ.

«Прекрасные новости, мадемуазель Савиньи. Мы рады вашему решению. Направим согласованную редакцию документов в ближайшее время».

Ниже была приписка:

«Синьор Риччи уже находится на Капри. Предварительно мы планируем вашу первую встречу в начале следующей недели».

Майя почувствовала странное волнение.

Не страх.

Не сожаление.

Что-то гораздо более опасное.

Ожидание.

В пятницу утром подписанные документы лежали перед ней на столе.

Первые согласованные выплаты должны были поступить после запуска проекта. Дата начала работ была зафиксирована.

Камилла уже забронировала билеты в Неаполь и организовала трансфер на Капри.

— Ты улетаешь в понедельник, — сообщила она. — Самолёт утром. В Неаполе тебя встретит водитель. Затем катер до острова.

— Хорошо.

— На вилле забронированы апартаменты для работы команды.

— Прекрасно.

— И ещё.

Майя подняла глаза.

— Что?

Камилла положила перед ней небольшой конверт.

— Это тебе.

— От кого?

— Не знаю. Принесли с курьером.

На конверте не было обратного адреса.

Только её имя.

Майя Савиньи.

Она вскрыла его.

Внутри лежала открытка.

На лицевой стороне — фотография Капри.

Синее море.

Белые скалы.

Маленькая лодка возле берега.

На обороте — короткая надпись, выполненная элегантным почерком:

«Добро пожаловать на остров, где всё начинается заново».

Ни подписи.

Ни объяснения.

Майя нахмурилась.

— Странно.

Камилла наклонилась ближе.

— Что там?

Майя показала открытку.

— Возможно, это от инвесторов, — предположила Камилла.

— Возможно.

— Романтичный жест.

— Или маркетинговый.

— Ты безнадёжна.

Майя улыбнулась.

Но что-то в этой открытке её зацепило.

Где всё начинается заново.

Она долго смотрела на слова.

Затем убрала открытку в сумку.

— Ладно. У нас много работы.

Камилла кивнула.

— Ты готова?

Майя поднялась.

Подошла к окну.

Париж заливало солнце.

Город, в котором она когда-то потеряла веру в любовь.

Город, где построила карьеру.

Город, который научил её держать спину прямо даже тогда, когда хотелось плакать.

Она смотрела на улицы, знакомые до мелочей.

И вдруг поняла, что впервые за много лет ей хочется уехать не потому, что она бежит от прошлого.

А потому, что впереди действительно может находиться нечто новое.

— Да, — ответила Майя.

Она повернулась к Камилле.

— Я готова.

В понедельник самолёт приземлился в Неаполе незадолго до полудня.

Когда Майя вышла из здания аэропорта, её встретил тёплый воздух, пахнущий морем, нагретым камнем и цветущими деревьями.

Италия.

Она любила эту страну.

Её шум.

Непредсказуемость.

Открытые лица.

Разговоры, которые начинались с погоды и заканчивались рассказами о семейных тайнах.

Здесь люди умели наслаждаться жизнью.

И не стеснялись этого.

Возле выхода её ждал водитель с табличкой Savigny.

— Синьорина Майя?

— Да.

— Добро пожаловать. Я Лука. Машина готова.

— Благодарю.

Через сорок минут они уже подъезжали к частному причалу.

Вода сияла на солнце.

Белоснежный катер покачивался у деревянного настила.

Майя сняла солнцезащитные очки.

Посмотрела на море.

И улыбнулась.

Капри.

Она бывала здесь раньше.

Но никогда не приезжала с таким странным ощущением, будто остров приготовил для неё что-то совершенно непредсказуемое.

Катер вышел из гавани.

Ветер подхватил её волосы.

Майя устроилась на мягком сиденье, закрыла глаза и подставила лицо солнцу.

Впереди постепенно вырастал остров.

Высокие скалы.

Белые здания.

Зелёные склоны.

Дорогие яхты в прозрачной воде.

Красота, которая не требовала никаких объяснений.

Она достала телефон.

На экране появилось сообщение от Камиллы.

«Ты добралась?»

Майя быстро набрала ответ.

«Почти. Здесь невероятно красиво».

Ответ пришёл мгновенно.

«Главное — не убей шеф-повара в первый день».

Майя рассмеялась.

«Ничего не обещаю».

Она убрала телефон.

И снова посмотрела на приближающийся остров.

Внутри было спокойно.

Почти.

Потому что где-то там, среди белоснежных вилл, лимонных садов и роскошных террас, её ждал Леонардо Риччи.

Мужчина, который понятия не имел, кто она на самом деле.

Мужчина, который три года назад поклялся никогда больше не позволять чужому мнению разрушить свою жизнь.

Мужчина, способный одним решением поставить под угрозу весь её новый проект.

Майя поправила волосы.

Улыбнулась собственным мыслям.

— Что ж, синьор Риччи, — тихо произнесла она, глядя на море. — Посмотрим, кто из нас окажется упрямее.

Катер рассёк лазурную воду.

Высоко над побережьем показалась великолепная белая вилла, окружённая зеленью.

Residenza Azzurra.

Её новый проект.

Её самый большой профессиональный шанс.

И, возможно, самая опасная ошибка.

Майя ещё не знала, что совсем скоро этот остров станет местом, где она впервые за много лет потеряет контроль над собственной жизнью.

Что мужчина, которого она собиралась воспринимать исключительно как делового партнёра, научится безошибочно

различать каждую интонацию её голоса.

Что однажды он будет стоять так близко, что она почувствует тепло его дыхания на своей коже.

И что тогда весь её тщательно выстроенный мир окажется гораздо менее прочным, чем она привыкла думать.

Пока же впереди было только море.

Белая вилла.

И назначенная встреча.

Майя не верила в судьбу.

Но судьба, похоже, не собиралась спрашивать её мнения.

ГЛАВА 2. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД

Италия. Остров Капри. Наши дни.

Рай оказался гораздо красивее, чем Майя ожидала.

И гораздо опаснее.

Катер медленно приближался к частному причалу, над которым возвышалась белоснежная вилла, утопающая в зелени лимонных деревьев и ярко-розовой бугенвиллеи. Солнечные лучи скользили по воде, превращая Тирренское море в бесконечное полотно из серебра и лазури.

Ветер играл длинными каштановыми волосами Майи, забирался под воротник шёлковой блузки и приносил с собой запах соли, нагретого камня и цветущего жасмина.

Она стояла у борта, придерживая широкополую шляпу, и пыталась убедить себя, что приехала сюда исключительно ради работы.

Получалось не слишком убедительно.

— Синьорина, мы прибудем через пять минут, — сообщил капитан.

— Благодарю.

Майя подняла взгляд.

Высоко над морем, на скалистом выступе, раскинулась Residenza Azzurra.

Старинная вилла с широкими террасами, арочными окнами и почти неправдоподобным видом на горизонт.

Здание выглядело не просто роскошным.

Оно выглядело так, словно принадлежало другому времени — эпохе, когда люди писали длинные письма, влюблялись без осторожности и совершали безумства ради одного поцелуя.

Майя усмехнулась собственным мыслям.

— Прекрати, Савиньи.

— Простите? — переспросил капитан.

— Ничего. Разговариваю сама с собой.

Мужчина добродушно улыбнулся.

— На Капри такое часто случается. Остров заставляет людей слышать собственное сердце.

— Надеюсь, он ограничится погодой.

Капитан рассмеялся.

— Вы впервые здесь?

— Нет. Но впервые по работе.

— Тогда берегитесь.

Майя повернулась.

— Чего именно?

Он кивнул в сторону виллы.

— Красивых мест. Они заставляют забывать, зачем приехал.

Она улыбнулась.

— Со мной такое случается редко.

— Значит, острову придётся постараться.

Катер мягко коснулся причала.

Майя взяла сумку, поправила волосы и сошла на берег.

Она ещё не знала, насколько пророческими окажутся слова старого итальянца.

У причала её встретила невысокая женщина лет сорока пяти в элегантном льняном костюме.

Короткие тёмные волосы, внимательные карие глаза, приветливая улыбка.

— Синьорина Савиньи?

— Да.

— Франческа Конти. Я отвечаю за операционную подготовку резиденции. Добро пожаловать на Капри.

Они обменялись рукопожатием.

— Рада познакомиться, Франческа.

— Надеюсь, дорога была приятной?

— Великолепной. Хотя, признаюсь, после такого вида будет сложно удивить меня ещё чем-нибудь.

Франческа улыбнулась.

— Не стоит бросать вызов этому месту. У него есть привычка удивлять.

Майя снова услышала знакомую интонацию.

Здесь все что, сговорились?

Они поднялись в небольшой электрический автомобиль, который повёз их по узкой дороге вдоль скалы.

По обеим сторонам росли кипарисы, старые сосны и густые кусты розмарина. В просветах между деревьями мелькало море.

— Основная реконструкция завершена? — спросила Майя, доставая блокнот.

— В жилом крыле почти полностью. Сейчас заканчиваем отделку нескольких люксов. Ресторанная зона ещё требует значительной работы.

— Кухонное оборудование заказано?

— Частично.

— Почему частично?

Франческа слегка улыбнулась.

— Наш шеф-повар не одобрил первоначальный проект.

Майя медленно повернула голову.

— Разумеется.

— Простите?

— Ничего. Просто интересно, насколько существенными были его замечания.

— Он потребовал изменить расположение горячего цеха, отказаться от нескольких дорогих декоративных решений и

расширить рабочую зону.

— Последнее звучит разумно.

— Да. Но архитектор едва не уволился после их первой встречи.

Майя закрыла блокнот.

— Начинаю понимать атмосферу проекта.

Франческа рассмеялась.

— Синьор Риччи бывает непростым.

— Мне уже сообщили.

— Но он действительно выдающийся специалист.

— В этом я тоже осведомлена.

— Вы знакомы?

Майя посмотрела на море.

— Пока нет.

— Тогда вам предстоит очень интересная встреча.

Опять это слово.

Интересная.

За последние несколько дней оно превратилось в почти официальное обозначение профессиональной катастрофы, которая приближалась к ней со скоростью хорошо оснащённого катера.

— Когда он приезжает? — спросила Майя.

— Он уже здесь.

Её пальцы незаметно сжали ручку.

— На вилле?

— Да. С самого утра работает над новым меню.

— Понятно.

— Синьор Валенти назначил встречу на шестнадцать часов. Но сначала я покажу вам резиденцию и ваши апартаменты.

Майя взглянула на часы.

Двенадцать сорок.

До встречи оставалось чуть больше трёх часов.

Достаточно времени, чтобы изучить объект.

Недостаточно, чтобы подготовиться к встрече с мужчиной, который однажды пообещал посмотреть в глаза человеку, разрушившему его профессиональную репутацию.

Майя отвела взгляд.

Ты не разрушала его карьеру.

Она знала это.

Знала факты.

Видела последующие финансовые публикации.

Знала, что ресторан оказался убыточным задолго до выхода статьи.

Но знание не отменяло неприятного чувства, возникавшего каждый раз, когда она вспоминала Леонардо Риччи.

— Вы немного напряжены, синьорина, — неожиданно заметила Франческа.

Майя улыбнулась.

— Просто думаю о работе.

— Тогда вы быстро найдёте общий язык с нашим шефом.

— Неужели?

— Он тоже думает только о работе.

Майя тихо рассмеялась.

— Звучит обнадёживающе.

Вилла встретила её ароматом свежих цветов и прохладой старинного камня.

Высокие потолки были украшены восстановленной лепниной. Мраморный пол отражал мягкий дневной свет, проникавший через огромные арочные окна.

В центральном холле возвышалась широкая лестница с коваными перилами.

В нишах стояли античные скульптуры.

На стенах висели картины современных итальянских художников, удивительно гармонично соседствовавшие со старинными фресками.

Майя остановилась.

Несколько секунд молчала.

Потом медленно произнесла:

— Здесь нельзя делать обычный ресторан.

Франческа повернулась.

— Простите?

— Обычный ресторан уничтожит это место.

Майя прошла к окну.

За ним раскинулась терраса с колоннадой, спускавшаяся к великолепному саду.

— Посмотрите, — продолжила она. — Архитектура уже рассказывает историю. У неё есть собственный ритм, харак-

тер, достоинство. Если мы просто поставим сюда дорогую мебель, добавим модное меню и начнём подавать шампанское под фоновую музыку, всё превратится в декорацию.

Франческа внимательно слушала.

— А что бы предложили вы?

Майя задумалась.

— Я бы оставила пространству право быть собой.

Она повернулась к женщине.

— Минимум лишних деталей. Максимум естественного света. Сезонные цветы вместо огромных композиций. Натуральные ткани. И кухня, которая не пытается конкурировать с этой красотой.

— Похоже, вы с синьором Риччи всё-таки найдёте общий язык.

Майя скептически подняла бровь.

— Почему?

— Он сказал почти то же самое архитектору.

— В самом деле?

— Да. Только выражался несколько менее дипломатично.

— Насколько менее?

Франческа кашлянула, скрывая улыбку.

— По его мнению, первоначальная концепция ресторана напоминала интерьер ювелирного магазина, в котором забыли оставить место для людей.

Майя неожиданно рассмеялась.

— А вот здесь я с ним согласна.

Это было неприятное открытие.

Она совершенно не собиралась соглашаться с Леонардо Риччи ещё до первой встречи.

Тем более по вопросам, которые составляли основу её собственной работы.

Следующий час Майя изучала резиденцию.

Двадцать четыре люкса.

Несколько частных террас.

Библиотека с редкими гастрономическими изданиями.

Винный погреб, устроенный в старинной части здания.

Просторная кулинарная студия с панорамными окнами.

И два ресторанных пространства.

Первое располагалось на открытой террасе с видом на море.

Второе — в небольшом зале, где высокие окна выходили прямо на скалы.

Здесь Майя остановилась особенно надолго.

— Сколько гостей планируется обслуживать в этом зале? — спросила она.

— Двенадцать.

— Одновременно?

— Да.

— Идеально.

Она подошла к окну.

Солнце скользило по воде, превращая поверхность моря в ослепительное сияние.

— Представьте вечер, — произнесла Майя. — Здесь всего двенадцать человек. Никакой громкой музыки. Никакого показного театра. Только море, разговоры и ужин, который невозможно повторить.

Франческа улыбнулась.

— Именно так представляет это синьор Риччи.

Майя медленно закрыла глаза.

— Франческа.

— Да?

— Вы можете хотя бы десять минут не упоминать его имя?

Женщина растерялась.

Майя тут же улыбнулась.

— Простите. Неудачная шутка.

— Понимаю, — сказала Франческа, хотя по выражению её лица было ясно, что не понимает совершенно.

Майя повернулась к окну.

Замечательно.

Они ещё не встретились, а Леонардо уже умудрился занять слишком много места в её мыслях.

И самое раздражающее заключалось в том, что профессионально они, похоже, действительно смотрели на проект одинаково.

Это делало предстоящий конфликт ещё более нелепым.

Её апартаменты располагались в восточном крыле виллы.

Просторная спальня с высокими потолками, отдельная гостиная, небольшая рабочая зона и балкон, выходящий на мо-

ре.

На столе стояла композиция из белых орхидей.

Рядом — серебряное блюдо с фруктами и приветственная карточка.

Benvenuta a Residenza Azzurra.

Майя поставила чемодан.

Подошла к балкону.

Распахнула двери.

Тёплый ветер мгновенно ворвался в комнату.

Она глубоко вдохнула.

Здесь пахло морем.

Солнцем.

Свободой.

И ещё чем-то, чему невозможно было подобрать название.

Майя закрыла глаза.

Несколько мгновений позволила себе просто стоять и наслаждаться ощущением.

Потом телефон завибрировал.

Камилла.

— Ну? — раздалось вместо приветствия.

— Добрый день и тебе.

— Как вилла?

— Неприлично красивая.

— Настолько?

— Если бы мне предложили здесь поселиться навсегда, я

бы начала торговаться только из принципа.

— А шеф?

Майя открыла глаза.

— Камилла.

— Что?

— Не начинай.

— Я просто спросила.

— Я ещё его не видела.

— Слава богу.

Майя рассмеялась.

— Ты звучишь так, словно я приехала на территорию военных действий.

— Потому что именно это ты и сделала.

— Ты слишком много читаешь драматических романов.

— А ты слишком мало думаешь о последствиях.

Майя присела на край кровати.

— Как дела в агентстве?

Камилла немедленно переключилась на рабочий тон.

Они обсудили документы, платежи, график дизайнеров и предстоящие встречи.

Через несколько минут разговор снова вернулся к Италии.

— Майя, — произнесла Камилла уже серьёзнее. — Послушай меня.

— Слушаю.

— Если поймёшь, что ситуация выходит из-под контроля, не пытайся доказать всем, что способна справиться одна.

Майя молчала.

— Ты умеешь быть сильной, — продолжила подруга. — Но иногда это превращается в твою самую большую проблему.

— Я справлюсь.

— Вот именно этого ответа я и боялась.

— Камилла…

— Просто будь осторожна.

Майя посмотрела на солнечную дорожку, уходившую к горизонту.

— Обещаю.

Она завершила разговор.

Положила телефон.

И только теперь позволила себе признаться, насколько сильно волнуется.

Встреча с Леонардо Риччи должна была состояться через два часа.

Она знала его биографию.

Его карьеру.

Его профессиональные достижения.

Его ошибки.

Даже некоторые детали личной жизни.

Но совершенно не представляла, что произойдёт, когда они окажутся лицом к лицу.

Майя подошла к зеркалу.

Поправила волосы.

Провела пальцами по воротнику блузки.

Потом посмотрела на собственное отражение.

— Ты приехала работать, — тихо произнесла она. — Только работать.

Отражение выглядело вполне убедительно.

Жаль, что сама Майя верила ему значительно меньше.

В это же время, на другом конце виллы, Леонардо Риччи стоял перед огромным мраморным столом на временной кухне.

На нём была чёрная футболка, тёмные брюки и белый фартук, завязанный на талии.

Рукава отсутствовали, и тонкий шрам на правом запястье был хорошо заметен.

Он внимательно рассматривал тарелку, в центре которой лежал небольшой кусок свежей рыбы.

Рядом располагались несколько капель оливкового масла, тонкие ломтики лимона и прозрачный бульон.

— Ещё раз, — произнёс он.

Молодой повар напротив него заметно напрягся.

— Синьор Риччи, это уже четвёртая версия.

— Я умею считать, Алессандро.

— Но…

— Попробуй.

Повар взял ложку.

Осторожно попробовал бульон.

— Мне нравится.

Леонардо скрестил руки на груди.
— Почему?
— Он свежий.
— Это не ответ.
— Лимон хорошо сочетается с рыбой.
— Это очевидно.
Алессандро растерялся.
Леонардо вздохнул.
— Закрой глаза.
— Что?
— Глаза. Закрой.
Повар послушался.
— Теперь попробуй ещё раз.
Алессандро сделал маленький глоток.
Леонардо внимательно наблюдал.
— Что чувствуешь?
— Соль. Лимон. Немного трав.
— А ещё?
Пауза.
— Море?
Леонардо едва заметно улыбнулся.
— Вот.
Он взял ложку и попробовал сам.
Потом покачал головой.
— Слишком много соли.
— Но вы сказали…

— Я сказал, что гость должен почувствовать море. А не захотеть выпить литр воды.

Алессандро опустил голову.

Леонардо положил руку ему на плечо.

— Не бойся ошибаться. Бойся перестать пробовать.

Повар улыбнулся.

— Да, шеф.

В этот момент на кухню вошёл Маттео Валенти.

— Надеюсь, я не мешаю?

Леонардо даже не поднял головы.

— Если ты пришёл обсуждать бюджет оборудования — мешаешь.

— На этот раз нет.

— Тогда говори.

Маттео подошёл к столу.

— Наш креативный директор прибыла.

Леонардо взял чистую ложку.

— Прекрасно.

— Ты хотя бы сделал вид, что тебе интересно.

— Мне интересно, Маттео. Но я предпочёл бы сначала закончить работу.

— Встреча через час.

— Я помню.

— Её зовут Майя Савиньи.

Леонардо на мгновение остановился.

Имя показалось смутно знакомым.

— Савиньи?

— Да.

— Француженка?

— Работает в Париже. Международный опыт. Очень сильное портфолио.

Леонардо задумался.

— Чем занималась раньше?

— Гастрономической журналистикой, насколько я знаю. Потом открыла собственное агентство.

Леонардо медленно положил ложку.

— Журналистикой?

— Да. Это проблема?

— Нет.

Он вытер руки полотенцем.

— Пришли мне её полное резюме.

Маттео нахмурился.

— Я уже отправлял.

— Ещё раз.

— Лео…

— Маттео.

Тот устало выдохнул.

— Хорошо. Но прошу тебя, не устраивай очередную войну из-за творческих разногласий.

Леонардо улыбнулся.

Улыбка вышла холодной.

— Я никогда не начинаю войну первым.

Маттео покачал головой.

— Именно этого я и опасаюсь.

Когда он ушёл, Леонардо достал телефон.

Открыл присланную презентацию.

На первой странице находилась фотография.

Молодая женщина.

Длинные каштановые волосы.

Выразительные глаза орехового оттенка.

Тонкие черты лица.

Сдержанная улыбка.

Белая рубашка.

Безупречная осанка.

Леонардо несколько секунд рассматривал снимок.

Женщина была красива.

Не той нарочитой красотой, которой привыкли обладать посетительницы светских вечеров на Капри.

В ней чувствовалось нечто другое.

Уверенность.

Независимость.

И странная, почти вызывающая спокойность.

Он перевёл взгляд на имя.

Майя Савиньи.

Потом открыл раздел с профессиональной биографией.

Бывший гастрономический обозреватель.

Редакционные проекты.

Консультирование ресторанов.

Создание собственного агентства.

Его пальцы медленно остановились на названии издания.

Le Palais.

Леонардо нахмурился.

В памяти всплыли знакомые страницы.

Чёрные буквы на белой бумаге.

Фотография морского гребешка.

Заголовок, который он хотел забыть и не смог.

«Гений, который забыл, что такое вкус».

Он приблизил экран.

Посмотрел на годы работы.

Совпадало.

Леонардо медленно выдохнул.

— Как любопытно…

Он ещё не знал, что именно эта женщина написала ту рецензию.

Но впервые за три года ощутил неприятное движение старой, казалось бы, давно зажившей раны.

И внезапно захотел познакомиться с Майей Савиньи гораздо сильнее, чем предполагал ещё несколько минут назад.

В шестнадцать часов Майя вошла в главный салон виллы.

К этому моменту она уже успела сменить дорожную одежду на светлые широкие брюки и шёлковую блузку цвета слоновой кости. Волосы оставила распущенными. Из украшений — только тонкие золотые серьги и часы.

Ей предстояла деловая встреча.

Она собиралась выглядеть именно так, как привыкла: сдержанно, элегантно и достаточно уверенно, чтобы ни у кого не возникло желания объяснять ей её собственную работу.

Маттео стоял у большого стола, разложив перед собой архитектурные планы.

Рядом находились Франческа и высокий мужчина лет пятидесяти с седыми висками.

— Майя! — Маттео радостно шагнул ей навстречу. — Надеюсь, вам понравилась резиденция?

— Очень. Признаюсь, фотографии не передают даже половины её очарования.

— Рад слышать. Позвольте представить вам Джулио Белланди, нашего главного архитектора.

Мужчина улыбнулся и протянул руку.

— Наслышан о вас, синьорина Савиньи.

— Надеюсь, только хорошее.

— Достаточно хорошего, чтобы ждать встречи с некоторым беспокойством.

— Почему?

— Мне сказали, что вы любите менять чужие решения.

Майя улыбнулась.

— Только если они того заслуживают.

Джулио рассмеялся.

— Тогда нам будет о чём поговорить.

Она прошла к столу.

В этот момент открылись двери, ведущие на террасу.

И в салон вошёл Леонардо Риччи.

Майя узнала его сразу.

Разумеется, узнала.

Она видела десятки его фотографий, смотрела интервью и изучала профессиональную биографию.

Но ни одно изображение не передавало того, какое впечатление производил этот мужчина в действительности.

Он был выше, чем она ожидала.

Широкие плечи, уверенная походка, слегка растрёпанные тёмные волосы. На нём была белая льняная рубашка с небрежно закатанными рукавами, тёмные брюки и дорогие кожаные часы.

Никакого галстука.

Никакой демонстративной официальности.

Только непринуждённая уверенность человека, привыкшего чувствовать себя хозяином любого пространства, в которое входит.

Леонардо остановился у дверей.

И посмотрел на Майю.

Их взгляды встретились.

Всего на несколько секунд.

Но Майя неожиданно почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Вот же чёрт.

Его глаза оказались почти чёрными.

Внимательными.

Неприятно проницательными.

Он смотрел на неё не как на женщину, а как на сложную задачу, решение которой намеревался найти.

И Майе это совершенно не понравилось.

— Лео, наконец-то! — воскликнул Маттео. — Мы уже начали думать, что ты решил оставить нас без своего общества.

— Не исключал такой возможности.

Его голос был низким, с лёгкой хрипотцой.

Леонардо подошёл к столу.

Маттео повернулся к Майе.

— Позволь представить. Майя Савиньи, основатель и креативный директор Savigny Atelier. Майя, Леонардо Риччи — наш исполнительный шеф-повар и кулинарный директор.

Она протянула руку.

— Очень приятно, синьор Риччи.

Он посмотрел на её ладонь.

Затем на лицо.

И только после короткой паузы ответил на рукопожатие.

— Взаимно, мадемуазель Савиньи.

Его рука была тёплой.

Ладонь — сильной.

Пальцы чуть шероховатыми, как у человека, привыкшего работать руками, а не только отдавать распоряжения.

Майя освободила руку первой.

Леонардо заметил.

И едва заметно улыбнулся.

— Надеюсь, дорога была приятной?

— Исключительно.

— Капри умеет производить впечатление.

— Это его главное достоинство?

— Нет.

— А какое?

Он чуть наклонил голову.

— Здесь очень быстро становится понятно, кто приехал наслаждаться жизнью, а кто — объяснять другим, как это правильно делать.

Маттео рассмеялся.

Майя — нет.

Она посмотрела Леонардо прямо в глаза.

— В таком случае вам должно быть здесь исключительно комфортно.

На секунду во взгляде мужчины мелькнуло удивление.

Потом улыбка стала шире.

— Полагаю, мы найдём общий язык.

— Я бы не торопилась с выводами.

Франческа тихо кашлянула.

Джулио опустил глаза к чертежам.

А Маттео, похоже, впервые начал осознавать, насколько непростой окажется работа двух приглашённых специалистов.

Они разместились за большим столом.

Маттео включил экран с архитектурной презентацией.

— Итак, предлагаю начать с общего видения проекта. Майя уже ознакомилась с резиденцией. Лео, насколько я понимаю, ты закончил предварительную разработку кулинарной концепции?

— Основу, — ответил тот. — Не детали.

— Хорошо. Тогда сначала обсудим позиционирование.

Майя открыла папку.

— Я подготовила предварительные замечания после осмотра объекта.

Леонардо посмотрел на часы.

— Уже?

Она подняла глаза.

— Вас это удивляет?

— Вы на острове меньше четырёх часов.

— Для первого впечатления иногда достаточно нескольких минут.

— А для профессионального заключения?

— Значительно больше. Поэтому я и назвала свои замечания предварительными.

Он медленно улыбнулся.

— Осторожная формулировка.

— Точная.

Маттео поспешил вмешаться:

— Прекрасно. Майя, прошу вас.

Она встала.

Подошла к экрану.

На нём появилось изображение ресторана с видом на море.

— У проекта есть очевидное преимущество. Уникальное расположение, историческая архитектура и возможность ограничить количество гостей. Но есть и риск.

Леонардо откинулся на спинку кресла.

— Какой?

— Превратиться в ещё один дорогой ресторан, где стоимость ужина запоминается лучше, чем сам ужин.

Джулио одобрительно кивнул.

Маттео заинтересованно наклонился вперёд.

Леонардо перестал улыбаться.

Майя продолжила:

— В премиальном сегменте недостаточно подавать редкие продукты на красивой посуде. Нужна идея, которая объединяет пространство, кухню и эмоции гостя.

— А вы полагаете, у нас её нет? — спросил Леонардо.

— Я полагаю, что пока она не сформулирована достаточно ясно.

— Вы ознакомились с моим меню?

— С предварительной версией.

— И?

— В нём много интересных решений.

— Как дипломатично.

— Вы предпочитаете недипломатичные ответы?

Он слегка подался вперёд.

— Я предпочитаю честные.

Майя выдержала его взгляд.

— Тогда некоторые блюда кажутся мне слишком сложными для концепции, которую вы сами называете возвращением к подлинному вкусу Средиземноморья.

Тишина.

Джулио медленно положил ручку.

Леонардо несколько секунд смотрел на Майю.

— Например?

— Ваше блюдо с морским окунем.

— Что с ним не так?

— Само по себе оно интересно. Но сочетание трёх видов цитрусовой обработки, двух соусов и копчёного масла создаёт впечатление, что вы хотите продемонстрировать технику вместо того, чтобы раскрыть продукт.

Улыбка исчезла с лица Леонардо.

— Вы пробовали это блюдо?

— Нет.

— Тогда на каком основании его оцениваете?

— Я оцениваю концепцию, а не вкус готового блюда.

— Но только что сказали, что техника подавляет продукт.

— Я сказала, что существует такой риск.

— Существенная разница.

— Именно поэтому я и использовала слово «кажется».

Леонардо медленно провёл языком по внутренней стороне щеки.

Майя заметила этот жест.

Он выглядел удивительно спокойным.

Но по тому, как напряглась его челюсть, она поняла: спокойствие даётся ему с трудом.

— Интересный подход, мадемуазель Савиньи, — произнёс он. — Делать выводы о кухне, не попробовав её.

— Не менее интересный, чем считать любое профессиональное замечание личным оскорблением.

Маттео прикрыл глаза.

Франческа посмотрела в окно.

Леонардо медленно выпрямился.

— Простите?

Майя улыбнулась.

— Вы прекрасно меня слышали.

— Майя, — осторожно вмешался Маттео, — возможно, нам стоит…

— Нет, Маттео, — перебил Леонардо.

Он продолжал смотреть на неё.

— Я хочу услышать, что ещё мадемуазель Савиньи успела понять о моей работе за несколько часов пребывания на острове.

Майя закрыла папку.

— Хорошо.

Она подошла ближе к столу.

— Вы выдающийся шеф-повар, синьор Риччи. Об этом говорят ваша карьера, профессиональные награды и успех

последних проектов. Но выдающийся талант не гарантирует, что каждое решение оказывается правильным.

Леонардо молчал.

— Иногда сложность — это просто сложность, — продолжила она. — И далеко не всегда глубина.

Он медленно поднялся.

Майя увидела, как изменилось его лицо.

Ещё мгновение назад перед ней стоял высокомерный, но вполне контролирующий себя мужчина.

Теперь в его глазах появилось нечто другое.

Узнавание.

И холод.

Настоящий.

— Повторите, — произнёс он.

Майя нахмурилась.

— Что именно?

— Последнюю фразу.

— Сложность не всегда означает глубину.

Леонардо застыл.

Сложность ещё не означает удовольствие.

Слова из рецензии.

Те самые.

Слишком похожие по смыслу.

Слишком знакомые по интонации.

Он посмотрел на Майю так, словно увидел её впервые.

— Где вы работали до открытия агентства?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Маттео повернулся.

— Лео, это есть в презентации.

— Я спрашиваю мадемуазель Савиньи.

Майя почувствовала, как неприятно сжалось горло.

Но голос остался спокойным.

— В нескольких гастрономических изданиях.

— В каких?

— В том числе в Le Palais.

Леонардо медленно кивнул.

— Разумеется.

Он обошёл стол.

Остановился напротив неё.

Между ними оставалось чуть больше метра.

— Вы писали рецензии?

— Да.

— Под собственным именем?

Майя не ответила сразу.

За её спиной тихо работал кондиционер.

С улицы доносились голоса садовников.

Где-то вдалеке кричали чайки.

Но внутри салона наступила такая тишина, что она услышала собственное дыхание.

Маттео нахмурился.

— Лео, к чему эти вопросы?

Леонардо не отводил глаз от Майи.

— Ответьте.

Она медленно положила папку на стол.

— Не всегда.

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но достаточно.

— Под каким псевдонимом?

Майя почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Вот и всё.

Три года.

Десятки непрочитанных интервью.

Сотни попыток убедить себя, что прошлое осталось позади.

И один вопрос.

Она могла соврать.

Сказать, что не помнит.

Сослаться на конфиденциальность редакции.

Увести разговор в сторону.

Но ничего из этого не сделало бы её сильнее.

И уж точно не позволило бы сохранить уважение к самой себе.

Майя выпрямилась.

— Nocturne.

Слово прозвучало негромко.

Почти буднично.

Но Леонардо отступил на полшага.

Словно она ударила его.

Маттео перевёл взгляд с одного на другого.

— Что происходит?

Леонардо медленно рассмеялся.

Один короткий смешок.

Без малейшей радости.

— Невероятно.

Майя молчала.

— Просто невероятно.

Он провёл ладонью по лицу.

Потом снова посмотрел на неё.

— Это вы.

Она выдержала взгляд.

— Да.

— Вы написали ту статью.

— Да.

— «Гений, который забыл, что такое вкус».

Майя ничего не ответила.

Леонардо приблизился.

— Я спрашиваю, это вы?

— Я уже ответила.

— Тогда ответьте ещё раз.

Майя подняла подбородок.

— Да, синьор Риччи. Это я написала рецензию на ваш ресторан три года назад.

Тишина.

Маттео медленно опустился в кресло.

— О господи…

Леонардо повернулся к нему.

— Ты знал?

— Что именно?

— Кто она.

— Лео, я совершенно не понимаю…

— Ты знал, что именно эта женщина написала статью о моём ресторане?

Маттео растерянно посмотрел на Майю.

— Нет.

Леонардо усмехнулся.

— Прекрасно.

Он снова повернулся к ней.

— И вы решили приехать сюда?

— Меня пригласили.

— И вы согласились?

— Да.

— Зная, что я здесь работаю?

— Да.

Он несколько секунд смотрел на неё.

Потом тихо произнёс:

— У вас поразительная наглость.

Майя почувствовала, как внутри поднимается возмущение.

Но не позволила ему отразиться на лице.

— Я бы предпочла слово «профессионализм».

Леонардо рассмеялся.

На этот раз громче.

— Профессионализм?

— Именно.

— Вы уничтожили мой ресторан, а теперь пришли объяснять мне, как нужно готовить?

Маттео поднялся.

— Лео, давай спокойно…

— Нет!

Его голос резко разрезал воздух.

Франческа вздрогнула.

Леонардо посмотрел на Майю.

— Я хочу услышать ответ.

Она выдержала паузу.

— Прежде всего, синьор Риччи, я не уничтожала ваш ресторан.

Он сделал шаг к ней.

— Неужели?

— Я написала рецензию.

— После которой мы потеряли финансирование!

— Вы потеряли финансирование из-за совокупности проблем, которые существовали задолго до моей публикации.

Леонардо побледнел от злости.

— Осторожнее.

— С чем?

— Со словами.

Майя медленно скрестила руки на груди.

— Вы просите меня быть осторожной со словами после того, как назвали меня наглой?

— Вы не представляете, через что мне пришлось пройти.

Его голос стал ниже.

Гораздо опаснее.

— Сорок человек потеряли работу.

Майя почувствовала неприятный укол.

— Я знаю.

— Нет. Не знаете.

Он приблизился.

— Вы не стояли перед ними и не объясняли, почему завтра они больше не смогут прийти на работу.

Майя молчала.

— Вы не продавали собственные вещи, чтобы выплатить зарплаты.

Его голос дрогнул.

Едва заметно.

Но она услышала.

— Вы не смотрели, как исчезает дело, которому отдали годы жизни.

Майя опустила взгляд.

Всего на секунду.

Потом снова подняла его.

— Нет, — тихо произнесла она. — Я через это не прохо-

дила.

Леонардо резко выдохнул.

— Хоть в чём-то мы согласны.

— Но это не означает, что я должна была лгать читателям.

Он застыл.

Майя продолжила:

— Я пришла в ваш ресторан как независимый критик. Заплатила за ужин. Попробовала блюда. Оценила кухню, сервис и концепцию. И написала то, что действительно думала.

— Не заботясь о последствиях.

— Я не могла предсказать последствия такого масштаба.

— Но они наступили.

— Да.

Между ними повисла тяжёлая пауза.

Майя медленно вдохнула.

— И мне жаль, что всё произошло именно так.

Леонардо резко поднял глаза.

— Вам жаль?

— Да.

— Как удобно.

— Что именно?

— Сказать «мне жаль» спустя три года.

Майя почувствовала, как его слова задели её сильнее, чем она ожидала.

— Я не прошу вас принимать мои сожаления.

— Прекрасно. Потому что не собираюсь.

Она замолчала.

Леонардо посмотрел на Маттео.

— Я не буду с ней работать.

Фраза прозвучала окончательно.

Без обсуждений.

Без возможности компромисса.

Маттео медленно выдохнул.

— Лео…

— Нет.

— Ты хотя бы…

— Я сказал, нет.

Он повернулся к Майе.

— Собирайте вещи, мадемуазель Савиньи. На острове достаточно красивых мест, чтобы провести отпуск, но здесь вам делать нечего.

Майя посмотрела на него.

Несколько секунд молчала.

Затем неожиданно улыбнулась.

Совсем немного.

Но Леонардо заметил.

— Что вас забавляет?

— Ваше представление о том, кто здесь принимает решения.

Он нахмурился.

— Простите?

Майя спокойно взяла со стола свою папку.

Открыла её.

Достала подписанный договор.

Положила перед ним.

— Я приехала сюда не в качестве вашей сотрудницы, синьор Риччи.

Леонардо опустил взгляд.

— Мне совершенно безразлично, в каком качестве вы приехали.

— А должно быть не безразлично.

Она указала на документ.

— Моё агентство заключило контракт с инвестиционной группой. У нас утверждены сроки, объём работ и финансовые обязательства.

— У меня есть право согласовывать творческую команду.

— Разумеется.

— Тогда вопрос закрыт.

— Не совсем.

Майя приблизилась к столу.

— Вы можете официально заявить, что наше сотрудничество невозможно. Но вам придётся объяснить, на каком профессиональном основании вы отказываетесь от утверждённого консультанта.

Леонардо усмехнулся.

— Вам недостаточно основания, которое только что прозвучало?

— Личная обида — не профессиональное основание.

Его глаза потемнели.

— Вы считаете это личной обидой?

— А чем ещё?

Леонардо медленно выпрямился.

— Вы понятия не имеете, о чём говорите.

— Тогда объясните.

— Я уже объяснил.

— Нет. Вы рассказали, насколько болезненно пережили закрытие ресторана. И я не обесцениваю ваши чувства. Но пока вы не назвали ни одной причины, по которой я не способна качественно выполнить свою работу.

Маттео закрыл лицо ладонью.

Джулио внимательно рассматривал план потолка, словно обнаружил на нём нечто невероятно занимательное.

Леонардо смотрел на Майю.

Долго.

Почти неподвижно.

— Вы всегда такая? — наконец спросил он.

— Какая?

— Невыносимая.

Майя улыбнулась.

— Только с мужчинами, которые путают собственное самолюбие с деловой необходимостью.

На мгновение ей показалось, что он сейчас взорвётся.

Но Леонардо неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Почти восхищённо.

И от этого смеха Майе стало почему-то ещё тревожнее.

— Знаете, мадемуазель Савиньи, — произнёс он, — я начинаю понимать, почему вы писали под псевдонимом.

Она прищурилась.

— И почему же?

— Не каждый человек выдержит встречу с вами в действительности.

Майя чуть наклонила голову.

— А вы, похоже, уже начинаете сомневаться в собственных силах.

Маттео поднял руки.

— Достаточно.

На этот раз его голос прозвучал достаточно жёстко, чтобы оба замолчали.

— Я не собираюсь превращать эту встречу в выяснение отношений трёхлетней давности.

Леонардо повернулся к нему.

— Тогда найди другого креативного директора.

— Мы уже провели отбор.

— Проведи новый.

— Это не так просто.

— Сделай простым.

Маттео стукнул ладонью по столу.

— Леонардо!

В комнате стало тихо.

Маттео редко позволял себе повышать голос.

Именно поэтому эффект оказался мгновенным.

— Мы инвестировали в этот проект огромные средства. Открытие запланировано. Архитекторы работают по утверждённому графику. Поставщики ждут решений. У нас есть обязательства перед партнёрами.

— Я прекрасно понимаю.

— Тогда веди себя соответственно.

Леонардо стиснул челюсти.

Маттео повернулся к Майе.

— А вы, мадемуазель Савиньи, должны были сообщить нам об обстоятельствах, которые могут повлиять на взаимодействие с ключевым участником проекта.

Майя выдержала его взгляд.

— Согласна.

Леонардо резко посмотрел на неё.

Похоже, он ожидал возражений.

Майя продолжила:

— Я недооценила вероятность того, что прошлый профессиональный конфликт окажется настолько существенным. Это моя ошибка.

Маттео медленно кивнул.

— Благодарю за честность.

— Но я не считаю, что одна рецензия трёхлетней давности делает невозможной совместную работу двух специалистов.

Леонардо усмехнулся.

— Как удобно для вас.

Майя не повернулась.

— Синьор Валенти, я предлагаю простое решение.

— Какое?

Она посмотрела на Леонардо.

— Пусть синьор Риччи продемонстрирует, что именно он считает концепцией резиденции. А я представлю своё профессиональное заключение после дегустации и изучения производственного процесса.

Леонардо приподнял бровь.

— Вы предлагаете мне пройти проверку?

— Нет. Предлагаю нам обоим заниматься работой вместо взаимных оскорблений.

— Как благородно.

— Я стараюсь.

Он медленно улыбнулся.

— А если моё меню вам не понравится?

— Я скажу об этом.

— Разумеется. Вы ведь специалист по уничтожению чужих ресторанов.

Майя посмотрела прямо на него.

— А если понравится, я скажу и об этом.

Леонардо выдержал взгляд.

— И вы ожидаете, что я поверю?

— Мне не нужна ваша вера. Мне нужен профессиональный диалог.

Он молчал.

Маттео воспользовался паузой.

— Хорошо. Завтра утром проведём рабочую дегустацию. Затем обсудим концепцию.

— Нет, — произнёс Леонардо.

Все повернулись к нему.

Он посмотрел на Майю.

— Сегодня.

Она чуть приподняла бровь.

— Сегодня?

— Через двадцать минут.

— Вы уверены?

Леонардо усмехнулся.

— Вы же не боитесь попробовать мою кухню?

Майя медленно закрыла папку.

— Боюсь только разочароваться.

Он улыбнулся.

На этот раз почти опасно.

— Тогда постараюсь не доставить вам такого удовольствия.

Временная кухня резиденции находилась в западном крыле.

Она была оборудована достаточно хорошо, чтобы проводить полноценные дегустации, хотя основное ресторанное помещение ещё находилось на стадии реконструкции.

Леонардо вошёл первым.

Майя последовала за ним.

Маттео решил присутствовать лично.

Франческа осталась заниматься организационными вопросами, а Джулио отправился на встречу с подрядчиками.

В кухне работали трое поваров.

Увидев Леонардо, они заметно выпрямились.

— Алессандро, — произнёс он, — подготовь дегустационные тарелки.

— Да, шеф.

Леонардо повернулся к Майе.

— Надеюсь, вы не собираетесь оценивать вкус по описанию в меню?

Она улыбнулась.

— Не беспокойтесь. Сегодня я намерена использовать все органы чувств.

На мгновение его взгляд задержался на её губах.

Всего на секунду.

Но Майя заметила.

И испытала совершенно неуместное раздражение.

Не смотри на меня так.

Она отвернулась к рабочему столу.

Леонардо заметил и это.

Его улыбка стала чуть шире.

— Вы всегда так серьёзны?

— Только когда работаю.

— Значит, у вас довольно скучная жизнь.

Майя повернулась.

— Если вы закончили анализировать мою личность, можем перейти к еде?

Маттео тихо кашлянул.

Леонардо рассмеялся.

— Как пожелаете.

Он поставил перед ней небольшую тарелку.

На белой керамике лежал тонкий кусочек свежей рыбы, дополненный прозрачным бульоном и несколькими каплями ароматного масла.

Оформление было почти аскетичным.

Никаких сложных украшений.

Никакой демонстративной роскоши.

Майя посмотрела на блюдо.

— Что это?

— Морской окунь. Лимонный бульон. Оливковое масло. Несколько трав.

— И всё?

— А вы ожидали больше?

— Судя по предварительному описанию — да.

Леонардо опёрся ладонями о край стола.

— Попробуйте.

Она взяла ложку.

Осторожно попробовала бульон.

Затем небольшой кусочек рыбы.

Закрыла глаза.

На несколько секунд.

Совсем непроизвольно.

Леонардо заметил это.

Он всегда замечал такие вещи.

Не улыбки.

Не комплименты.

Не восторженные восклицания.

А то мгновение, когда человек переставал думать о том, что именно ест, и просто чувствовал вкус.

Майя открыла глаза.

Положила ложку.

— Интересно.

Леонардо приподнял бровь.

— Только интересно?

Она посмотрела на него.

— Очень деликатная работа с кислотностью. Рыба приготовлена точно. Бульон подчёркивает естественную сладость продукта.

Он молчал.

Майя снова попробовала.

— Но соли немного больше, чем нужно.

Алессандро замер возле плиты.

Маттео медленно опустил взгляд.

Леонардо несколько секунд смотрел на Майю.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему?

— Потому что после первого глотка я хочу сделать второй. А после второго — выпить воды.

На кухне стало очень тихо.

Леонардо медленно повернулся к Алессандро.

Тот выглядел так, словно ожидал увольнения.

— Что я сказал тебе сегодня утром? — спросил шеф.

Молодой повар растерянно моргнул.

— Простите?

— О соли.

— Что гость должен почувствовать море, а не захотеть выпить литр воды.

Леонардо кивнул.

— Именно.

Он снова посмотрел на Майю.

И впервые в его взгляде появилось нечто, чего она не ожидала.

Уважение.

Очень короткое.

Почти незаметное.

Но настоящее.

— Правильно, — произнёс он.

Майя слегка улыбнулась.

— Благодарю.

— Не привыкайте.

Она рассмеялась.

И этот смех неожиданно заставил Леонардо задержать на ней взгляд.

Не профессиональный.

Не враждебный.

Совсем другой.

Он сам не сразу понял почему.

Майя улыбалась редко.

По крайней мере, с момента их знакомства.

И теперь, увидев эту улыбку, Леонардо с неприятным удивлением отметил, что она совершенно меняет её лицо.

Делает мягче.

Живее.

И значительно опаснее.

Он резко отвернулся.

— Следующее блюдо.

Дегустация продолжалась почти час.

Майя пробовала блюда внимательно, без лишних комментариев.

Иногда задавала вопросы.

Иногда просила уточнить технику приготовления.

Один раз предложила изменить последовательность подачи, чтобы вкусовые акценты не перекрывали друг друга.

Леонардо спорил.

Иногда резко.

Иногда насмешливо.

Но постепенно начал замечать неприятную для себя зако-

номерность.

Эта женщина действительно понимала гастрономию.

Не поверхностно.

Не на уровне эффектных слов и дорогих ингредиентов.

Она чувствовала структуру вкуса.

Понимала влияние текстуры.

Умела различать сложность ради результата и сложность ради демонстрации мастерства.

И самое раздражающее заключалось в том, что некоторые её замечания были справедливыми.

— Вы хотите сделать центральным блюдом второй части меню пасту с морскими ежами? — спросила Майя.

— Да.

— Почему?

Леонардо посмотрел на неё.

— Потому что это один из самых выразительных продуктов региона.

— Это ответ повара.

— А вы ожидали ответ сантехника?

Маттео поперхнулся водой.

Майя даже не улыбнулась.

— Я ожидала ответ человека, который собирается создать гастрономический опыт для гостей.

Леонардо скрестил руки на груди.

— Продолжайте.

— Если мы строим резиденцию вокруг индивидуальных

впечатлений, нам нужно подумать не только о том, что нравится шефу, но и о том, что будет чувствовать гость.

— И что же он должен чувствовать?

Майя задумалась.

— Принадлежность к месту.

Леонардо внимательно посмотрел на неё.

— Объясните.

Она приблизилась к столу.

— Представьте человека, который впервые приехал на Капри. Он видел сотни фотографий острова. Читал путеводители. Возможно, останавливался в лучших отелях мира. Но мы должны предложить ему не очередную красивую картинку.

— А что?

— Воспоминание.

Леонардо молчал.

Майя продолжила:

— Через пять лет он может забыть название вина, которое пил здесь. Может не вспомнить состав дегустационного меню. Но если вы сумеете связать вкус блюда с этим морем, этим воздухом, этим моментом — он запомнит.

Она остановилась.

В кухне стало тихо.

— Еда должна создавать эмоциональную память, синьор Риччи. Иначе она остаётся просто едой.

Леонардо смотрел на неё.

Очень долго.

Потом тихо спросил:

— Вы всегда так говорите о гастрономии?

Майя чуть нахмурилась.

— Как?

— Словно речь идёт о любви.

Она неожиданно растерялась.

Всего на мгновение.

Но он заметил.

— Возможно, — ответила она. — Потому что гастрономия и любовь имеют гораздо больше общего, чем кажется.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Например?

Майя посмотрела на него.

— В обоих случаях недостаточно красивой подачи.

Маттео рассмеялся.

Алессандро поспешно отвернулся к плите.

Леонардо не улыбнулся.

Он смотрел на Майю с выражением, которое она не смогла расшифровать.

Затем тихо произнёс:

— Интересное сравнение.

— Вам не нравится?

— Напротив.

Он немного наклонился ближе.

— Просто мне любопытно, настолько ли вы требователь-

ны к мужчинам, как к ресторанным блюдам.

Майя почувствовала, как лицо предательски потеплело.

Она тут же выпрямилась.

— Это не относится к проекту.

— Конечно.

— И я предпочла бы вернуться к профессиональным вопросам.

Леонардо улыбнулся.

— Разумеется, мадемуазель Савиньи.

Его голос звучал слишком мягко.

Слишком насмешливо.

Она отвернулась.

Невыносимый человек.

Но почему-то именно сейчас Майя впервые перестала думать о том, что он её ненавидит.

И это было гораздо опаснее.

К шести часам вечера они вернулись на главную террасу.

Солнце постепенно опускалось к горизонту.

Море стало тёмно-синим, почти бархатным.

По белым колоннам скользили длинные золотистые тени.

Маттео заказал кофе.

Леонардо отказался.

Майя попросила воду с лимоном.

Они сели за небольшой стол.

— Итак, — начал Маттео, — полагаю, мы можем считать первую рабочую встречу продуктивной.

Леонардо усмехнулся.

— Весьма необычная формулировка.

— Но точная, — заметила Майя.

Он бросил на неё взгляд.

Она улыбнулась.

Маттео продолжил:

— Майя, каково ваше предварительное заключение?

Она открыла записи.

— Кулинарная основа сильная. Пространство обладает исключительным потенциалом. Но нам необходимо доработать общую структуру гостевого опыта и определить, какие блюда станут узнаваемыми символами резиденции.

Леонардо внимательно слушал.

— Также я считаю необходимым пересмотреть последовательность дегустационного меню.

— Разумеется, — пробормотал он.

Майя проигнорировала замечание.

— И уделить больше внимания местным производителям.

Маттео кивнул.

— Согласен.

— Отдельно потребуется обсуждение винной программы и формата закрытых ужинов.

— Хорошо.

— Кроме того…

— Достаточно, — неожиданно произнёс Леонардо.

Майя повернулась.

— Простите?

Он поднялся.

— Я услышал.

Маттео нахмурился.

— Лео?

Леонардо посмотрел на Майю.

Его лицо снова стало холодным.

Будто последние два часа на кухне, когда между ними неожиданно возникло что-то похожее на взаимопонимание, просто не существовали.

— Вы действительно хороший специалист, мадемуазель Савиньи.

Она удивилась.

— Благодарю.

— Но это ничего не меняет.

Тепло исчезло из её взгляда.

— В каком смысле?

— Я по-прежнему не хочу с вами работать.

Маттео устало выдохнул.

— Леонардо…

— Ты хотел честного мнения. Я его высказал.

Он посмотрел на Майю.

— Ваша профессиональная компетентность не вызывает у меня сомнений. Но для совместной работы нужно доверие.

Майя медленно поднялась.

— Согласна.

— А доверия между нами нет.

— Пока нет.

Леонардо нахмурился.

— Пока?

— Именно.

Она подошла ближе.

— Мы знакомы несколько часов. Если бы все профессиональные отношения начинались с полного доверия, половина мирового бизнеса никогда бы не существовала.

— Вы предлагаете мне забыть прошлое?

— Нет.

— Тогда что?

Майя посмотрела прямо ему в глаза.

— Перестать позволять ему управлять настоящим.

Леонардо замер.

На мгновение в его взгляде мелькнуло что-то болезненное.

Но он быстро справился с собой.

— Вы очень любите красивые слова.

— Только если они имеют смысл.

— А если я скажу, что не собираюсь их слушать?

Она слегка пожала плечами.

— Тогда можете уйти.

Маттео резко поднял голову.

Леонардо медленно повернулся к ней.

— Что?

Майя стояла совершенно спокойно.

— Вы меня услышали.

— Вы предлагаете мне уйти из собственного проекта?

— Я предлагаю вам сделать выбор.

Его лицо стало жёстким.

— Какой именно?

— Либо мы оба признаём, что приехали сюда работать, либо один из нас отказывается от участия.

— И вы, разумеется, не собираетесь?

— Нет.

— Какая неожиданность.

Майя чуть улыбнулась.

— Я подписала контракт. У меня есть команда, обязательства и репутация. Я не намерена отказываться от профессионального проекта из-за того, что когда-то написала рецензию, которая вам не понравилась.

Леонардо сделал шаг к ней.

— Вы называете это просто рецензией?

— Я называю вещи своими именами.

— А я называю это предательством профессиональной этики.

Её глаза вспыхнули.

— Осторожнее, синьор Риччи.

Он усмехнулся.

— Теперь вы предупреждаете меня?

— Именно. Вы вправе не соглашаться с моим мнением.

Но обвинять меня в нарушении профессиональной этики без оснований я не позволю.

Они стояли лицом друг к другу.

Между ними оставалось меньше метра.

Леонардо был значительно выше.

Майе приходилось слегка поднимать голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

Но она не отступала.

И почему-то именно это раздражало его сильнее всего.

Он привык, что люди либо восхищаются им, либо опасаются его темперамента.

Майя не делала ни того ни другого.

Она спорила.

Спокойно.

Упрямо.

И без малейшего желания понравиться.

— Вы действительно считаете, что можете просто войти в мою жизнь и начать устанавливать правила? — тихо спросил он.

Майя почувствовала, как неожиданно изменилось звучание его голоса.

В мою жизнь.

Не в проект.

Не в ресторан.

Именно в жизнь.

Она медленно вдохнула.

— Синьор Риччи, я не стремлюсь войти в вашу жизнь.

Он смотрел на неё.

— Уверены?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Майя на секунду потеряла готовый ответ.

Леонардо заметил.

Едва заметная улыбка коснулась его губ.

— Абсолютно, — произнесла она.

— Прекрасно.

— И если вы не хотите со мной работать, дверь перед вами открыта.

Майя указала на выход с террасы.

— Вы можете уйти.

Леонардо медленно прищурился.

— Вы серьёзно?

— Совершенно.

Она выдержала паузу.

— Только учтите: инвесторы не станут ждать, пока вы окончательно разберётесь со своими обидами.

Маттео поднялся.

— Хватит! Оба!

Но Майя не отводила взгляда.

Леонардо тоже.

Несколько секунд казалось, что воздух между ними стал настолько плотным, что его можно разрезать ножом.

Затем Леонардо неожиданно улыбнулся.

Очень медленно.

Совсем не весело.

— Знаете, мадемуазель Савиньи…

Он приблизился ещё на полшага.

Теперь Майя чувствовала лёгкий аромат его парфюма.

Древесные ноты.

Немного бергамота.

И что-то тёплое, почти неуловимое.

Ей совершенно не следовало замечать подобных вещей.

Особенно сейчас.

— Я за свою жизнь встречал немало самоуверенных людей, — продолжил он. — Но вы, кажется, намерены установить новый рекорд.

Майя подняла подбородок.

— А вы, похоже, привыкли считать собственную самоуверенность достоинством, а чужую — недостатком.

Он тихо рассмеялся.

— Невероятная женщина.

— Вы удивительно наблюдательны.

Леонардо некоторое время смотрел на неё.

И вдруг Майя поняла, что он больше не злится так открыто, как раньше.

Это было хуже.

Теперь он изучал её.

С любопытством.

С раздражением.

С чем-то, чему она пока не могла подобрать название.

— В следующий раз, когда решишь уничтожить мужчину, хотя бы сначала узнай его, — произнёс он.

Майя почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Он впервые обратился к ней на «ты».

Неосознанно.

Или намеренно.

Она не знала.

Но почему-то это прозвучало гораздо личнее всех его предыдущих обвинений.

Майя выдержала его взгляд.

И спокойно ответила:

— В следующий раз постарайся не давать мне повода.

Леонардо замер.

На мгновение в его глазах мелькнуло настоящее удивление.

Затем он усмехнулся.

Отступил.

И, не сказав больше ни слова, развернулся к выходу.

Майя смотрела ему вслед.

Он шёл уверенно, почти небрежно, но по напряжённой линии плеч было ясно: разговор дался ему гораздо тяжелее, чем он хотел показать.

У дверей Леонардо остановился.

Не оборачиваясь, произнёс:

— Маттео.

— Да?

— Завтра в восемь утра я жду окончательную версию её замечаний.

Майя резко подняла голову.

Маттео удивлённо моргнул.

— Значит, ты согласен продолжить работу?

Леонардо повернул голову.

Его взгляд снова нашёл Майю.

— Я согласен убедиться, что она действительно настолько хороша, насколько о себе думает.

Он выдержал паузу.

— И если выяснится обратное, я лично отвезу её в аэропорт.

Майя улыбнулась.

— Не беспокойтесь, синьор Риччи. Обратный билет у меня уже есть.

Его губы едва заметно дрогнули.

— Как предусмотрительно.

Дверь закрылась.

Несколько секунд Маттео стоял неподвижно.

Потом медленно опустился в кресло.

— Господи всемогущий.

Майя повернулась к нему.

— Синьор Валенти…

Он поднял руку.

— Прошу. Дайте мне минуту.

Она замолчала.

Маттео снял очки.

Провёл ладонью по лицу.

Затем посмотрел на неё.

— Вы понимаете, что только что произошло?

Майя немного подумала.

— Мы достигли предварительного соглашения о продолжении работы.

Маттео уставился на неё.

Потом рассмеялся.

Громко.

Почти истерически.

— Предварительного соглашения?!

— Да.

— Майя, я видел, как Леонардо увольнял повара за неправильно приготовленный соус. Видел, как он заставил архитектора переделать всю кухню за одну ночь. Видел, как он отказался от контракта, стоимость которого превышала годовой доход некоторых ресторанов.

Майя скрестила руки.

— Впечатляющая деловая биография.

— Но я никогда не видел, чтобы кто-то разговаривал с ним так, как вы.

— Надеюсь, это комплимент.

Маттео покачал головой.

— Пока не уверен.

Он поднялся.

Подошёл к перилам террасы.

Некоторое время смотрел на море.

Затем тихо произнёс:

— Вы должны понять одну вещь. Леонардо не просто талантливый шеф-повар.

Майя подошла ближе.

— Я знаю.

— Нет. Вы знаете его профессиональную биографию. Но не понимаете, какой ценой он вернулся после Парижа.

Она молчала.

Маттео продолжил:

— Когда мы познакомились два года назад, он отказался от трёх очень выгодных предложений. Не хотел работать под чужим контролем. Не хотел зависеть от инвесторов. Не хотел снова создавать ресторан, в котором будут решать за него.

Майя смотрела на море.

— И всё же согласился на этот проект.

— Потому что здесь ему предложили свободу.

Маттео повернулся к ней.

— Для него эта резиденция — не просто очередной контракт. Это возможность создать то, что он когда-то мечтал создать в Париже.

Майя медленно кивнула.

— Понимаю.

— Тогда прошу вас, не превращайте старую историю в по-

стоянную борьбу.

Она посмотрела на него.

— Я не собираюсь.

— И ещё.

— Да?

Маттео выдержал паузу.

— Мне следовало узнать о вашем прошлом раньше.

Майя опустила взгляд.

— Согласна.

— Но сейчас я вижу, что вы оба обладаете качествами, необходимыми для этого проекта.

— Какими?

Он неожиданно улыбнулся.

— Вы оба совершенно невыносимы.

Майя рассмеялась.

— Это не слишком обнадёживает.

— Зато оба безусловно талантливы.

Он немного помолчал.

— И оба привыкли защищать то, что любите.

Майя перестала улыбаться.

То, что любите.

Она вдруг поняла, насколько точно Маттео сформулировал причину их столкновения.

Они оба любили своё дело.

Просто каждый защищал его так, словно от этого зависела вся его жизнь.

— Я постараюсь не разочаровать вас, — тихо сказала она.

Маттео улыбнулся.

— Очень надеюсь.

Леонардо вернулся на кухню в отвратительном настроении.

Он резко открыл холодильник.

Достал бутылку воды.

Сделал несколько глотков.

Потом поставил её на стол с такой силой, что Алессандро вздрогнул.

— Всё в порядке, шеф?

Леонардо повернулся.

— А должно быть не в порядке?

— Нет, я просто…

— Тогда работай.

Молодой повар поспешно отвернулся.

Леонардо выдохнул.

Провёл рукой по волосам.

Проклятая женщина.

Он до сих пор не мог поверить.

Три года.

Он искал Nocturne три года.

Не постоянно, разумеется.

Со временем старые обиды постепенно утратили остроту. Новые рестораны, работа, путешествия, успехи — жизнь слишком быстро двигалась вперёд, чтобы ежедневно возвра-

щаться к прошлому.

Но иногда, особенно в минуты усталости, он вспоминал ту статью.

Тот заголовок.

Те слова.

И ощущение, с которым держал в руках журнал, уже понимая, что дела идут плохо.

Он представлял себе автора по-разному.

Пожилого критика с высокомерным лицом.

Неудачливого шеф-повара, который превратил зависть в профессию.

Холодного журналиста, пишущего о еде так, словно речь идёт о финансовых отчётах.

Но никогда — женщину.

И уж точно не такую.

Леонардо закрыл глаза.

Перед ним возникло лицо Майи Савиньи.

Большие выразительные глаза.

Мягкие каштановые волосы.

Тонкие губы, которые она чуть сжимала, когда собиралась сказать что-то особенно неприятное.

И эта манера смотреть прямо в глаза.

Не опускать взгляд.

Не отступать.

Невероятно.

Он злился на неё.

По-настоящему.

И одновременно не мог избавиться от другого чувства.

Уважения.

Проклятого уважения, которое она сумела вызвать всего за несколько часов.

Он вспомнил, как Майя пробовала рыбу.

Как закрыла глаза.

Как сразу уловила избыток соли.

Как говорила об эмоциональной памяти вкуса.

И как спокойно признала, что написала ту рецензию.

Не стала оправдываться.

Не солгала.

Не попыталась представить ситуацию так, словно не имеет к ней отношения.

Она просто посмотрела ему прямо в глаза.

И сказала:

«Да. Это я».

Леонардо медленно выдохнул.

— Чёрт.

— Шеф? — осторожно окликнул Алессандро.

— Что?

— Вы что-то сказали?

Леонардо посмотрел на него.

Потом неожиданно улыбнулся.

— Нет. Просто вспомнил кое-что.

— Что именно?

Он взял чистую ложку.

Попробовал бульон, который остывал в небольшом сотейнике.

Соли действительно было слишком много.

Совсем немного.

Но Майя заметила.

Он медленно поставил ложку.

— Что иногда самое неприятное замечание оказывается самым полезным.

Алессандро удивлённо посмотрел на него.

— Это вы о блюде?

Леонардо усмехнулся.

— К сожалению, не только.

Вечер опустился на Капри мягко и почти незаметно.

Солнце исчезло за горизонтом, оставив на воде длинную золотистую дорожку.

На террасах виллы зажглись фонари.

В садах запах жасмина стал сильнее.

Где-то далеко звучала музыка.

Майя стояла на балконе своих апартаментов с бокалом минеральной воды.

День оказался значительно тяжелее, чем она ожидала.

Она должна была чувствовать облегчение.

В конце концов, Леонардо не покинул проект.

Не потребовал немедленного расторжения контракта.

И даже согласился продолжить обсуждение.

Но вместо облегчения Майя испытывала странное беспокойство.

Потому что теперь у её профессионального противника появилось лицо.

Голос.

Запах парфюма.

И глаза, которые она почему-то слишком хорошо запомнила.

Она сделала глоток воды.

— Нет, — тихо сказала себе. — Даже не думай.

Телефон завибрировал.

Камилла.

«Ну как прошла встреча?»

Майя несколько секунд смотрела на сообщение.

Потом набрала:

«Он узнал».

Ответ пришёл почти мгновенно.

«ЧТО?!»

Майя невольно улыбнулась.

Следующее сообщение:

«Ты жива?»

Она ответила:

«Пока да».

Камилла позвонила немедленно.

— Майя!

Та поднесла телефон к уху.

— Только не кричи.
— Как ты можешь говорить это так спокойно?!
— Привычка.
— Что произошло?
Майя задумалась.
— Мы познакомились.
— И?
— Поссорились.
— Разумеется.
— Потом провели дегустацию.
— Что?
— Он оказался очень хорошим поваром.
— Майя!
— А затем снова поссорились.
На другом конце линии повисло молчание.
Потом Камилла медленно произнесла:
— Ты сейчас издеваешься надо мной?
Майя рассмеялась.
— Немного.
— Он отказался работать?
— Да.
— Что?!
— Но потом передумал.
Камилла тяжело выдохнула.
— Господи. Мне нужен отпуск.
— Мне тоже.

— И что теперь?

Майя посмотрела на море.

— Завтра в восемь утра я должна представить окончательные замечания.

— Значит, работа продолжается?

— Похоже на то.

— А он?

Майя молчала.

— Майя?

— Что он?

— Какой он?

Она нахмурилась.

— В каком смысле?

— Ну… в жизни.

Майя закатила глаза.

— Камилла.

— Просто ответь.

Она посмотрела на своё отражение в стеклянной двери.

— Высокомерный.

— Так.

— Упрямый.

— Продолжай.

— Невыносимый.

— Я поняла.

Майя помолчала.

Потом неожиданно добавила:

— И очень талантливый.

Камилла улыбнулась на другом конце линии.

Это было почти слышно.

— А красивый?

Майя закрыла глаза.

— Не начинай.

— Значит, красивый.

— Камилла.

— Очень?

Майя тихо выругалась по-французски.

Камилла рассмеялась.

— О господи.

— Что?

— Ничего. Просто, кажется, этот проект будет гораздо интереснее, чем мы предполагали.

Майя посмотрела на ночное море.

— Вот этого я и боюсь.

В другом крыле виллы Леонардо сидел на открытой террасе своего номера.

Перед ним стоял бокал красного вина, к которому он почти не притронулся.

Телефон лежал на столе.

На экране была открыта фотография Майи Савиньи из презентации агентства.

Он уже несколько минут смотрел на неё.

И злился на себя за это.

Что ты делаешь, Риччи?

Он заблокировал экран.

Откинулся на спинку кресла.

Закрыл глаза.

Но сразу увидел её снова.

Как она стояла напротив него на террасе.

Как спокойно говорила о контракте.

Как не отступила ни на шаг.

И как произнесла ту последнюю фразу.

«В следующий раз постарайся не давать мне повода».

Леонардо усмехнулся.

— Маленькая ведьма.

Он открыл глаза.

Налил немного вина.

Сделал глоток.

Потом достал телефон и написал Маттео.

«Завтра в восемь. Пусть Савиньи приходит подготовленной».

Ответ пришёл через минуту.

«Она всегда подготовлена».

Леонардо нахмурился.

«Посмотрим».

Он положил телефон.

Посмотрел на море.

И вдруг понял одну неприятную вещь.

Он ждал завтрашнего утра.

Не потому, что хотел снова спорить.

Не потому, что намеревался доказать её некомпетентность.

И даже не потому, что по-прежнему злился за прошлое.

А потому, что ему было интересно.

Что она скажет.

Как посмотрит.

Как снова поднимет подбородок и произнесёт что-нибудь настолько дерзкое, что ему захочется одновременно выгнать её и рассмеяться.

Это открытие совершенно не понравилось Леонардо.

Он медленно поставил бокал.

— Нет, — произнёс он вслух. — Даже не думай.

Но за несколько сотен метров от него, в другом крыле той же виллы, Майя Савиньи в этот самый момент произнесла почти те же слова.

И оба ещё не знали, что их главная ошибка уже совершена.

Не три года назад.

Не в Париже.

И даже не сегодня, когда они впервые встретились лицом к лицу.

Их главная ошибка заключалась в том, что они приняли зарождающееся притяжение за обычную неприязнь.

А ненависть, как и любовь, иногда начинается с того, что один человек вдруг перестаёт быть для другого безразлич-

ным.

Над Капри сгущалась ночь.

Море тихо касалось скал.

В окнах виллы один за другим гасли огни.

Завтра им предстояло снова встретиться.

Снова спорить.

Снова доказывать друг другу собственную правоту.

Но однажды наступит момент, когда все аргументы потеряют значение.

Когда слова окажутся бесполезными.

Когда расстояние между ними станет настолько маленьким, что исчезнет возможность притворяться.

И тогда Леонардо Риччи придётся признать самую неприятную истину в своей жизни.

Женщина, которую он так долго ненавидел, способна стать женщиной, без которой он больше не захочет жить.

ГЛАВА 3. ПРАВИЛА ИГРЫ

Италия. Остров Капри.

В половине седьмого утра Майя Савиньи уже ненавидела три вещи.

Будильник.

Слишком крепкий итальянский кофе.

И Леонардо Риччи.

Последнее, впрочем, начинало превращаться в привычку.

Она сидела на балконе своих апартаментов, завернувшись

в лёгкий шёлковый халат. Перед ней лежал ноутбук, испещрённый пометками рабочий блокнот и три распечатанных варианта гастрономической концепции.

Внизу просыпался остров.

Солнце медленно поднималось над Тирренским морем, окрашивая белые стены виллы в тёплые персиковые оттенки. Из сада доносились голоса работников. Где-то звенела посуда, шумела вода, а в воздухе смешивались ароматы жасмина, лимонных деревьев и свежей выпечки.

Любой другой человек на её месте непременно отложил бы работу хотя бы на час.

Майя же в четвёртый раз перечитывала замечания к ресторанному меню.

Она спала четыре часа.

Слишком мало для нормального человека.

И вполне достаточно, чтобы подготовиться к очередной встрече с мужчиной, который накануне почти открыто предложил ей покинуть остров.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось сообщение от Камиллы.

«Доброе утро. Надеюсь, ты хотя бы сегодня не собираешься начинать международный дипломатический конфликт».

Майя улыбнулась.

«Нет. Сегодня планирую исключительно профессиональное сотрудничество».

Ответ пришёл мгновенно.

«Это ты так называешь вчерашнюю перепалку?»

«Вчера была предварительная оценка рисков».

«И каковы результаты?»

Майя посмотрела на свои записи.

«Риск высокий. Объект чрезвычайно привлекательный. Устранение источника риска не предусмотрено бюджетом».

Камилла прислала несколько смеющихся смайликов.

Следом появилось ещё одно сообщение:

«Майя, серьёзно. Будь осторожна. Этот мужчина умеет добиваться своего».

Она задумалась.

Затем напечатала:

«Я тоже».

Отложив телефон, Майя поднялась и подошла к зеркалу.

На ней почти не было макияжа. Длинные каштановые волосы свободно спадали на плечи, а под глазами виднелись едва заметные тени после бессонной ночи.

Она всмотрелась в собственное отражение.

Сегодня никаких эмоций.

Никаких воспоминаний о Париже.

Никаких попыток оправдаться за статью, написанную три года назад.

И уж тем более никаких мыслей о том, как Леонардо выглядел вчера, когда стоял напротив неё на террасе.

Майя нахмурилась.

Особенно об этом.

Она закрыла ноутбук.

Встреча была назначена на восемь.

А опаздывать к мужчине, который только и ждал повода усомниться в её профессионализме, она совершенно не собиралась.

В семь пятьдесят шесть Майя вошла в конференц-зал.

Леонардо уже находился там.

Он сидел у окна, держа в руке маленькую чашку эспрессо, и просматривал какие-то документы на планшете.

Сегодня на нём были тёмно-синие брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. Верхние пуговицы оставались расстёгнутыми, открывая загорелую шею.

Волосы выглядели слегка влажными, словно он недавно принял душ.

Майя отметила это совершенно против своей воли.

Превосходно. Теперь ты ещё и разглядываешь его по утрам.

Леонардо поднял глаза.

— Четыре минуты до назначенного времени.

— Доброе утро и вам, синьор Риччи.

Он взглянул на часы.

— Я уже начал опасаться, что вы передумали.

Майя положила папку на стол.

— Я редко меняю решения после того, как их приняла.

— Заметил.

— Рада, что вчерашний день оказался для вас познава-

тельным.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Невероятно. Вы даже до завтрака умудряетесь быть невыносимой.

— А вы, похоже, намерены сделать это нашей общей традицией.

Он отставил чашку.

— Кофе?

— Благодарю, уже пила.

— Плохой выбор.

— Почему?

— Наш утренний эспрессо готовит Франческа. Это одна из немногих вещей на вилле, которые пока не требуют вашего экспертного заключения.

Майя приподняла бровь.

— Теперь мне даже интересно попробовать.

Леонардо посмотрел на неё несколько секунд.

Затем нажал кнопку внутренней связи.

— Франческа, будьте добры, ещё один эспрессо. Без сахара.

Майя повернула голову.

— Откуда вы знаете, что я пью кофе без сахара?

Он пожал плечами.

— Вы не похожи на женщину, которая любит подслащивать действительность.

Она невольно улыбнулась.

— А вы не похожи на мужчину, который умеет делать комплименты.

— Я и не пытался.

— Разумеется.

На секунду между ними возникла почти приятная тишина.

Затем двери открылись.

В зал вошёл Маттео Валенти.

За ним — Франческа с несколькими папками и планшетом.

Маттео выглядел заметно менее жизнерадостным, чем вчера.

— Доброе утро.

— Доброе, — одновременно ответили Майя и Леонардо.

Маттео посмотрел на них.

Задержался взглядом.

— Вижу, вы оба в прекрасном настроении.

— Исключительном, — произнесла Майя.

— Пока, — добавил Леонардо.

Маттео тяжело вздохнул.

— Господи, дай мне терпения.

Он прошёл к столу.

— Прежде чем мы начнём обсуждать гастрономическую концепцию, нам необходимо решить один принципиальный вопрос.

Леонардо откинулся на спинку кресла.

— Какой именно?

Маттео положил на стол телефон.

— Вчера вечером состоялось экстренное совещание инвестиционного комитета.

Майя выпрямилась.

— По какой причине?

Маттео посмотрел сначала на неё, затем на Леонардо.

— Думаю, вы оба прекрасно понимаете.

Леонардо скрестил руки на груди.

— Я уже высказал своё мнение.

— И мы его услышали.

— Тогда зачем снова обсуждать?

Маттео медленно снял очки.

— Потому что твои личные чувства не могут определять стратегию проекта стоимостью тридцать два миллиона евро.

В комнате стало тихо.

Леонардо перестал улыбаться.

— Осторожнее, Маттео.

— Нет, Лео. На этот раз послушай меня.

Маттео сел напротив него.

— Мы выбрали тебя не только из-за твоего имени. Нам нужен шеф-повар, способный создать уникальную кухню, не похожую на десятки других ресторанных проектов.

— Именно этим я и занимаюсь.

— А Майю мы пригласили потому, что умеет превращать гастрономическую идею в полноценный коммерческий

и эмоциональный опыт.

Леонардо бросил на неё короткий взгляд.

— Я заметил её способность превращать всё в эмоциональный опыт.

Майя спокойно открыла блокнот.

— Если вы закончили, я готова продолжить встречу.

Маттео поднял руку.

— Достаточно.

Он немного помолчал.

— Инвестиционный комитет принял решение сохранить утверждённый состав творческой команды.

Леонардо резко выпрямился.

— Что?

— Мы не собираемся менять креативного директора.

— Маттео…

— И не собираемся менять шеф-повара.

Леонардо сжал челюсти.

Майя продолжала молчать.

— У вас обоих действующие контракты, — продолжил Маттео. — Любое изменение потребует времени, дополнительных расходов и пересмотра графика открытия. Более того, после вчерашней дегустации я убедился, что профессионально вы способны работать вместе.

Леонардо холодно усмехнулся.

— Как быстро ты сделал выводы.

— Достаточно быстро, чтобы не позволить вам уничто-

жить проект ещё до открытия.

Он положил перед ними два документа.

— Поэтому я предлагаю заключить отдельное соглашение о профессиональном взаимодействии.

Майя посмотрела на бумаги.

— Дополнительное соглашение к нашим контрактам?

— Да. В нём будут определены зоны ответственности, правила принятия решений и порядок урегулирования разногласий.

Леонардо медленно поднялся.

— Я не собираюсь подписывать документ, который позволит кому-то управлять моей кухней.

Маттео посмотрел на него.

— Тогда предложи разумные условия.

— Я уже предложил.

— Нет. Вчера ты предложил выгнать Майю с острова.

— Это было бы весьма эффективное решение.

Майя подняла глаза.

— Но, к сожалению, недостаточно профессиональное.

Леонардо повернулся к ней.

— Вы всегда чувствуете необходимость вставить последнее слово?

— Только когда предыдущие слова не имели смысла.

Маттео закрыл глаза.

— Вы двое когда-нибудь разговариваете без намерения победить?

Майя задумалась.

— Пока не было повода.

Леонардо усмехнулся.

— Наконец-то мы в чём-то согласны.

Маттео предоставил им предварительную редакцию соглашения.

Майя внимательно прочитала первые страницы.

Документ был составлен тщательно.

Разделение полномочий.

Творческая независимость.

Процедуры согласования.

Ответственность сторон.

Механизмы разрешения конфликтов.

Она мысленно отметила несколько пунктов, которые требовали корректировки.

Леонардо же пролистал текст за считаные минуты.

Затем положил его на стол.

— У меня есть условия.

Маттео кивнул.

— Слушаю.

Леонардо посмотрел на Майю.

— Первое. Никакого вмешательства в рецептуру.

Она не изменилась в лице.

— Уточните, что именно вы подразумеваете.

— Я отвечаю за кухню. Ингредиенты, технологии приготовления, сочетания вкусов, текстуры, температуру подачи.

Никто не имеет права менять мои рецепты без согласования со мной.

— Разумно, — ответила Майя.

Леонардо приподнял бровь.

— Вы согласны?

— Вы ожидали, что я буду спорить исключительно ради удовольствия?

— После вчерашнего — допускаю.

Майя положила ручку.

— Я не шеф-повар, синьор Риччи. И не собираюсь им притворяться. Моя задача — оценивать концепцию и впечатление гостя, а не самостоятельно менять количество лимонного сока в вашем соусе.

Леонардо некоторое время смотрел на неё.

— Прекрасно.

— Но…

Он усмехнулся.

— Разумеется.

Майя чуть улыбнулась.

— Я оставляю за собой право давать профессиональные рекомендации по вкусовому балансу, последовательности подачи и соответствию блюд общей концепции.

— Рекомендации — сколько угодно.

— И получать аргументированный ответ.

— Если рекомендации будут заслуживать ответа.

Майя посмотрела на Маттео.

— Прошу зафиксировать, что рекомендации рассматриваются в рабочем порядке, а отказ должен быть мотивирован. Без необходимости согласиться с каждой.

Маттео кивнул.

— Согласен.

Леонардо откинулся на спинку кресла.

— Второе. Никаких публичных комментариев о моей кухне без предварительного согласования.

Майя нахмурилась.

— В каком смысле?

— В прямом. Ни интервью, ни публикаций, ни комментариев прессе, касающихся рецептов и гастрономической концепции, пока мы не согласуем формулировки.

Она задумалась.

— Это касается исключительно текущего проекта?

— Разумеется.

— Тогда я согласна при условии взаимности.

Леонардо прищурился.

— Объясните.

— Вы также не делаете публичных заявлений о работе моего агентства без согласования.

Он негромко рассмеялся.

— Боитесь критики?

— Нет. Боюсь, что ваша склонность к эмоциональным формулировкам создаст лишние проблемы отделу по связям с общественностью.

Маттео неожиданно улыбнулся.

— Разумное опасение.

Леонардо посмотрел на него.

— Очень смешно.

Майя продолжила:

— Третье. Я хочу, чтобы все официальные материалы для гостей, инвесторов и прессы проходили согласование со мной в части позиционирования, сервиса и обещанного гостевого опыта.

— Зачем?

— Потому что у нас не может быть трёх разных концепций в зависимости от того, кто разговаривает с журналистом.

Леонардо кивнул.

— Допустимо.

— Четвёртое. План каждой тестовой дегустации утверждается заранее обеими сторонами.

Он медленно повернул голову.

— Зачем?

Майя посмотрела на него.

— Чтобы персонал, сомелье, кухня и координаторы понимали последовательность подачи, время, состав гостей и критерии оценки.

— Я умею проводить дегустации.

— Не сомневаюсь.

— Тогда зачем мне дополнительное согласование?

— Потому что здесь вы работаете не в собственном ре-

стране. Мы тестируем систему, в которой кухня — только одна из составляющих.

Леонардо скрестил руки.

— Вы опять пытаетесь объяснить мне мою профессию?

— Нет. Я объясняю свою.

Маттео кивнул.

— Майя права. Нам необходимо оценивать не только качество блюд, но и всю систему обслуживания.

Леонардо помолчал.

Потом нехотя произнёс:

— Хорошо.

Майя поставила небольшую отметку в документе.

— Пятое. Никаких изменений утверждённого сценария без предварительного уведомления всех ответственных лиц.

Леонардо едва заметно улыбнулся.

— Даже если изменение позволит улучшить результат?

— Особенно если изменение влияет на результат.

— Любопытная логика.

— Исключительно практическая. Вы можете менять состав блюда в пределах своей ответственности. Но если переносите время подачи или меняете порядок гастрономического маршрута, об этом должны знать сотрудники, отвечающие за гостя.

Леонардо молчал.

Майя добавила:

— Иначе мы рискуем получить великолепную кухню, ко-

торую обслуживает команда, не понимающая, что произойдёт в следующую минуту.

Маттео кивнул.

— Фиксируем.

Леонардо медленно покачал головой.

— Вы, французы, любите превращать удовольствие в инструкции.

Майя улыбнулась.

— А вы, итальянцы, иногда считаете импровизацию оправданием отсутствия дисциплины.

Он тихо рассмеялся.

— Боюсь, наше сотрудничество будет очень долгим.

— Четырнадцать месяцев, синьор Риччи.

— Я уже начал считать дни.

— Удивительно. Я тоже.

Маттео посмотрел на них с выражением человека, который добровольно подписался на четырнадцать месяцев ежедневных мигреней.

— Может, перейдём к последнему пункту?

Последний пункт предложила Майя.

И именно он неожиданно оказался самым трудным.

— Я хочу зафиксировать запрет на использование прошлых профессиональных конфликтов в качестве аргументов при обсуждении текущих решений.

Леонардо медленно поднял глаза.

— Простите?

— Вы меня услышали.

— Вы предлагаете мне забыть всё, что произошло три года назад?

— Нет. Я предлагаю не возвращаться к этому каждый раз, когда вам не нравится моё замечание.

Он рассмеялся.

Без радости.

— Как удобно.

Майя выдержала взгляд.

— Синьор Риччи, вчера вы несколько раз назвали меня человеком, уничтожившим ваш ресторан. Если это будет повторяться на каждой рабочей встрече, сотрудничество станет невозможным.

— А вас это беспокоит?

— Меня беспокоит потеря времени.

— Разумеется.

Майя медленно закрыла папку.

— Послушайте. Я не требую вашего прощения. Не прошу симпатии. И не рассчитываю, что мы станем друзьями.

Леонардо слегка наклонился вперёд.

— Поверьте, последний вариант нам точно не грозит.

— Прекрасно. Тогда у нас есть хотя бы одна общая позиция.

Она сделала паузу.

— Но если вы согласились продолжить работу, давайте работать. Не наказывать друг друга за события, которые мы

уже не можем изменить.

Леонардо некоторое время смотрел на неё.

Потом перевёл взгляд на море за окном.

Его лицо стало неожиданно серьёзным.

— Вы произносите это так легко.

Майя нахмурилась.

— Что именно?

— «События, которые мы не можем изменить».

Он снова посмотрел на неё.

— Для вас это страница профессиональной биографии. Для меня — четыре месяца, в течение которых я каждое утро просыпался и думал, смогу ли сохранить работу людям, которые мне доверяли.

Майя почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

На этот раз она не стала немедленно отвечать.

Леонардо продолжил:

— Я знаю, что мой ресторан закрылся не только из-за вашей статьи. Можете не объяснять. Мне напоминали об этом достаточно часто.

Его голос стал тише.

— Но именно после неё я впервые увидел, как люди начали смотреть на меня иначе. Не как на повара, который ошибся. А как на человека, который перестал быть тем, кем себя называл.

Майя медленно опустила глаза.

Впервые с момента их встречи он говорил не ради победы

в споре.

Не ради того, чтобы поставить её на место.

Он просто говорил о боли.

Настоящей.

И она неожиданно поняла, почему его гнев был таким упорным.

Дело заключалось не только в закрытом ресторане.

Он потерял доверие к собственному таланту.

Пусть ненадолго.

Но для человека, привыкшего определять себя через работу, это могло оказаться гораздо страшнее финансового поражения.

— Я не знала всего, что происходило за кулисами вашего ресторана, — сказала Майя.

Леонардо посмотрел на неё.

— Теперь знаете.

— Только часть.

Она выдержала паузу.

— И я не стану притворяться, что это ничего не меняет в моём отношении к истории.

Маттео молчал.

Франческа осторожно опустила ручку на стол.

Майя продолжила:

— Но моё профессиональное мнение о том ужине остаётся прежним. Я могу сожалеть о том, что вам пришлось пережить. И одновременно считать свою оценку честной.

Леонардо долго смотрел на неё.

Потом медленно кивнул.

— По крайней мере, вы последовательны.

— Стараюсь.

— И упрямы.

— Это у нас общее.

Он усмехнулся.

На этот раз почти искренне.

— Хорошо, мадемуазель Савиньи. Ваш пункт принимается.

Маттео заметно расслабился.

— Прекрасно.

Леонардо поднял палец.

— Но с одним условием.

Майя насторожилась.

— Каким?

— В частных разговорах я оставляю за собой право считать вас невыносимой.

Она улыбнулась.

— Только если вы признаёте за мной аналогичное право.

Он протянул руку.

— Договорились.

Майя посмотрела на его ладонь.

Затем вложила в неё свою.

— Договорились.

Рукопожатие длилось всего несколько секунд.

Но почему-то оказалось более странным, чем вчерашнее.

Леонардо сжал её пальцы чуть крепче, чем требовалось.

И Майя не сразу освободила руку.

Маттео кашлянул.

Они одновременно отстранились.

— Невероятно, — произнёс он. — Кажется, впервые за два дня вы о чём-то договорились, не повысив голос.

Леонардо посмотрел на Майю.

— Не привыкай.

— И не собиралась.

К одиннадцати часам юристы согласовали окончательную редакцию дополнительного соглашения.

Все необходимые правки были внесены.

Основные положения заняли шесть страниц.

Ещё три отводились процедурам согласования, срокам и распределению ответственности.

Леонардо подписал документ первым.

Быстро.

Почти небрежно.

Затем протянул ручку Майе.

— Прошу.

Она взяла её.

— Благодарю.

— Только внимательно читайте.

Майя подняла бровь.

— Почему?

— Вдруг я добавил пункт, по которому вы обязаны молчать во время дегустаций.

Она улыбнулась.

— Тогда мне придётся добавить пункт, запрещающий вам разговаривать с инвесторами без присутствия психолога.

Маттео тихо рассмеялся.

Майя поставила подпись.

Майя Савиньи.

Чернила медленно впитались в бумагу.

Шесть страниц.

Несколько подписей.

Четырнадцать месяцев.

И один мужчина, с которым она едва выдержала первые двадцать четыре часа знакомства.

Леонардо забрал свой экземпляр договора.

Посмотрел на неё.

— Добро пожаловать в ад, мадемуазель Савиньи.

Майя улыбнулась.

— После вчерашнего я уже поняла, кто здесь отвечает за климат.

Он рассмеялся.

Неожиданно.

Громко.

И впервые Майя увидела, как меняется его лицо, когда он смеётся по-настоящему.

Исчезает жёсткость.

Смягчается линия рта.

В тёмных глазах появляются маленькие морщинки.

На мгновение перед ней оказался не высокомерный знаменитый повар, а обычный мужчина, способный получать искреннее удовольствие от хорошей шутки.

Она невольно задержала на нём взгляд.

Леонардо заметил.

И его улыбка стала чуть медленнее.

— Что?

Майя опустила глаза к документам.

— Ничего.

— Вы так внимательно на меня смотрели.

— Проверяла, способны ли вы улыбаться без сарказма.

— И?

Она подняла глаза.

— Результаты пока неубедительны.

Он усмехнулся.

— Тогда придётся повторить эксперимент.

Майя почувствовала, как лицо слегка потеплело.

Она тут же повернулась к Маттео.

— Предлагаю обсудить сегодняшнюю дегустацию.

И не заметила, как Леонардо продолжал смотреть на неё ещё несколько секунд.

Первую полноценную дегустацию для представителей инвестиционной группы назначили на половину шестого вечера.

Гостей должно было быть шестеро.

Маттео Валенти, двое представителей финансового комитета, руководитель гостиничного направления, специалист по винной программе и независимый консультант, приглашённый для оценки гастрономической концепции.

Майя настояла, чтобы встреча проходила не в формате обычного ужина.

— Мы не продаём им готовый ресторан, — объяснила она. — Мы показываем, каким может стать впечатление гостя.

Леонардо стоял у большого окна, держа в руках распечатанное меню.

— Вы говорите об ужине так, словно планируете театральную постановку.

— В определённом смысле так и есть.

— Еда не театр.

— Разумеется. Но ресторан — это не только еда.

Он повернулся.

— Вы снова начинаете?

Майя терпеливо улыбнулась.

— Я ещё не закончила.

— Весьма обнадёживающе.

Она проигнорировала замечание и разложила перед ним схему.

— Смотрите. Гости прибывают в семнадцать тридцать. Первые двадцать минут — аперитив на террасе. Затем мы

приглашаем их в малый гастрономический зал.

— Зачем?

— Чтобы создать переход от открытого пространства к камерному.

Леонардо усмехнулся.

— А они не могут просто сесть за стол?

Майя посмотрела на него.

— Могут. Но тогда зачем нам понадобился специалист по гостевому опыту?

Он негромко рассмеялся.

— Продолжайте.

— Первая подача — лёгкая, свежая. Что-нибудь, что сразу задаст настроение побережья. Затем постепенно усиливаем глубину вкуса. Рыба, сезонные овощи, паста. Основное блюдо. Десерт.

— Довольно предсказуемо.

— Предсказуемость последовательности не означает предсказуемости впечатления.

Она передвинула к нему лист.

— И я хочу, чтобы десерт подали примерно за пятнадцать минут до заката.

Леонардо поднял глаза.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Теперь солнце тоже будет работать по вашему расписанию?

Майя не удержалась от улыбки.

— Нет. Но персонал может подготовиться к тому, что оно садится приблизительно в известное время.

Он взглянул на схему.

— А если гость будет есть медленнее?

— Мы предусмотрим временной резерв.

— А если захочет поговорить с поваром?

— Вы выйдете к нему.

— А если я захочу изменить порядок блюд?

Майя подняла глаза.

— Вы предупредите меня заранее.

Леонардо чуть прищурился.

— Даже если мне покажется, что так будет лучше?

— Даже тогда.

— Вы удивительно любите контролировать всё вокруг.

Майя спокойно сложила руки.

— А вы удивительно не любите, когда кто-то контролирует хоть что-нибудь кроме вас.

Он улыбнулся.

— Мы ещё поспорим об этом.

— Не сомневаюсь.

Майя протянула ему окончательную версию сценария.

— Посмотрите. Если у вас есть замечания, внесём их сейчас.

Леонардо пробежал глазами документ.

Потом положил его на стол.

— Хорошо.

Она удивлённо подняла бровь.

— Хорошо?

— Да.

— Вы согласны с последовательностью?

— Согласен.

— И с временем подачи?

— Мадемуазель Савиньи, я прекрасно умею читать расписание.

— Хотела убедиться.

— Теперь убедились?

Майя улыбнулась.

— Почти.

Он взял ручку, поставил отметку о согласовании и протянул ей лист.

— Довольны?

— Исключительно.

Леонардо наклонился ближе.

— Не привыкайте.

Она посмотрела ему в глаза.

— Вы часто это говорите.

— Потому что люди слишком быстро привыкают к хорошему.

— В таком случае мне пока ничего не угрожает.

Он рассмеялся.

Майя забрала документы.

Она ещё не знала, что Леонардо уже принял совершенно другое решение.

В четыре часа дня кухня напоминала идеально организованный механизм.

Повара работали почти беззвучно.

На длинных металлических столах стояли небольшие керамические тарелки, ёмкости с соусами, свежие травы и подготовленные ингредиенты.

В воздухе пахло лимонной цедрой, оливковым маслом и горячим хлебом.

Майя вошла вместе с Франческой.

— Всё готово? — спросила она.

— Практически, — ответила та. — Сомелье уже проверил последовательность вин. Официанты изучили сценарий.

— Прекрасно.

Майя прошла вдоль рабочей поверхности.

Леонардо стоял у плиты.

На нём был белоснежный поварской китель, рукава закатаны до локтей. Он внимательно перемешивал содержимое большого медного сотейника.

— Синьор Риччи.

Он не обернулся.

— Мадемуазель Савиньи.

— Как подготовка?

— Великолепно.

Она приблизилась.

— Что готовите?

— Ужин.

Майя подняла бровь.

— Неожиданно.

Он усмехнулся.

— Стараюсь соответствовать вашим ожиданиям.

Она заглянула в сотейник.

Паста.

Тонкие длинные ленты, покрытые блестящим соусом.

Аромат лимона был тонким, но отчётливым.

— Это для четвёртой подачи? — спросила Майя.

— Возможно.

Она нахмурилась.

— В каком смысле?

Леонардо попробовал соус.

— В том, что я ещё думаю.

— О чём?

— О последовательности.

Майя медленно выпрямилась.

— Мы согласовали последовательность утром.

— Помню.

— Тогда что вы обдумываете?

Он наконец повернулся.

На его лице появилась та самая улыбка, которую Майя уже начинала узнавать.

Улыбка мужчины, собирающегося сделать что-то исклю-

чительно неприятное.

— Иногда лучшие решения приходят в последний момент.

— Иногда, — согласилась она. — Но у нас через полтора часа дегустация для инвесторов.

— Я умею определять время.

— Тогда вы понимаете, почему сейчас не лучший момент для экспериментов?

Леонардо посмотрел на неё внимательно.

— Вы боитесь импровизации?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

Майя выдержала паузу.

— Я не люблю сюрпризы, которые создают дополнительные проблемы шести другим людям.

Он усмехнулся.

— Как прагматично.

— Как профессионально.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

Затем Леонардо отвернулся к плите.

— Не беспокойтесь, мадемуазель Савиньи. Все гости останутся довольны.

Майя постояла ещё немного.

Потом вышла.

Но ощущение надвигающейся неприятности осталось.

Она слишком хорошо знала этот тип мужчин.

Талантливых.

Уверенных.

Привыкших считать, что исключительные способности дают право нарушать правила, установленные другими.

И всё же Майя решила не устраивать спор на глазах у персонала.

Леонардо согласовал план.

Подписал документ.

Знал последствия.

Оставалось надеяться, что он окажется достаточно взрослым человеком, чтобы выполнить собственные обязательства.

В семнадцать тридцать прибыли первые гости.

Майя встречала их на террасе.

На ней было элегантное платье цвета тёплого песка, подчёркивавшее стройную фигуру, и тонкие золотые серьги. Волосы она собрала с одной стороны, оставив длинные волны свободно спадать на плечо.

Её улыбка была безупречной.

Не слишком широкой.

Не слишком официальной.

Ровно такой, какой должна быть улыбка хозяйки вечера, уверенной, что всё находится под контролем.

— Майя, дорогая! — Маттео приблизился вместе с высокой женщиной в кремовом костюме. — Позволь представить Джулию Марини, одного из наших ключевых инвесторов.

Майя протянула руку.

— Очень рада знакомству.

Джулия улыбнулась.

— Маттео много о вас рассказывал.

— Надеюсь, не всё.

Женщина рассмеялась.

— Он сказал, что вы способны сделать необыкновенное событие даже из обычного ужина.

— Тогда сегодня у меня есть возможность подтвердить его слова.

Джулия посмотрела на море.

— Место великолепное.

— Именно поэтому мы хотим, чтобы кухня не соперничала с ним, а дополняла впечатление.

— Очень интересная мысль.

Майя улыбнулась.

— Надеюсь, к концу вечера вы сможете почувствовать её на практике.

Всё происходило точно по плану.

Гостей встречали приветственным напитком на основе лимона и ароматных трав.

Негромкая инструментальная музыка создавала атмосферу спокойствия.

Официанты двигались уверенно, почти незаметно.

Франческа контролировала подготовку зала.

Сомелье ожидал сигнала к первой подаче.

Майя взглянула на часы.

Семнадцать пятьдесят восемь.

Идеально.

Она подошла к Франческе.

— Через две минуты приглашаем гостей за стол.

— Всё готово.

— Кухня подтвердила?

Франческа кивнула.

— Да.

Майя улыбнулась.

— Отлично.

Через несколько минут гости заняли свои места.

Большой овальный стол стоял напротив панорамных окон.

За ними медленно темнело море.

На белоснежной скатерти лежали лаконичные приборы. Небольшие композиции из оливковых ветвей и цветов не мешали обзору и не отвлекали внимание.

Всё было продумано.

До мельчайшей детали.

Майя стояла немного в стороне, наблюдая за началом дегустации.

Первым блюдом по утверждённому сценарию должно было стать небольшое крудо из морской рыбы с зелёным маслом и едва заметным цитрусовым акцентом.

Лёгкое.

Свежее.

Почти прозрачное по вкусу.

Оно должно было стать началом постепенного путешествия от морского бриза к глубоким, насыщенным вкусам южной Италии.

Двери кухни открылись.

Появились официанты.

Майя выпрямилась.

Первую тарелку поставили перед Джулией.

Вторую — перед Маттео.

Третью — перед независимым консультантом.

Майя посмотрела на блюдо.

И застыла.

На тарелке была паста.

Не крудо.

Не лёгкая закуска.

А небольшая порция свежей пасты в густом блестящем соусе с лимонной цедрой.

Pasta al limone.

Четвёртая подача.

Майя медленно повернула голову к Франческе.

Та выглядела не менее растерянной.

— Что происходит? — тихо спросила Майя.

— Я не знаю.

— Кто изменил последовательность?

Франческа опустила взгляд на планшет.

— Шеф лично передал распоряжение кухне.

У Майи внутри всё похолодело.

Риччи.

Разумеется.

Она сделала медленный вдох.

Затем ещё один.

И улыбнулась гостям.

Потому что инвесторы не должны были видеть, что план вечера только что отправился ко всем чертям.

Леонардо появился в зале через несколько секунд.

Спокойный.

Уверенный.

С той самой невыносимой полуулыбкой.

Он остановился возле стола.

— Добрый вечер, дамы и господа.

Гости повернулись к нему.

— Сегодня я хочу начать наш ужин немного иначе, чем принято на подобных мероприятиях.

Майя медленно сжала пальцы.

Ты не просто нарушил план.

Ты ещё и собираешься превратить это в представление.

Леонардо продолжил:

— Обычно дегустационные ужины начинаются с чего-нибудь сложного, необычного, почти театрального. Маленькая тарелка, несколько редких ингредиентов, объяснение, почему всё это должно вас впечатлить.

Гости улыбнулись.

— Но я хочу предложить вам другое.

Он указал на пасту.

— Это блюдо готовила моя мать. В нашем доме на побережье. Ничего особенного. Свежая паста, лимон, сливочное масло, немного сыра и морская соль.

Джулия заинтересованно посмотрела на тарелку.

— И вы решили начать именно с него?

— Да.

Леонардо улыбнулся.

— Потому что прежде чем показывать вам, на что я способен как шеф-повар, я хочу показать, откуда началась моя любовь к еде.

Майя смотрела на него.

И, к собственному раздражению, поняла, что он говорил совершенно искренне.

Не играл.

Не пытался произвести впечатление.

Просто рассказывал о воспоминании, которое действительно было для него важным.

— Моя мать всегда говорила, — продолжил Леонардо, — что человека можно удивить дорогим блюдом. Но счастливым его делает не цена ужина, а то, с кем он его разделил.

Джулия улыбнулась.

— Какая прекрасная мысль.

— Попробуйте, — предложил он. — А потом скажите,

достаточно ли хорошее это начало.

Гости взяли приборы.

Майя наблюдала за их лицами.

Первой попробовала Джулия.

Закрыла глаза.

Затем улыбнулась.

— Божественно.

Маттео попробовал следом.

— Лео, это великолепно.

Независимый консультант внимательно изучил блюдо.

— Удивительно. Такая простая идея.

Леонардо улыбнулся.

— Иногда простота требует больше смелости, чем сложность.

Майя почувствовала, как его взгляд на мгновение остановился на ней.

Ах ты самодовольный…

Она не закончила мысль.

Потому что в этот момент поняла ещё кое-что.

Блюдо действительно произвело впечатление.

Не громкими эффектами.

Не редкими ингредиентами.

А историей.

Той самой эмоциональной памятью, о которой она говорила вчера.

И Леонардо прекрасно знал, что делает.

Он не просто нарушил сценарий.

Он бросил ей вызов.

На её собственном профессиональном поле.

Проблемы начались через десять минут.

Первое блюдо оказалось значительно более насыщенным, чем предполагалось по сценарию.

Сомелье подготовил к началу дегустации совсем другое вино.

Официанты ожидали подачи крудо.

Гости же начали обсуждать пасту, задавать вопросы о семейных рецептах и просить Леонардо рассказать больше о кухне его матери.

Вместо десяти минут первая подача заняла почти двадцать пять.

Майя наблюдала за происходящим.

Затем тихо позвала Франческу.

— Нам нужно изменить сервис.

— Да, синьорина.

— Попросите сомелье пересмотреть сопровождение. Сейчас нельзя подавать сырую рыбу в первоначальном варианте. После пасты она потеряется.

Франческа быстро кивнула.

— Я передам шефу.

— Нет. Пока только сомелье. Скажите ему, что мы корректируем винную последовательность. Затем уточните у кухни порядок следующих блюд.

— А как быть со временем?

Майя взглянула на часы.

— Десерт переносим. Закат не ждёт, поэтому предложим гостям выйти на террасу после основной подачи. Там подготовим небольшую паузу с напитками. Финальный десерт подадим уже после возвращения в зал.

Франческа посмотрела на неё с явным облегчением.

— Поняла.

— И ещё.

— Да?

— Никакой суеты. Гости не должны почувствовать, что мы импровизируем под давлением обстоятельств.

— Разумеется.

Франческа исчезла за дверью.

Майя снова посмотрела на стол.

Леонардо всё ещё разговаривал с гостями.

Он выглядел совершенно довольным собой.

И именно это раздражало её сильнее всего.

Она могла простить профессиональный риск.

Могла признать оригинальное решение.

Но не намеревалась мириться с человеком, который проверял её выдержку ценой работы всей команды.

В конце концов, заключённое утром соглашение не было декоративной бумажкой.

И Леонардо прекрасно это понимал.

К удивлению самой Майи, ужин продолжился успешно.

После первоначальной суматохи команда сумела перестроиться.

Франческа быстро скорректировала сервис.

Сомелье подобрал другое сопровождение.

Повара адаптировали последовательность.

А Майя, воспользовавшись короткой паузой между подачами, предложила гостям небольшую прогулку по террасе.

Солнце уже приближалось к горизонту.

Море стало глубокого сапфирового цвета.

Джулия остановилась возле перил.

— Майя, должна признаться, я не ожидала такого вечера.

Та улыбнулась.

— Надеюсь, это хорошее впечатление.

— Очень хорошее.

Джулия посмотрела на зал.

— Но мне кажется, первая подача была не совсем той, которую планировали.

Майя на мгновение замерла.

Наблюдательная женщина.

— Вы правы.

Джулия повернулась.

— Почему изменили решение?

Майя могла солгать.

Сказать, что так и было задумано.

Представить чужую импровизацию частью безупречного сценария.

Но после утреннего разговора с Леонардо особенно остро чувствовала, насколько опасным бывает соблазн подменить правду удобной формулировкой.

— Шеф предложил неожиданное изменение, — ответила она. — Мы решили посмотреть, как на него отреагируют гости.

Джулия заинтересованно приподняла бровь.

— И каковы результаты?

Майя задумалась.

— Эмоционально — сильное начало. Операционно — нам есть что доработать.

Женщина улыбнулась.

— Честный ответ.

— Других я предпочитаю не давать.

Джулия некоторое время смотрела на неё.

— Знаете, что мне понравилось больше всего?

— Что именно?

— Вы не пытались убедить меня, что всё прошло идеально.

Майя чуть улыбнулась.

— Потому что это было бы неправдой.

Джулия кивнула.

— В дорогих проектах слишком много людей, готовых рассказывать мне, насколько всё прекрасно. И слишком мало тех, кто способен признать проблему до того, как она становится слишком дорогой.

Майя почувствовала неожиданное облегчение.

— Тогда я рада, что наше сотрудничество начинается с правильного впечатления.

— Посмотрим, что будет дальше.

Джулия улыбнулась и направилась к остальным гостям.

Майя осталась у перил.

Ветер мягко коснулся её волос.

Она глубоко вдохнула.

И только теперь позволила себе почувствовать усталость.

Вечер прошёл хорошо.

Но слишком дорогой ценой.

И у неё не было ни малейшего желания повторять подобный опыт.

Леонардо нашёл её через несколько минут.

— Прячетесь?

Майя даже не повернулась.

— От кого?

— От меня, например.

— Если бы я действительно хотела спрятаться от вас, выбрала бы место гораздо дальше.

Он усмехнулся.

— Гости довольны.

— Я заметила.

— Ужин получился великолепным.

— Для гостей — да.

Леонардо встал рядом.

— А для вас?

Майя медленно повернула голову.

— Вы действительно хотите услышать ответ?

— Разумеется.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы намеренно нарушили согласованный план.

Он не стал отрицать.

— Да.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Майя почувствовала новую волну раздражения.

— Почему?

Леонардо опёрся локтями о перила.

— Потому что хотел начать с того, что действительно важно.

— В таком случае следовало предложить изменение утром.

— Вы бы не согласились.

Майя тихо рассмеялась.

— Потрясающая логика.

Он повернулся.

— Что?

— Вы решили, что я не соглашусь, поэтому предпочли не спрашивать.

— Я знал, что блюдо сработает.

— И оно сработало.

Леонардо замолчал.

Похоже, он ожидал совсем другого ответа.

Майя продолжила:

— Ваша паста была великолепна. История — искренней. Гости получили сильное эмоциональное впечатление.

На его лице появилась тень улыбки.

— Тогда в чём проблема?

Майя приблизилась.

— В том, что вы проверили не только свою идею. Вы проверили всю команду, не предупредив её.

Улыбка исчезла.

— Профессионалы должны уметь адаптироваться.

— Несомненно.

— Тогда…

— Но способность устранять проблему не означает, что проблему обязательно нужно создавать.

Леонардо замолчал.

Майя продолжила уже спокойнее:

— Сомелье пришлось менять сопровождение. Официанты не знали, что будет следующим. Франческа перестраивала сервис прямо во время ужина. Если бы у кого-то из гостей возникли специальные требования по питанию, мы могли бы столкнуться с куда более серьёзными последствиями.

— Все ограничения были проверены.

— Я знаю. И потому говорю не о сегодняшней опасности, а о принципе работы.

Она сделала паузу.

— Вы хотели доказать, что эмоциональная история важнее заранее установленного сценария?

Леонардо посмотрел на неё.

— Возможно.

— Поздравляю. Вы доказали, что замечательная история способна спасти даже плохо организованный ужин.

Он нахмурился.

— Вы называете ужин плохо организованным?

— Я называю плохо организованным изменение, о котором заранее не предупредили людей, отвечающих за результат.

Леонардо некоторое время молчал.

Потом тихо произнёс:

— Вы очень любите быть правой.

Майя посмотрела на него.

— А вы очень не любите признавать, когда прав кто-то другой.

Он усмехнулся.

— Знакомая ситуация.

— Для нас обоих.

Ветер усилился.

Майя убрала волосы с лица.

Леонардо заметил, как одна прядь снова упала ей на щёку.

И на какое-то совершенно нелепое мгновение ему захотелось поправить её самому.

Жест был бы простым.

Почти естественным.

Но он прекрасно понимал, насколько неуместным оказался бы сейчас.

Поэтому лишь сильнее сжал пальцы на каменных перилах.

— Хорошо, — наконец произнёс он.

Майя повернулась.

— Что?

— Вы правы в одном.

Она удивлённо подняла бровь.

— Только в одном?

Леонардо усмехнулся.

— Не испытывайте судьбу.

Она не удержалась от улыбки.

Он продолжил:

— Мне следовало предупредить команду.

Майя смотрела на него.

Не скрывая удивления.

— Вы сейчас признали ошибку?

— Не заставляйте меня пожалеть об этом.

Она рассмеялась.

И этот смех снова оказался совершенно неожиданным.

Леонардо смотрел на неё.

На то, как смягчилось её лицо.

Как в глазах появились тёплые золотистые искры.

Как едва заметные морщинки обозначились возле губ.

Он почувствовал странное желание продлить этот момент.

Пусть даже ценой ещё одной ссоры.

— Но я не жалею о самой идее, — добавил он.

Майя покачала головой.

— Разумеется.

— Вы ведь согласны, что блюдо было правильным?

Она задумалась.

— Для начала ужина — возможно. Но тогда нужно перестроить всю дальнейшую последовательность.

Леонардо слегка наклонился к ней.

— То есть вы готовы изменить свой первоначальный план?

— Если новое решение лучше — безусловно.

Он смотрел на неё несколько секунд.

— Интересно.

— Что именно?

— Я думал, вы будете защищать свой сценарий из принципа.

Майя улыбнулась.

— Тогда вы плохо меня знаете.

Леонардо медленно выпрямился.

Её слова неожиданно заставили его вспомнить собственную вчерашнюю фразу.

«В следующий раз, когда решишь уничтожить мужчину, хотя бы сначала узнай его».

Он посмотрел на Майю.

— Возможно, — тихо произнёс он.

Она чуть нахмурилась.

— Что?

Леонардо выдержал паузу.

— Возможно, я действительно плохо вас знаю.

На секунду между ними возникла тишина.

Совсем другая, чем во время утренней встречи.

Не враждебная.

Не напряжённая.

Скорее странно личная.

Майя первой отвела взгляд.

— В таком случае у нас впереди четырнадцать месяцев для профессионального знакомства.

Леонардо улыбнулся.

— Боюсь, это слишком долго.

Она повернулась.

— Почему?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что уже через два дня я начинаю подозревать, что вы способны окончательно свести меня с ума.

Майя рассмеялась.

— Поверьте, синьор Риччи, это взаимно.

Когда они вернулись в зал, гости уже собирались уходить.

Маттео выглядел довольным.

Джулия тепло поблагодарила поваров.

Независимый консультант попросил прислать подробные описания блюд.

Франческа проверяла последние организационные вопросы.

Майя подошла к Маттео.

— Нам нужно будет подготовить письменный отчёт по дегустации.

Он кивнул.

— Разумеется.

— И отдельно зафиксировать изменения первоначального сценария.

Маттео взглянул на Леонардо.

— Я уже слышал.

Тот невинно поднял брови.

— Что именно?

— Лео.

— Да?

— Пожалуйста, скажи, что ты не собирался устроить очередной конфликт.

Леонардо пожал плечами.

— Я просто приготовил пасту.

Майя медленно закрыла глаза.

Маттео рассмеялся.

— Разумеется. Всего лишь пасту.

— Очень хорошую пасту, — заметил Леонардо.

Майя открыла глаза.

— Которая едва не разрушила утверждённую последовательность ужина.

— Но не разрушила.

— Благодаря команде.

Он посмотрел на неё.

И неожиданно кивнул.

— Благодаря команде.

Маттео удивлённо перевёл взгляд с одного на другого.

— Что ж, это уже прогресс.

Майя улыбнулась.

— Осталось научиться предупреждать друг друга до того, как ситуация становится критической.

— Мы работаем над этим, — произнёс Леонардо.

Маттео посмотрел на часы.

— Прекрасно. Тогда ещё одна новость.

Майя повернулась.

— Какая?

— В пятницу состоится закрытый благотворительный вечер в Монте-Карло. Среди гостей будут наши партнёры, владельцы нескольких гостиничных групп и представители международной гастрономической прессы.

Леонардо нахмурился.

— И?

— Мы получили приглашение представить проект Residenza Azzurra.

Майя заинтересованно подняла глаза.

— На каком уровне?

— Пока без официальной презентации. Несколько частных встреч, знакомства, возможность обсудить концепцию с потенциальными партнёрами.

— Хорошая возможность, — заметила она.

Маттео улыбнулся.

— Именно.

Леонардо посмотрел на него с подозрением.

— В чём подвох?

— Почему сразу подвох?

— Потому что ты слишком доволен.

Маттео выдержал паузу.

— Организаторы хотели бы познакомиться с обоими творческими руководителями проекта.

Майя медленно повернула голову к Леонардо.

Тот посмотрел на неё.

— Нет, — произнёс он.

Маттео устало вздохнул.

— Лео…

— Я не собираюсь проводить вечер, изображая идеального делового партнёра.

Майя улыбнулась.

— Не переживайте. От вас никто не требует изображать идеального.

Он прищурился.

— Вы снова начинаете?

— Просто пытаюсь снизить ваши ожидания.

Маттео поднял руку.

— Достаточно. Вы оба поедете.

— Маттео…

— И будете вести себя как профессионалы.

Майя медленно кивнула.

— С моей стороны никаких возражений.

Леонардо посмотрел на неё.

— Разумеется.

— Что это значит?

— Ничего.

— Вы так произносите это слово, словно оно означает нечто совершенно противоположное.

Он улыбнулся.

— Привыкайте, мадемуазель Савиньи.

Маттео покачал головой.

— В пятницу. Монте-Карло. Формальный дресс-код. И, ради всего святого, постарайтесь хотя бы один вечер не превращать в профессиональную дуэль.

Майя посмотрела на Леонардо.

Тот смотрел на неё с едва заметной улыбкой.

— Обещать ничего не могу, — ответила она.

Леонардо рассмеялся.

— Впервые абсолютно с вами согласен.

Поздним вечером Майя вернулась в свои апартаменты.

Она сняла серьги, поставила их на туалетный столик и

медленно распустила волосы.

Затем переоделась в лёгкую домашнюю одежду и вышла на балкон.

Над морем сияла почти полная луна.

Далеко внизу мерцали огни яхт.

Сад утопал в мягком золотистом свете фонарей.

Майя опустилась в кресло.

Перед ней лежала папка с документами.

На первой странице — подписанное соглашение о сотрудничестве.

На второй — утверждённый план дегустации.

На третьей — её рабочие замечания.

Она взяла ручку.

Написала:

«Первая подача заменена без предварительного согласования. Необходимо изменить процедуру внесения оперативных корректировок».

Остановилась.

Затем добавила:

«Новая концепция начала ужина обладает высоким эмоциональным потенциалом. Рекомендую рассмотреть её для дальнейшей разработки при условии корректировки общей последовательности».

Майя перечитала написанное.

Улыбнулась.

Потом неожиданно вспомнила, как Леонардо рассказывал

гостям о своей матери.

О семейных ужинах.

О простой пасте.

О том, что счастье невозможно измерить стоимостью блюда.

Его лицо в тот момент было совершенно другим.

Без высокомерия.

Без холодной иронии.

Без постоянной готовности защищаться.

Майя отложила ручку.

Ей не нравилось это воспоминание.

Совсем не нравилось.

Потому что за последние сутки Леонардо Риччи успел продемонстрировать ей самые неприятные стороны своего характера.

И одновременно — нечто, что заставляло её смотреть на него иначе.

Талант.

Страсть к работе.

Способность говорить о еде так, словно она является частью человеческой души.

И странную, почти болезненную преданность собственным воспоминаниям.

Майя тихо вздохнула.

— Только не начинай, — произнесла она самой себе.

Но мысли уже начали жить собственной жизнью.

Она открыла ноутбук.

Нашла фотографии ресторана L'Origine.

Того самого.

Парижского.

Закрывшегося три года назад.

На одном из снимков Леонардо стоял возле открытой кухни.

Совсем другой.

Моложе.

С гладко выбритым лицом и уверенной улыбкой.

Рядом с ним — команда поваров.

Все смотрели в камеру.

Все улыбались.

Майя долго рассматривала фотографию.

Потом перевела взгляд на мужчину в центре.

«Я не знал, смогу ли сохранить работу людям, которые мне доверяли».

Теперь она слышала эти слова иначе.

Не как обвинение.

Как признание.

Майя закрыла ноутбук.

И впервые за три года поймала себя на мысли, которая прежде казалась невозможной.

Ей хотелось узнать Леонардо Риччи.

Не знаменитого повара.

Не человека, обиженного её статьёй.

Не мужчину, способного одним словом вывести её из равновесия.

А того Леонардо, который когда-то стоял на маленькой кухне в Италии и учился готовить пасту у своей матери.

Она резко поднялась.

— Нет.

Слово прозвучало почти сердито.

Майя подошла к двери балкона.

Закрыла её.

Задёрнула лёгкую штору.

И направилась в спальню.

Ей совершенно не хотелось думать о Леонардо Риччи.

Особенно перед сном.

Особенно после того, как он намеренно нарушил их первое профессиональное соглашение.

Но засыпая, Майя почему-то вспоминала не его высокомерные замечания.

И даже не их ссору.

А то, как он смотрел на неё, когда тихо произнёс:

«Возможно, я действительно плохо вас знаю».

Леонардо в это время находился на кухне.

Сотрудники давно разошлись.

Только небольшой светильник над рабочим столом освещал помещение.

Перед ним стояла тарелка пасты.

Той самой.

С лимоном.

Сливочным маслом.

И морской солью.

Он медленно попробовал несколько лент.

Задумался.

Потом отложил вилку.

Вкус был безупречным.

Но почему-то сейчас его занимало совсем другое.

«Вы проверили всю команду, не предупредив её».

Майя была права.

Он понимал это ещё на террасе.

Понимал, когда видел, как Франческа меняет инструкции официантам.

И когда заметил, что сомелье вынужден перестраивать подачу вина.

Но признаться оказалось сложнее, чем он ожидал.

Потому что всё началось не с гастрономической идеи.

Он хотел проверить Майю.

Поставить в ситуацию, где заранее подготовленные схемы перестанут работать.

Увидеть, как поведёт себя женщина, которая три года назад так уверенно рассуждала о чужой кухне.

Растеряется?

Разозлится?

Потеряет лицо перед инвесторами?

Он не знал, чего именно ожидал.

Но точно не того, что произошло.

Она не устроила скандала.

Не побежала к Маттео с жалобами.

Не попыталась публично поставить его на место.

Она просто перестроила вечер.

Спокойно.

Точно.

Без лишних жестов.

И затем, оставшись с ним наедине, объяснила, почему он поступил неправильно.

Леонардо медленно провёл ладонью по лицу.

— Проклятье.

Он усмехнулся.

Самому себе.

Потом достал телефон.

Открыл контакт Маттео.

Набрал короткое сообщение.

«Передай Майе, что я отправлю ей новый вариант гастрономической последовательности завтра утром. С учётом сегодняшней дегустации».

Он перечитал текст.

Нахмурился.

И удалил.

Затем открыл рабочую переписку, в которой уже находилась Майя.

Напечатал:

«Мадемуазель Савиньи, завтра в девять предлагаю пересмотреть первую часть дегустационного меню. Думаю, у нас есть возможность сделать её сильнее».

Палец остановился над кнопкой отправки.

Леонардо усмехнулся.

Невероятно.

Он действительно собирался предложить этой женщине совместно доработать меню.

Женщине, которую ещё вчера хотел отправить первым же рейсом обратно в Париж.

Он нажал «Отправить».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Согласна. Но на этот раз предлагаю заранее уведомить команду».

Леонардо рассмеялся.

Громко.

В пустой кухне.

Затем набрал:

«Вы никогда не упускаете возможности напомнить мне об ошибках?»

Майя ответила почти сразу.

«Только о тех, которые вы намерены повторить».

Он улыбнулся.

Написал:

«Спокойной ночи, мадемуазель Савиньи».

Несколько секунд ожидания.

Затем на экране появилось:

«Спокойной ночи, синьор Риччи. И постарайтесь завтра не устраивать революцию до завтрака».

Леонардо покачал головой.

Невыносимая.

Он отложил телефон.

Но улыбка почему-то не исчезала.

Впервые за три года имя Nocturne перестало вызывать в нём только злость.

Теперь у этого имени было лицо.

Красивое.

Упрямое.

Слишком выразительное, чтобы его можно было забыть.

И глаза, в которых иногда появлялась такая искренняя теплота, что Леонардо на мгновение забывал, почему должен ненавидеть их обладательницу.

Он выключил свет.

Вышел из кухни.

И, проходя по пустому коридору виллы, поймал себя на совершенно неожиданной мысли.

Ему хотелось снова её увидеть.

Завтра.

За общим столом.

С папкой документов.

С этим невозможным спокойствием.

И с привычкой отвечать на каждую его колкость ещё более

острой.

Леонардо остановился у окна.

За стеклом темнело море.

— Плохая идея, Риччи, — тихо произнёс он.

Но почему-то улыбнулся.

На следующее утро им предстояло вновь работать вместе.

А в пятницу — появиться на одном из самых закрытых светских вечеров Монте-Карло.

Майя уже представляла официальные знакомства, разговоры с инвесторами, элегантных гостей и деловые перспективы.

Леонардо думал о необходимости провести несколько часов рядом с женщиной, которая умела раздражать его быстрее любого человека на свете.

Ни один из них пока не подозревал, что вечер в Монако станет первым случаем, когда профессиональное соперничество перестанет быть единственной причиной их волнения.

Потому что за пределами кухни и переговорных залов действовали совсем другие правила.

И ни одно из них они ещё не согласовали.

ГЛАВА 4. ПЛАТЬЕ ЦВЕТА ГРАНАТА

Монте-Карло. Пятница.

Есть женщины, которые надевают красное платье, чтобы привлечь внимание.

Есть женщины, которые делают это, чтобы произвести

впечатление.

И есть те, кому достаточно однажды надеть красное, чтобы мужчина, уверенный в собственной невозмутимости, забыл все правила, которые сам же установил.

Майя Савиньи не принадлежала ни к одной из этих категорий.

По крайней мере, она была в этом уверена.

— Нет, — произнесла она, рассматривая своё отражение. — Совершенно исключено.

Камилла, появившаяся на экране планшета, тяжело вздохнула.

— Майя, ты уже двадцать минут говоришь «нет». Может, наконец объяснишь почему?

— Потому что это слишком.

— Слишком что?

— Слишком красное.

Камилла несколько секунд молча смотрела на неё.

— Я правильно понимаю, что главная проблема красного платья заключается в том, что оно красное?

— Не придирайся к словам.

— Тогда покажи ещё раз.

Майя недовольно повернулась перед высоким зеркалом.

Она находилась в роскошном номере небольшого частного отеля в Монте-Карло, куда организаторы вечера разместили приглашённых представителей Residenza Azzurra.

За панорамными окнами сияло Средиземное море. Белые

яхты медленно покачивались в гавани, дорогие автомобили скользили по идеально чистым улицам, а вдоль набережной прогуливались люди, чья одежда стоила больше, чем некоторые автомобили.

На Майе было платье.

И какое.

Глубокого гранатового оттенка, оно казалось почти чёрным в тени и вспыхивало насыщенным рубиновым цветом под прямыми лучами солнца.

Плотный шёлковый атлас мягко облегал фигуру, подчёркивая талию и плавную линию бёдер. Открытые плечи, тонкая драпировка лифа, высокий разрез сбоку и длинный шлейф создавали образ одновременно элегантный и вызывающе женственный.

Никаких блёсток.

Никаких страз.

Никаких избыточных украшений.

Только благородная ткань, безупречный крой и цвет, от которого невозможно было отвести взгляд.

Майя распустила волосы.

Длинные каштановые пряди мягкими волнами легли на обнажённые плечи.

Она поднесла к лицу золотые серьги с небольшими гранатами.

— Что скажешь?

Камилла несколько секунд молчала.

Потом медленно произнесла:

— Если ты сегодня не произведёшь впечатления, значит, у этих людей серьёзные проблемы со зрением.

Майя рассмеялась.

— Очень профессиональная оценка.

— Ты позвонила не профессионалу, а подруге.

— Которая должна удерживать меня от сомнительных решений.

— Милая, после того как ты согласилась работать с Леонардо Риччи, красное платье уже не может считаться сомнительным решением.

Майя закатила глаза.

— Только не начинай.

— Я даже не произнесла его имя первой.

— Произнесла.

— Хорошо, но ты подумала о нём раньше.

Майя повернулась к зеркалу.

— Я думаю о нём исключительно потому, что он мой профессиональный партнёр.

Камилла рассмеялась.

— Конечно.

— И потому, что он совершенно невыносим.

— Разумеется.

— И потому, что за последние четыре дня этот человек сумел нарушить почти все разумные правила сотрудничества.

— А вот теперь звучит как начало большой любви.

Майя резко повернулась.

— Камилла!

Та расхохоталась.

— Ладно. Молчу.

— Благодарю.

— Но платье оставь.

Майя посмотрела в зеркало.

Медленно провела ладонью по гладкой ткани.

— Не слишком откровенно?

Камилла перестала улыбаться.

— Майя, послушай меня.

— Что?

— Ты взрослая, красивая и успешная женщина. Сегодня тебе предстоит присутствовать на одном из самых закрытых приёмов Монако. Ты не обязана выглядеть незаметно только потому, что кто-то может обратить на тебя внимание.

Майя замолчала.

Слова неожиданно задели что-то глубоко внутри.

Когда-то Александр говорил ей почти противоположное.

«Красное слишком привлекает внимание, дорогая. Ты же не хочешь выглядеть так, будто тебе необходимо всем что-то доказывать?»

Она помнила тот вечер.

Париж.

Приём в частной галерее.

Платье, которое ей очень нравилось.

И мужчину, сумевшего несколькими спокойными фразами заставить её переодеться.

Тогда Майя решила, что это пустяк.

Теперь понимала: большие уступки редко начинаются с больших требований.

Обычно всё происходит гораздо тише.

С платья.

С отменённой встречи.

С неудобного друга.

С маленького решения, которое ты принимаешь не потому, что хочешь, а потому, что кто-то рядом уверен, будто знает лучше.

— Ты права, — тихо сказала она.

Камилла внимательно посмотрела на экран.

— Что?

— Платье остаётся.

— Слава богу.

Майя улыбнулась.

— И, Камилла…

— Да?

— Я надеваю его не ради мужчины.

— Вот и прекрасно.

— А ради себя.

Камилла кивнула.

— Именно так и должно быть.

Майя закончила разговор.

Затем ещё раз посмотрела на собственное отражение.

Её лицо было спокойным.

Только глаза выдавали лёгкое волнение.

Сегодня ей предстояло представить проект людям, чьи решения определяли будущее международного гостиничного бизнеса.

И провести целый вечер рядом с Леонардо Риччи.

Второе почему-то начинало казаться значительно более сложной задачей.

В это же время Леонардо стоял у окна другого номера, застёгивая запонки.

Тёмный смокинг сидел безупречно.

Белая рубашка.

Чёрный шёлковый галстук-бабочка.

Лаконичные часы.

Ничего лишнего.

Он терпеть не мог торжественные вечера.

Не потому, что не умел вести себя в обществе.

Напротив.

За годы работы в лучших ресторанах Европы Леонардо научился безошибочно распознавать настроение гостя, поддерживать разговор с влиятельными людьми и улыбаться даже тогда, когда хотелось вышвырнуть собеседника за дверь.

Но светские мероприятия раздражали его своей предсказуемостью.

Одинаковые комплименты.

Одинаковые разговоры о вине, путешествиях и инвестициях.

Одинаковые люди, уверенные, что достаточно заплатить за ужин несколько тысяч евро, чтобы автоматически разбираться в высокой кухне.

Он поправил манжет.

В дверь постучали.

— Открыто.

Вошёл Маттео Валенти.

— Готов?

— Почти.

— Надеюсь, сегодня мы обойдёмся без скандалов.

Леонардо усмехнулся.

— Ты повторяешь эту фразу так часто, что я начинаю подозревать: тебе нравится сама мысль о скандале.

Маттео прошёл к столу.

— Мне нравится мысль об успешном открытии резиденции.

— И сегодня мы каким-то образом приблизимся к нему, стоя с бокалами шампанского среди людей, которым нечем заняться?

— Среди людей, способных обеспечить нам международные партнёрства.

— У нас уже есть финансирование.

— Финансирование — не единственное, что необходимо успешному проекту.

Леонардо повернулся.

— Маттео, я знаю, зачем мы здесь.

— Тогда веди себя соответственно.

Тот вздохнул.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Постарайся сегодня не спорить с Майей.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Почему ты говоришь это мне?

— Потому что она, в отличие от тебя, хотя бы делает вид, что соблюдает дипломатический этикет.

— Какая неожиданность.

— Лео.

— Маттео.

— Серьёзно.

Леонардо взял со стола телефон.

— Я не собираюсь портить вечер.

Маттео внимательно посмотрел на него.

— Хорошо.

Он уже направился к двери, когда неожиданно остановился.

— Кстати, Майя поедет отдельно.

Леонардо поднял глаза.

— Почему?

— Она попросила машину на полчаса позже. У неё был рабочий звонок с Парижем.

— Понятно.

— Что?

— Ничего.

Маттео прищурился.

— Ты хотел ехать вместе?

Леонардо посмотрел на него так, словно тот предложил ему добровольно отказаться от кухни.

— Нет.

— Уверен?

— Абсолютно.

Маттео улыбнулся.

— Прекрасно.

Он открыл дверь.

— Тогда увидимся внизу.

Когда дверь закрылась, Леонардо неожиданно обнаружил, что смотрит на телефон.

В рабочей переписке последним значилось сообщение Майи.

«Обновлённая презентация согласована. Прошу сегодня придерживаться утверждённых формулировок».

Он перечитал его.

Усмехнулся.

И набрал ответ:

«Не волнуйтесь. Я постараюсь не приготовить ничего без вашего письменного разрешения».

Сообщение было доставлено.

Через несколько секунд появилось уведомление.

«Благодарю. Именно такого уровня дисциплины я от вас и ожидаю».

Леонардо рассмеялся.

Невозможная женщина.

Он убрал телефон.

И впервые за весь день поймал себя на мысли, что, возможно, вечер окажется не таким уж скучным.

Приём проходил в историческом особняке над Монте-Карло, который принадлежал частному благотворительному фонду.

За высокими воротами начиналась аллея, обсаженная кипарисами.

По обе стороны стояли старинные каменные вазоны с белыми розами.

Фасад здания подсвечивался тёплым золотистым светом, а за огромными окнами двигались силуэты гостей.

Внутри звучала живая музыка.

Струнный квартет исполнял современную композицию в камерной аранжировке.

В воздухе смешивались ароматы белых цветов, дорогого парфюма и свежей выпечки.

Официанты в белых перчатках бесшумно двигались между гостями с серебряными подносами.

Леонардо вошёл вместе с Маттео.

Почти сразу к ним подошли знакомые.

Итальянский отельер.

Швейцарский коллекционер.

Владелица небольшой сети роскошных ресторанов.

Разговоры начались один за другим.

Леонардо улыбался.

Отвечал на вопросы.

Рассказывал о проекте.

Обсуждал будущие гастрономические программы.

Всё шло вполне предсказуемо.

Пока Маттео не взглянул в сторону главной лестницы.

— А вот и Майя.

Леонардо повернул голову.

И на несколько секунд совершенно забыл, о чём говорил.

Она стояла наверху широкой мраморной лестницы.

В платье цвета спелого граната.

Тёмно-красная ткань мягко отражала свет хрустальных люстр, струилась вдоль фигуры и едва касалась ступеней.

Открытые плечи подчёркивали тонкую линию ключиц.

Длинные каштановые волосы лежали мягкими волнами.

Небольшие золотые серьги вспыхивали при каждом движении головы.

Она держала в руке миниатюрный клатч и неторопливо спускалась по лестнице.

Без демонстративной улыбки.

Без желания привлечь внимание.

Именно поэтому внимание привлекла мгновенно.

Леонардо почувствовал странное, совершенно неожиданное раздражение.

На самого себя.

Потому что не мог отвести взгляд.

Чёрт.

До этого момента он видел Майю в рабочих костюмах, элегантных брюках, лаконичных блузках.

Красивую.

Безусловно.

Но её красота всегда словно пряталась за профессиональной сдержанностью.

Сегодня же перед ним была женщина, совершенно не похожая на ту, что с невозмутимым видом спорила с ним о кислотности соуса и последовательности дегустационного меню.

И всё-таки это была она.

Тот же уверенный взгляд.

Та же привычка чуть приподнимать подбородок.

Та же едва заметная улыбка, которая появлялась, когда Майя понимала, что произвела именно то впечатление, на которое рассчитывала.

Леонардо медленно опустил бокал.

— Лео?

Он не отреагировал.

Маттео проследил за его взглядом.

И улыбнулся.

— Впечатляет, правда?

Леонардо наконец повернулся.

— Что?

— Майя.

— Она выглядит уместно.

Маттео несколько секунд смотрел на него.

Затем рассмеялся.

— Уместно?

— Да.

— Леонардо, у тебя лицо человека, который только что увидел настоящее чудо, а ты говоришь «уместно»?

Он холодно посмотрел на друга.

— Не преувеличивай.

Маттео поднял руки.

— Разумеется.

Но улыбаться не перестал.

Майя тем временем спустилась с лестницы и направилась к ним.

Леонардо заставил себя сделать глоток воды.

Возьми себя в руки, Риччи.

Это просто платье.

Он прекрасно понимал, что проблема заключалась совершенно не в платье.

— Добрый вечер, господа.

Майя остановилась перед ними.

Маттео просиял.

— Майя! Вы выглядите великолепно.

— Благодарю. Вы тоже очень элегантны.

Он улыбнулся и слегка поклонился.

— Надеюсь, дорога прошла хорошо?

— Да. Монако сегодня особенно красиво.

Леонардо молчал.

Майя повернулась к нему.

— Синьор Риччи.

Он посмотрел ей в глаза.

— Мадемуазель Савиньи.

Она чуть приподняла бровь.

— Вы удивительно немногословны сегодня.

— Наслаждайтесь моментом.

Майя рассмеялась.

— Обязательно.

Маттео посмотрел на часы.

— Я должен встретить Джулию. Она прибыла несколько минут назад. Майя, Лео, прошу вас, не исчезайте. Через полчаса у нас важное знакомство.

— Разумеется, — ответила Майя.

— Как скажешь, — произнёс Леонардо.

Маттео удалился.

Между ними возникла пауза.

Майя оглядела зал.

— Красивое место.

— Да.

Она повернулась.

— Вас что-то беспокоит?

— Нет.

— Тогда почему вы смотрите на меня так, словно я нарушила очередной пункт договора?

Леонардо медленно улыбнулся.

— Я просто пытаюсь понять.

— Что именно?

— Как вам удаётся выглядеть совершенно иначе, оставаясь столь же невыносимой.

Майя рассмеялась.

— Вы только что сделали мне комплимент?

— Возможно.

— Осторожнее. Это может войти в привычку.

Он чуть наклонил голову.

— Не рассчитывайте.

Она улыбнулась.

— И не собиралась.

В этот момент к ним подошёл официант с подносом шампанского.

Майя взяла бокал.

Леонардо отказался.

— Не пьёте? — спросила она.

— Сегодня нет.

— Почему?

— Предпочитаю сохранять ясную голову на деловых мероприятиях.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Разумно.

Леонардо усмехнулся.

— Вы звучите разочарованно.

— Напротив. Приятно обнаружить, что хотя бы некоторые правила вы соблюдаете добровольно.

Он тихо рассмеялся.

Майя сделала небольшой глоток шампанского.

— Кстати, презентация проекта…

— Согласована, — перебил он.

— Я знаю. Просто хотела напомнить, что сегодня мы не обсуждаем окончательное меню.

— Мадемуазель Савиньи.

— Да?

— Если вы проведёте весь вечер, контролируя каждое моё слово, люди решат, что мы женаты.

Майя едва не поперхнулась шампанским.

— Что?!

Леонардо совершенно невинно улыбнулся.

— Я сказал, что постоянные замечания производят странное впечатление.

Она поставила бокал на столик.

— Поверьте, синьор Риччи, подобное недоразумение стало бы самой неприятной новостью вечера.

Он наклонился чуть ближе.

— Для кого из нас?

Майя выдержала взгляд.

— Для обоих.

Леонардо медленно выпрямился.

— Какая уверенность.

Она улыбнулась.

— В некоторых вопросах сомнений не существует.

И, не дожидаясь ответа, направилась к группе гостей возле окна.

Леонардо смотрел ей вслед.

Несколько секунд.

Затем негромко произнёс:

— Посмотрим.

Следующие сорок минут Майя чувствовала себя в привычной стихии.

Она разговаривала с инвесторами.

Обменивалась контактами.

Обсуждала перспективы гастрономического туризма.

Знакомилась с владельцами гостиничных компаний и представителями благотворительных фондов.

Её профессиональная уверенность быстро возвращалась.

Красное платье перестало казаться слишком заметным.

Напротив.

Майя ощущала себя удивительно свободно.

Не потому, что окружающие восхищались её внешностью.

А потому, что впервые за долгое время позволила себе не прятать женственность за деловой строгостью.

Она могла быть умной.

Амбициозной.

Уверенной.

И красивой.

Одно совершенно не исключало другого.

— Мадемуазель Савиньи?

Она повернулась.

Перед ней стоял высокий мужчина лет сорока пяти в тёмном смокинге.

Седина на висках придавала его лицу особую выразительность. На губах играла спокойная улыбка человека, который привык нравиться людям и прекрасно об этом знал.

— Да?

— Адриен Вальмон.

Он протянул руку.

Майя пожала её.

Имя было ей знакомо.

Адриен Вальмон основал инвестиционную группу, развивавшую технологические сервисы для премиальных отелей, а затем занялся частными гостиничными проектами на Лазурном Берегу.

В последние годы французские деловые журналы регулярно включали его в число наиболее влиятельных предпринимателей индустрии гостеприимства.

— Очень рада знакомству, месье Вальмон.

— А я давно хотел познакомиться с вами.

Майя слегка улыбнулась.

— Надеюсь, по профессиональной причине.

Адриен рассмеялся.

— Преимущественно.

Она приподняла бровь.

— Интересная формулировка.

— Мне рассказывали о вашем проекте в Женеве. Несколько моих знакомых останавливались там после открытия.

— Надеюсь, впечатления оказались положительными.

— Более чем. Особенно их удивило, что вы сумели превратить обычный ужин в целую историю, не прибегая к очевидным театральным эффектам.

Майя заинтересованно посмотрела на него.

— Вы хорошо изучили проект.

— Я предпочитаю знать, с кем знакомлюсь.

Он выдержал короткую паузу.

— Особенно если речь идёт о талантливой женщине.

Майя улыбнулась.

— Полагаю, вы столь же тщательно готовитесь ко всем деловым встречам?

— К некоторым — значительно тщательнее.

Она рассмеялась.

Адриен явно умел вести светские беседы.

Но делал это достаточно тонко, чтобы собеседница не чувствовала давления.

— Расскажите, над чем работаете сейчас? — спросил он.

— Создаём гастрономическую концепцию частной резиденции на Капри.

— Residenza Azzurra?

Майя удивилась.

— Вы знакомы с проектом?

— Наслышан. Маттео Валенти — мой давний знакомый.

— В таком случае вам известно больше, чем я могу рассказать без согласования с инвесторами.

Адриен улыбнулся.

— Дипломатичный ответ.

— Профессиональный.

— Разумеется.

Он взял с подноса бокал воды.

— Скажите, Майя, вы когда-нибудь рассматривали возможность открыть представительство своего агентства в Монако?

Она задумалась.

— Пока мы сосредоточены на действующих проектах.

— А в перспективе?

— Не исключаю.

— Тогда, возможно, нам стоит встретиться отдельно. У меня есть несколько объектов, которым подошёл бы ваш подход.

Майя почувствовала знакомое профессиональное возбуждение.

Новые проекты.

Новые партнёры.

Новые перспективы.

Именно ради этого она приехала на приём.

— С удовольствием обсудила бы возможное сотрудничество.

Адриен улыбнулся.

— Прекрасно. Но предупреждаю: я довольно требовательный заказчик.

Майя чуть наклонила голову.

— Поверьте, месье Вальмон, я привыкла работать с требовательными мужчинами.

— И как они обычно заканчивают?

Она улыбнулась.

— Либо довольными клиентами, либо бывшими клиентами.

Адриен громко рассмеялся.

— Великолепно.

Он посмотрел на неё с нескрываемым восхищением.

— Теперь я понимаю, почему о вас так много говорят.

Майя почувствовала, что беседа ей приятна.

Адриен был умен, внимателен и достаточно уверен в себе, чтобы не воспринимать каждое её замечание как вызов.

После нескольких дней общения с Леонардо это казалось почти роскошью.

Леонардо заметил их из другого конца зала.

Сначала совершенно случайно.

Он разговаривал с владельцем итальянской гостиничной группы, обсуждая перспективы сотрудничества с местными производителями оливкового масла.

Затем его взгляд скользнул к центральной части зала.

И остановился.

Майя стояла рядом с высоким мужчиной в тёмном смокинге.

Улыбалась.

Не той профессиональной улыбкой, которую Леонардо уже научился отличать от настоящей.

А искренне.

Свободно.

Даже слегка запрокинула голову, смеясь над чем-то, что сказал её собеседник.

Леонардо нахмурился.

Кто это?

Он попытался вернуться к разговору.

— Синьор Риччи, вы согласны? — спросил его собеседник.

— Разумеется.

— Тогда я свяжусь с вашим помощником.

— Хорошо.

Мужчина улыбнулся.

— Надеюсь, сотрудничество окажется успешным.

Леонардо пожал ему руку.

И сразу снова посмотрел в сторону Майи.

Теперь мужчина стоял немного ближе.

Слишком близко, по мнению Леонардо.

Он что-то говорил ей, слегка наклонив голову.

Она внимательно слушала.

Затем улыбнулась.

Леонардо почувствовал совершенно неожиданную волну раздражения.

Какого чёрта?

Майя имела полное право разговаривать с кем угодно.

Более того, именно для этого они и приехали.

Её профессиональные знакомства могли принести проекту существенную пользу.

Он прекрасно это понимал.

Но от понимания раздражение почему-то не исчезало.

Леонардо сделал глоток воды.

Посмотрел на собеседника Майи внимательнее.

И узнал его.

Адриен Вальмон.

Французский предприниматель.

Состояние, дорогие автомобили, собственная яхта, несколько отелей.

И репутация мужчины, умеющего очаровывать женщин почти так же успешно, как заключать сделки.

Леонардо усмехнулся.

Разумеется.

Он прекрасно знал этот тип.

Вежливый.

Элегантный.

Уверенный.

Слишком гладкий, чтобы быть полностью искренним.

Адриен наклонился к Майе и что-то произнёс.

Она улыбнулась.

Затем легко коснулась его руки, подчёркивая какую-то мысль.

Леонардо почувствовал, как напряглась челюсть.

Он резко поставил бокал.

— Лео?

Маттео появился рядом почти бесшумно.

— Что?

— Ты выглядишь так, словно собираешься кого-то убить.

— Не преувеличивай.

Маттео проследил за его взглядом.

Увидел Майю.

Затем Адриена.

И медленно улыбнулся.

— А-а.

Леонардо повернулся.

— Что «а-а»?

— Ничего.

— Маттео.

— Просто понял.

— Что именно?

Маттео сложил руки.

— Тебе не нравится Вальмон.

— Я почти не знаком с ним.

— Тогда, возможно, тебе не нравится, что он разговаривает с Майей.

Леонардо посмотрел на друга так, словно тот внезапно лишился рассудка.

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

— Мне совершенно безразлично, с кем она разговаривает.

— Разумеется.

— Мы здесь по работе.

— Несомненно.

— И если она устанавливает полезные контакты, это прекрасно.

Маттео кивнул.

— Тогда почему ты последние пять минут смотришь на неё так, словно Вальмон пытается похитить государственную тайну?

Леонардо промолчал.

Маттео рассмеялся.

— Боже мой.

— Что?

— Ты ревнуешь.

Леонардо резко повернулся.

— Не говори глупостей.

— Я знаю тебя много лет.

— Тогда должен знать, что мне нет никакого дела до личной жизни мадемуазель Савиньи.

Маттео улыбнулся.

— Конечно, Лео.

Он сделал паузу.

— Просто интересное совпадение: за последние десять минут ты произнёс её имя пять раз, хотя мы обсуждали совершенно другие вопросы.

Леонардо стиснул челюсти.

— Найди себе другое развлечение.

Маттео рассмеялся.

— Обязательно.

Он похлопал друга по плечу.

— Только советую сначала разобраться, что именно тебя раздражает. Иначе рискуешь испортить вечер.

Леонардо холодно посмотрел на него.

— Мой вечер в полном порядке.

Маттео перевёл взгляд на Майю.

— В таком случае попробуй сообщить об этом своему лицу.

И отошёл, оставив Леонардо одного.

Майя заметила его взгляд почти сразу.

Не потому, что специально искала Леонардо среди гостей.

Она вообще не собиралась обращать на него внимание.

Но существовала одна неприятная особенность некоторых людей.

Их присутствие ощущалось даже на расстоянии.

Леонардо стоял возле высокой колонны, держа руки в карманах брюк.

Его лицо было совершенно спокойным.

Если не считать глаз.

Тёмных.

Внимательных.

И сейчас почему-то откровенно недовольных.

Майя на мгновение задержала на нём взгляд.

Он не отвернулся.

Наоборот.

Чуть приподнял бровь.

Словно спрашивал, собирается ли она наконец закончить разговор.

Майя медленно улыбнулась.

Затем демонстративно повернулась к Адриену.

— Простите, на чём мы остановились?

Француз рассмеялся.

— На том, что вы обещали рассказать мне, как заставляете самых сложных клиентов соглашаться с вашей концепцией.

Майя задумалась.

— Обычно я не пытаюсь заставить их согласиться.

— Вот как?

— Я предлагаю достаточно убедительные аргументы, чтобы они сами пришли к нужному решению.

Адриен улыбнулся.

— Опасная женщина.

— Исключительно в профессиональном смысле.

Он чуть наклонился ближе.

— А в личном?

Майя встретилась с ним взглядом.

— Вы слишком быстро меняете тему, месье Вальмон.

— Возможно, потому что деловая часть разговора уже произвела на меня впечатление.

Она улыбнулась.

— Тогда не станем портить его поспешностью.

Адриен рассмеялся.

— Справедливо.

Он протянул ей визитную карточку.

— Завтра мой офис направит вам информацию по одному из наших объектов. Если найдёте время, обсудим детали.

Майя взяла карточку.

— С удовольствием.

— И ещё, Майя…

— Да?

— Надеюсь, в следующий раз мы сможем встретиться без десятка инвесторов вокруг.

Она улыбнулась.

— Для начала предлагаю обсудить проект.

— Какая осторожность.

— Скорее расстановка приоритетов.

Адриен слегка поклонился.

— В таком случае до скорой встречи.

Он осторожно коснулся её руки в прощальном жесте и направился к другой группе гостей.

Майя проводила его взглядом.

Интересный человек.

Возможное сотрудничество действительно заслуживало внимания.

Она убрала визитку в клатч.

И повернулась.

Леонардо стоял прямо перед ней.

Майя едва не столкнулась с ним.

— Господи!

Он улыбнулся.

— Не думаю, что это моё новое имя.

Она прижала ладонь к груди.

— Вы всегда так подкрадываетесь к людям?

— Только когда они слишком увлечены.

Майя прищурилась.

— Чем именно?

Леонардо посмотрел в сторону, куда ушёл Адриен.

— Интересной беседой, очевидно.

Она медленно улыбнулась.

Вот оно что.

— Очень интересной, — ответила Майя.

Леонардо посмотрел на неё.

— В самом деле?

— Месье Вальмон предложил обсудить возможное сотрудничество.

— Не сомневаюсь.

— Что это значит?

— Ничего.

— Синьор Риччи, вы удивительно часто произносите это слово, когда явно подразумеваете нечто другое.

Он усмехнулся.

— Вальмон умеет производить впечатление.

Майя слегка наклонила голову.

— Завидуете?

Леонардо рассмеялся.

— Ему?

— А почему нет?

— Мадемуазель Савиньи, я не привык завидовать мужчинам, чьё главное достоинство заключается в стоимости их часов.

Майя посмотрела на запястье Леонардо.

На дорогие часы в стальном корпусе.

Затем снова подняла глаза.

— Какое занятное замечание от человека, который носит часы стоимостью небольшой квартиры.

Он опустил взгляд.

На секунду.

Потом рассмеялся.

— Вы не упускаете ни одной возможности.

— А вы слишком легко их предоставляете.

Леонардо покачал головой.

— Невыносимая женщина.

Майя улыбнулась.

— Вы уже говорили.

Он задержал на ней взгляд.

И неожиданно для самого себя произнёс:

— Вам идёт красный.

Она замерла.

Совсем немного.

Потому что не ожидала.

Ни очередной колкости.

Ни замечания о договоре.

Ни обвинения в профессиональной самоуверенности.

А простого комплимента.

Майя медленно подняла глаза.

— Благодарю.

Леонардо чуть склонил голову.

— Не за что.

На секунду их разговор оборвался.

Они стояли среди светского шума, музыки и движения гостей.

Но Майе вдруг показалось, что вокруг стало заметно тише.

Она первой отвела взгляд.

— Нам скоро нужно подойти к Маттео.

— Знаю.

— Тогда, возможно…

— Майя.

Она замерла.

Он впервые произнёс её имя без официального обращения.

Просто.

Негромко.

И от этого в груди возникло совершенно неуместное волнение.

— Да?

Леонардо смотрел на неё.

Несколько секунд.

Потом медленно улыбнулся.

— Не позволяйте Вальмону убедить вас, что он разбирается в гастрономии.

Майя рассмеялась.

Напряжение исчезло.

Почти.

— Почему?

— Потому что три года назад он предложил мне открыть ресторан, в котором десерты подавали бы на зеркальных под-

носах с сухим льдом.

Майя закрыла глаза.

— О нет.

— Именно.

— Надеюсь, вы отказались.

— Я предложил ему вложить деньги в производство зеркал.

Она громко рассмеялась.

Леонардо смотрел на неё.

И неожиданно понял, что ему нравится этот звук.

Гораздо больше, чем следовало.

К девяти часам вечера большая часть официальных встреч завершилась.

Гости переместились в главный зал, где должен был состояться благотворительный аукцион.

Высокие французские окна были распахнуты в сад. За ними мерцали огни Монте-Карло, а над морем поднималась почти полная луна.

Майя стояла рядом с Маттео и Джулией Марини.

— Итак, — произнесла Джулия, рассматривая небольшой буклет проекта, — вы действительно намерены ограничить число гостей резиденции?

— Да, — ответила Майя. — Мы считаем камерность одним из главных преимуществ.

— Но это ограничивает доходность.

— По количеству гостей — безусловно. Однако мы рас-

считываем на высокую продолжительность проживания, эксклюзивные программы и повторные визиты.

Джулия задумалась.

— Почему вы уверены, что люди захотят возвращаться?

Майя немного помолчала.

— Потому что роскошь, которую можно купить в любой точке мира, перестаёт быть исключительной.

— А что предлагаете вы?

— Ощущение принадлежности.

Джулия заинтересованно подняла глаза.

— Поясните.

Майя поставила бокал на стол.

— Представьте, что человек приезжает на Капри. Он богат, привык к безупречному обслуживанию, его сложно удивить. У него есть доступ практически ко всему. Но чего ему часто не хватает?

— Времени? — предположила Джулия.

— И времени тоже. Однако прежде всего — искренности.

Леонардо, стоявший неподалёку, повернул голову.

Майя продолжила:

— Мы хотим, чтобы гость ощущал себя не посетителем дорогого отеля, а человеком, которого пригласили в особенный дом. Чтобы сотрудники знали не только его предпочтения, но и умели создавать естественную, ненавязчивую атмосферу.

— И кухня станет частью этой идеи?

— Её сердцем.

Леонардо неожиданно вмешался:

— При одном условии.

Все посмотрели на него.

Майя чуть напряглась.

Только не сейчас, Риччи.

Он спокойно продолжил:

— Если мы не начнём превращать искренность в дорогостоящую постановку.

Джулия улыбнулась.

— Что вы имеете в виду?

— Я не хочу, чтобы гостям рассказывали трогательные истории только потому, что это предусмотрено сценарием.

Леонардо посмотрел на Майю.

— Настоящие эмоции невозможно приготовить заранее.

Она выдержала взгляд.

— Согласна.

Он слегка приподнял бровь.

— Правда?

— Да.

Майя повернулась к Джулии.

— Наша задача не заставить гостя чувствовать что-то определённое. А создать условия, в которых настоящие впечатления возникают естественно.

Леонардо посмотрел на неё.

Несколько секунд.

Затем медленно кивнул.

— Именно.

Джулия перевела взгляд с одного на другого.

Улыбнулась.

— Любопытно.

Маттео осторожно спросил:

— Что именно?

— Вы двое спорите так, будто совершенно не согласны друг с другом. А потом выясняется, что говорите об одном и том же.

Майя рассмеялась.

— У нас несколько отличаются методы.

Леонардо усмехнулся.

— Это мягко сказано.

Джулия посмотрела на них с явным удовольствием.

— Тем интереснее будет результат.

Она протянула руку Маттео.

— Я хотела бы увидеть полную концепцию через две недели.

— Разумеется, — ответил он.

— И лично присутствовать на следующей дегустации.

Леонардо чуть склонил голову.

— Будем рады.

Джулия улыбнулась.

— Только, пожалуйста, постарайтесь к тому времени договориться хотя бы о последовательности блюд.

Майя медленно повернулась к Леонардо.

Он посмотрел на неё.

А затем оба неожиданно рассмеялись.

Маттео облегчённо выдохнул.

Возможно, этот вечер действительно проходил лучше, чем он ожидал.

После аукциона музыка изменилась.

Струнный квартет уступил место небольшому оркестру.

Зал наполнился мягким светом. Несколько пар начали танцевать.

Майя наблюдала за ними с бокалом воды.

Она любила танцы.

Когда-то.

До Александра.

До бесконечных деловых ужинов, на которых каждый жест оценивался с точки зрения уместности.

До того, как научилась контролировать собственные желания настолько тщательно, что иногда уже не могла отличить настоящую осторожность от привычки отказывать себе во всём.

Она стояла возле окна, когда за спиной раздался знакомый голос.

— Не ожидал, что вы умеете оставаться в одиночестве дольше пяти минут.

Майя даже не обернулась.

— А я не ожидала, что вы способны провести целый вечер

без попытки нарушить рабочий регламент.

Леонардо остановился рядом.

— Мы оба полны сюрпризов.

Она повернула голову.

Он выглядел слишком хорошо.

Это раздражало.

Тёмный смокинг подчёркивал широкие плечи. Белая рубашка оттеняла загорелую кожу. Волосы были слегка растрёпаны, словно он несколько раз провёл по ним рукой.

Майя отметила, что в этом человеке существует редкое сочетание.

Внешняя элегантность.

И совершенно необузданный характер.

— Вы довольны вечером? — спросила она.

Леонардо посмотрел на танцующие пары.

— Деловой частью — да.

— А остальным?

— Пока не определился.

Майя улыбнулась.

— Вам трудно угодить.

— Не всегда.

Он повернулся к ней.

— Иногда достаточно совсем немного.

— Например?

Леонардо помолчал.

— Хорошей еды. Красивого вида. Интересного разговора.

Майя чуть наклонила голову.

— И всё?

— Почти.

— Что же ещё?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Правильной компании.

Майя почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Слишком незаметно, чтобы это можно было назвать волнением.

Но слишком отчётливо, чтобы проигнорировать.

Она медленно отвела взгляд.

— Надеюсь, сегодня вы нашли подходящую.

Леонардо усмехнулся.

— Возможно.

Оркестр начал новую мелодию.

Мягкую.

Медленную.

Почти интимную.

Свет хрустальных люстр отражался в бокалах и драгоценностях гостей.

Майя наблюдала, как пожилая пара медленно кружится в центре зала.

Женщина в серебристом платье смеялась, положив руку на плечо мужа.

Он смотрел на неё с такой нежностью, что Майя неожиданно почувствовала болезненный укол.

Не зависть.
Скорее тоску по чему-то, во что она когда-то верила.
— Красиво, — тихо произнесла она.
Леонардо проследил за её взглядом.
— Да.
Некоторое время они молчали.
Потом он неожиданно спросил:
— Вы танцуете?
Майя повернулась.
— Простите?
— Я спросил, умеете ли вы танцевать.
Она чуть улыбнулась.
— Иногда.
— Очень уклончивый ответ.
— Вполне достаточный.
Леонардо посмотрел на оркестр.
Затем снова на неё.
И протянул руку.
— Тогда потанцуйте со мной.
Майя застыла.
Она ожидала чего угодно.
Очередной колкости.
Предложения обсудить завтрашнюю работу.
Даже ещё одной неприятной шутки о рецензии.
Но не этого.
— Что?

Леонардо медленно улыбнулся.

— Кажется, сегодня мне приходится всё повторять дважды.

Он чуть наклонил голову.

— Приглашаю вас на танец.

Майя посмотрела на протянутую руку.

Затем подняла глаза.

— Нет.

Ответ прозвучал быстрее, чем она успела его обдумать.

Леонардо не сразу убрал руку.

— Нет?

— Именно.

— Почему?

— Потому что мы на деловом мероприятии.

Он оглядел зал.

— И?

— И я не считаю, что нам следует…

— Танцевать?

— Создавать неправильное впечатление.

Леонардо медленно опустил руку.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Какое именно?

Майя почувствовала раздражение.

— Вы прекрасно понимаете.

— Боюсь, нет.

— Синьор Риччи…

— Леонардо.

Она замолчала.

Он смотрел на неё спокойно.

— Моё имя — Леонардо, Майя.

Она вдруг очень остро почувствовала, что они стоят слишком близко.

Что музыка стала медленнее.

Что его голос изменился.

И что это совершенно не похоже на рабочий разговор.

— Я знаю, как вас зовут, — ответила она.

— Тогда почему вы упорно обращаетесь ко мне так, словно мы на официальном заседании?

Майя слегка подняла подбородок.

— Потому что это помогает сохранять профессиональную дистанцию.

Он усмехнулся.

— И как, помогает?

Она встретилась с ним взглядом.

— До сегодняшнего вечера — вполне.

Леонардо на мгновение перестал улыбаться.

Затем медленно произнёс:

— Интересный ответ.

Майя поняла, что сказала слишком много.

Непозволительно много.

Она поспешно отвернулась.

— Нам лучше вернуться к гостям.

Но Леонардо не двинулся с места.

— Майя.

Она закрыла глаза.

Всего на секунду.

Затем повернулась.

— Что?

Он посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— Я пригласил вас на танец. Не предложил выйти за меня замуж.

Майя невольно рассмеялась.

— Какая удача.

— Для нас обоих.

— Безусловно.

Он чуть склонил голову.

— Тогда почему вы так испугались?

Улыбка исчезла с её лица.

— Я не испугалась.

— Нет?

— Нет.

Леонардо смотрел на неё.

Долго.

Слишком внимательно.

Майя почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

И это злило её сильнее всего.

Потому что он ничего не сделал.

Не прикоснулся.

Не повысил голос.

Не сказал ничего неприличного.

Просто смотрел.

Но в этом взгляде было столько откровенного мужского интереса, что Майя вдруг перестала понимать, куда девать собственные руки.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Ты всегда так боишься того, чего действительно хочешь?

Слова прозвучали негромко.

Почти ласково.

Но попали точно в цель.

Майя подняла глаза.

— Ты слишком самоуверен, если считаешь, что знаешь, чего я хочу.

Леонардо не отвёл взгляда.

— Возможно.

— Не возможно. Определённо.

Он усмехнулся.

— Тогда объясни.

— Что именно?

— Почему ты отказалась.

Майя выдержала паузу.

— Потому что не хочу танцевать с тобой.

Несколько секунд он смотрел на неё.

Затем кивнул.

— Хорошо.

Это оказалось настолько неожиданным, что она растерялась.

— Хорошо?

— Да.

— И всё?

Леонардо слегка приподнял бровь.

— А что ты ожидала? Что я стану уговаривать?

Майя ничего не ответила.

Он чуть улыбнулся.

— Нет, Майя. Если женщина не хочет танцевать со мной, я не настаиваю.

Она почувствовала странное облегчение.

И одновременно что-то похожее на разочарование.

Последнее возмутило её до глубины души.

Ты сошла с ума, Савиньи?

Но Леонардо ещё не закончил.

— Просто есть одна вещь, которую мне хотелось бы понять.

Она подняла глаза.

— Какая?

Он чуть наклонился ближе.

— Ты действительно не хочешь?

Майя почувствовала, как перехватило дыхание.

Она могла бы солгать.

Сказать, что нет.

Что его присутствие её совершенно не волнует.

Что она воспринимает его исключительно как профессионального партнёра.

Но после нескольких дней общения с Леонардо Майя обнаружила неприятную особенность.

Лгать ему было почти так же трудно, как выносить его характер.

— Я не обязана отвечать на этот вопрос, — произнесла она.

Леонардо медленно выпрямился.

— Не обязана.

Он посмотрел на неё ещё несколько секунд.

Затем чуть склонил голову.

— Доброй ночи, Майя.

И отошёл.

Просто.

Спокойно.

Не обернувшись.

Майя осталась возле окна.

С совершенно нелепым ощущением, будто только что проиграла спор, которого сама даже не собиралась начинать.

Она вышла на террасу через несколько минут.

Ей нужен был воздух.

Немного тишины.

И возможность хотя бы ненадолго перестать думать о человеке, который умудрился превратить обычное приглаше-

ние на танец в эмоциональную катастрофу.

Ночная гавань сияла огнями.

Внизу медленно двигались автомобили.

Из открытых окон доносилась музыка.

Майя подошла к каменным перилам.

Глубоко вдохнула.

Ты действительно не хочешь?

Она закрыла глаза.

Проклятый вопрос.

Проклятый Леонардо Риччи.

И проклятая собственная реакция на его близость.

— Отлично, — тихо произнесла она. — Просто великолепно.

— Что именно?

Майя резко обернулась.

Перед ней стояла Джулия Марини.

В руках женщина держала два бокала воды.

— Простите, я не хотела вас напугать.

— Ничего страшного.

Джулия протянула ей один бокал.

— Здесь немного прохладно.

— Наоборот. Очень приятно.

Женщина остановилась рядом.

Некоторое время они молча смотрели на огни города.

Затем Джулия неожиданно спросила:

— Можно дать вам один непрошеный совет?

Майя улыбнулась.

— Разумеется.

— Не позволяйте работе становиться единственной частью вашей жизни.

Она удивлённо повернулась.

— Почему вы решили, что это так?

Джулия чуть улыбнулась.

— Потому что когда-то сама была такой.

Майя молчала.

— Мне казалось, — продолжила женщина, — что если я буду достаточно успешной, достаточно независимой и достаточно занятой, то никто не сможет причинить мне боль.

Майя почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

— И что произошло?

Джулия посмотрела на кольцо на своей руке.

— Я стала очень успешной. Очень независимой. И однажды обнаружила, что мне совершенно не с кем разделить собственную жизнь.

Она улыбнулась.

— К счастью, потом встретила человека, который не пытался убедить меня отказаться от карьеры. Он просто захотел стать её частью — настолько, насколько я сама позволю.

Майя отвела взгляд.

— Вам повезло.

— Возможно. Но мне понадобилось много времени, чтобы перестать воспринимать близость как угрозу.

Несколько секунд они молчали.

Затем Джулия посмотрела на неё.

— Вы молоды, Майя. И у вас впереди много возможностей. Не стоит заранее закрывать двери только потому, что однажды за ними оказалось что-то неприятное.

Майя медленно кивнула.

— Спасибо.

Джулия улыбнулась.

— Не за что.

Она сделала шаг к двери.

Потом остановилась.

— И ещё кое-что.

— Да?

— Красное вам исключительно идёт.

Майя рассмеялась.

— Благодарю.

— Не позволяйте никому убеждать вас в обратном.

Когда Джулия ушла, Майя снова посмотрела на море.

И впервые за вечер вспомнила Александра.

Не его лицо.

Не голос.

А то, как постепенно училась быть удобной.

Как отказывалась от желаний, чтобы избежать очередного неприятного разговора.

Как называла компромиссом то, что на самом деле было страхом потерять отношения.

Она больше не хотела жить так.

Но и бросаться навстречу новому чувству, едва заметив первые признаки притяжения, тоже не собиралась.

Особенно если речь шла о Леонардо Риччи.

Мужчине, чья профессиональная гордость могла сравниться разве что с его способностью раздражать её.

Мужчине, который ещё несколько дней назад смотрел на неё с неприкрытой ненавистью.

Мужчине, которому она по-прежнему не доверяла.

И который почему-то заставлял её сердце биться быстрее.

Ближе к полуночи Майя вернулась в зал.

Приём постепенно подходил к концу.

Часть гостей уже уехала.

Другие продолжали беседовать небольшими группами.

Леонардо стоял возле бара, разговаривая с Маттео.

Увидев Майю, он на мгновение замолчал.

Она заметила.

И сделала вид, что нет.

Маттео подошёл к ней.

— Майя, прекрасные новости.

— Какие?

— Джулия подтвердила участие в следующей дегустации, а представители двух гостиничных групп заинтересовались нашей концепцией.

Майя улыбнулась.

— Отлично.

— Кроме того, Адриен Вальмон попросил передать вам, что свяжется с вашим агентством уже в понедельник.

Она кивнула.

— Мы обсудили возможное сотрудничество.

Леонардо медленно поднял глаза.

Маттео заметил это.

Но благоразумно промолчал.

— Что ж, — продолжила Майя, — вечер оказался весьма продуктивным.

Леонардо тихо усмехнулся.

— Не сомневаюсь.

Она повернулась.

— У вас есть замечания?

— Никаких.

— Удивительно.

Маттео посмотрел на часы.

— В таком случае предлагаю возвращаться. Завтра нам предстоит дорога, а в понедельник — плотный рабочий день.

— Согласна, — ответила Майя.

Она взяла клатч.

— Я закажу машину.

— Не нужно, — сказал Маттео. — Трансфер уже организован.

Майя кивнула.

Они направились к выходу.

На широкой лестнице Леонардо неожиданно остановился

рядом с ней.

— Майя.

Она повернула голову.

— Да?

— Можно задать один вопрос?

Она устало улыбнулась.

— Вы сегодня удивительно любознательны.

— Это не ответ.

— Спрашивайте.

Он посмотрел на её платье.

Затем снова в глаза.

— Почему именно красное?

Майя удивилась.

— Что?

— Платье. Почему выбрала этот цвет?

Она на мгновение задумалась.

Потом неожиданно улыбнулась.

— Потому что мне захотелось.

Леонардо смотрел на неё.

— И всё?

— И всё.

Он медленно кивнул.

— Хорошая причина.

Майя прищурилась.

— Вы со мной согласны?

— Не привыкай.

Она рассмеялась.

И этот смех почему-то стал для него лучшим моментом всего вечера.

В машине они сидели напротив друг друга.

Маттео разговаривал по телефону, обсуждая организационные вопросы с координатором поездки.

За окнами проплывали ночные улицы Монте-Карло.

Майя смотрела на огни города.

Леонардо — на неё.

Не постоянно.

Не слишком откровенно.

Но достаточно часто, чтобы она это заметила.

Наконец Майя повернулась.

— Что?

Он приподнял бровь.

— Простите?

— Вы на меня смотрите.

— Разве это запрещено нашим соглашением?

Она усмехнулась.

— Пока нет.

— Тогда предлагаю не вносить дополнительных ограничений.

Майя улыбнулась.

— Удивительно, как быстро вы начинаете ценить правила, когда они работают в вашу пользу.

Леонардо откинулся на спинку сиденья.

— Я ценю только разумные правила.

— А кто определяет, какие из них разумны?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Обычно я.

Майя покачала головой.

— Вот именно поэтому нам и понадобилось девять страниц соглашения.

Леонардо рассмеялся.

Маттео поднял взгляд от телефона.

Посмотрел на них.

И неожиданно улыбнулся.

— Знаете, — произнёс он, — сегодня впервые за всю неделю у меня появилось ощущение, что вы двое действительно сможете работать вместе.

Майя повернулась.

— Почему?

Маттео задумался.

— Потому что вы наконец начали смеяться над одним и тем же.

Леонардо посмотрел на неё.

Майя отвела взгляд к окну.

— Не стоит делать поспешных выводов, — произнесла она.

— Разумеется, — согласился Маттео.

Но улыбку скрыть не смог.

Вернувшись в номер, Майя первым делом сняла туфли.

Ноги устали.

Плечи тоже.

Но сильнее всего её утомили собственные мысли.

Она подошла к зеркалу.

Красное платье всё ещё выглядело великолепно.

Ни одной лишней складки.

Ни одной смятой детали.

Майя осторожно сняла серьги.

Затем расстегнула платье.

Ткань мягко соскользнула с плеч.

Она надела лёгкий халат и подошла к окну.

Город постепенно затихал.

Майя достала телефон.

Открыла переписку с Камиллой.

«Вечер прошёл успешно. Новые контакты, хорошие перспективы. Завтра расскажу подробнее».

Она уже собиралась отложить телефон, когда увидела новое сообщение.

От Леонардо.

«Мадемуазель Савиньи, надеюсь, сегодняшний вечер не потребует отдельного отчёта о нарушении профессиональной дистанции».

Майя невольно рассмеялась.

Ответила:

«Пока рассматриваю возможность включить соответствующий раздел в еженедельную отчётность».

Три точки появились почти мгновенно.

«В таком случае прошу отметить, что все мои действия были исключительно вежливыми».

Она улыбнулась.

«За исключением необоснованной критики одного из потенциальных партнёров».

Ответ:

«Я лишь рекомендовал осторожность».

Майя задумалась.

Затем набрала:

«Это была забота о проекте или личное мнение?»

На этот раз ответ пришёл не сразу.

Она смотрела на экран.

Минута.

Другая.

Наконец появилось сообщение.

«Хороший вопрос».

Майя почувствовала странное тепло.

Потом пришло ещё одно.

«Спокойной ночи, Майя».

Без официального обращения.

Без колкости.

Просто её имя.

Она долго смотрела на экран.

Затем ответила:

«Спокойной ночи, Леонардо».

И впервые написала его имя без раздражения.

Леонардо сидел у окна своего номера, когда увидел ответ.

«Спокойной ночи, Леонардо».

Он перечитал сообщение.

Улыбнулся.

Затем медленно положил телефон на стол.

Что ты делаешь?

Он прекрасно понимал, насколько нелепой становилась ситуация.

Три года назад эта женщина написала рецензию, которую он не смог забыть.

Ещё неделю назад он считал её человеком, с которым никогда не согласился бы работать.

Несколько дней назад хотел немедленно расторгнуть сотрудничество.

А сегодня…

Сегодня он испытывал ревность.

Настоящую.

Раздражающую.

Совершенно неоправданную ревность к мужчине, который просто разговаривал с Майей на светском вечере.

Леонардо резко поднялся.

Прошёл по комнате.

Остановился возле мини-бара.

Но не открыл его.

Вместо этого посмотрел на собственное отражение в тём-

ном стекле.

— Ты идиот, Риччи, — тихо произнёс он.

Отражение не возразило.

Он медленно улыбнулся.

Потому что теперь понимал одну вещь.

Его раздражало не то, что Адриен Вальмон разговаривал с Майей.

Не то, что она улыбалась французу.

И даже не то, что тот откровенно проявлял к ней интерес.

Его раздражало другое.

Он сам хотел быть мужчиной, которому Майя улыбалась так легко.

Хотел видеть её настоящую улыбку.

Слышать её смех.

Узнавать, о чём она думает, когда перестаёт разговаривать о работе.

И это желание оказалось значительно сильнее, чем он готов был признать.

Леонардо закрыл глаза.

В памяти возникла сцена возле танцевального зала.

Красное платье.

Открытые плечи.

Тонкие золотые серьги.

И взгляд Майи в тот момент, когда он протянул руку.

Она хотела танцевать.

Он почти не сомневался.

Но отказалась.

И правильно сделала, если действительно не была готова.

Её отказ он принял.

Вот только собственные чувства принять оказалось намного сложнее.

Леонардо открыл глаза.

Посмотрел на телефон.

Потом на ночное море.

И вдруг понял, что ему совершенно не хочется забывать сегодняшний вечер.

Даже несмотря на то, что он закончился не так, как ему хотелось.

Ведь впервые за много лет рядом с женщиной он почувствовал не привычную уверенность в собственной привлекательности.

А риск.

Настоящий.

Опасный.

Риск однажды захотеть от кого-то гораздо больше, чем один красивый вечер.

В другом номере Майя погасила свет.

Устроилась под прохладным шёлковым одеялом.

Закрыла глаза.

И почти сразу снова увидела Леонардо.

Его протянутую руку.

Тёмные глаза.

Ту самую улыбку, с которой он произнёс:

«Ты всегда так боишься того, чего действительно хочешь?»

Майя повернулась на другой бок.

Нет.

Она не боялась.

Она просто была осторожной.

Разумной.

Взрослой.

Женщиной, достаточно хорошо знавшей цену красивым словам.

Но почему-то именно сейчас все эти объяснения звучали не слишком убедительно.

Она вспомнила, как Леонардо спокойно принял отказ.

Без давления.

Без раздражения.

Без попытки заставить её изменить решение.

И почему-то этот простой поступок произвёл на неё гораздо большее впечатление, чем сам факт приглашения.

А ещё она вспомнила, как он смотрел на неё в красном платье.

Не так, как смотрел Александр.

Не оценивая, насколько она соответствует его представлениям о достойной спутнице.

Не пытаясь сделать её менее заметной.

Леонардо смотрел так, словно она имела полное право

быть красивой.

Яркой.

Самостоятельной.

И совершенно не обязанной никому объяснять свой выбор.

Майя медленно открыла глаза.

За окном мерцали огни Монако.

Она улыбнулась в темноту.

— Нет, Риччи, — тихо произнесла она. — Я не боюсь того, чего хочу.

Пауза.

Затем уже почти шёпотом добавила:

— Я просто пока не уверена, что хочу именно тебя.

Но в этом и заключалась проблема.

Впервые за много лет Майя Савиньи не могла с полной уверенностью отличить собственные желания от собственных страхов.

А где-то неподалёку мужчина, которого она привыкла считать своим главным профессиональным противником, впервые за вечер не смог уснуть по той же причине.

Завтра они снова вернутся к работе.

К гастрономическим концепциям.

Спорам.

Дегустациям.

И бесконечным попыткам доказать друг другу собственную правоту.

Но после Монте-Карло кое-что изменилось.

Совсем немного.

Почти незаметно.

Между ними впервые возникло желание, которое не имело никакого отношения к договору.

И ни один из них пока не знал, как с ним поступить.

Потому что в профессиональном соперничестве всегда можно определить победителя.

А в игре, где на кону оказывается сердце, иногда опаснее всего именно победить.

ГЛАВА 5. ВКУС ПОРАЖЕНИЯ

Италия. Остров Капри. Понедельник.

Говорят, гордость имеет горький вкус.

Леонардо Риччи считал это глупостью.

До того утра, когда женщина, которую он три года пытался забыть, попробовала его новое блюдо, положила вилку и произнесла:

— Это красиво. Технически безупречно. И совершенно бессмысленно.

В тот момент Леонардо впервые за много лет захотел вышвырнуть кого-нибудь из собственной кухни.

Желательно вместе со стулом.

Но всё началось значительно раньше.

Майя проснулась от звука волн.

Они разбивались о скалы где-то далеко внизу, наполняя

утреннюю тишину ровным, почти убаюкивающим шумом.

Солнечный свет проникал сквозь тонкие льняные занавески, оставляя на светлом паркете длинные золотистые полосы.

На прикроватном столике лежал телефон.

Семь двенадцать.

Майя повернулась на спину и несколько секунд смотрела в потолок.

После возвращения из Монте-Карло она намеренно посвятила воскресенье работе.

Подготовила отчёт для инвесторов.

Согласовала изменения архитектурной концепции.

Провела видеоконференцию с Камиллой.

Пересмотрела предварительную финансовую модель ресторанного направления.

И ни разу не открыла переписку с Леонардо.

Почти ни разу.

Вечером она всё-таки проверила сообщения.

И с раздражением обнаружила, что новых нет.

Разумеется, нет.

Почему они вообще должны быть?

Леонардо Риччи не был её другом.

Тем более мужчиной, от которого она собиралась ждать сообщений.

Он был профессиональным партнёром.

Невыносимым, высокомерным, исключительно талантли-

вым профессиональным партнёром.

Их объединял контракт стоимостью в сотни тысяч евро, а не несколько минут странного молчания возле танцевального зала.

Майя резко села.

— Прекрасно, Савиньи. Ты уже разговариваешь сама с собой о мужчине, который тебя раздражает.

Она потянулась за телефоном.

На экране светилось новое уведомление.

От Леонардо.

«Доброе утро. В одиннадцать — рабочая дегустация. Хочу представить новую авторскую композицию. Надеюсь, вы достаточно отдохнули, чтобы оценить её без излишней жестокости».

Майя улыбнулась.

Невольно.

Почти против собственной воли.

Она перечитала сообщение.

Затем написала:

«Доброе утро, синьор Риччи. Моя оценка будет исключительно объективной. Если хотите услышать комплименты, рекомендую пригласить кого-нибудь из ваших поклонниц».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Поклонницы обычно менее полезны, чем критики».

Майя приподняла бровь.

«Неожиданно мудрое замечание».

«Не привыкайте».

Она рассмеялась.

Потом положила телефон экраном вниз.

И только спустя минуту осознала, что улыбается.

Это раздражало.

Значительно сильнее, чем следовало.

К десяти часам Майя уже находилась в рабочей зоне резиденции.

Она выбрала свободные льняные брюки глубокого оливкового оттенка, кремовый топ и лёгкий жакет. Волосы собрала в низкий хвост, оставив несколько прядей возле лица.

Никаких красных платьев.

Никаких светских вечеров.

Никаких двусмысленных разговоров.

Только работа.

На большом столе перед ней лежали образцы посуды, меню и несколько материалов по будущему гастрономическому позиционированию.

Франческа Конти появилась с чашкой кофе.

— Доброе утро, синьорина Савиньи.

— Доброе, Франческа.

— Как прошёл Монако?

Майя подняла глаза.

— Продуктивно.

Франческа улыбнулась.

— Я видела фотографии.

Майя замерла.

— Какие фотографии?

— С благотворительного вечера. Организаторы опубликовали несколько снимков.

Женщина достала планшет.

На экране появилась фотография главного зала.

Майя в гранатовом платье стояла рядом с Джулией Марини.

Следующая фотография запечатлела её во время разговора с Адриеном Вальмоном.

А на третьей…

Майя медленно выпрямилась.

Она и Леонардо.

Возле большого окна.

Он стоял чуть ближе, чем она помнила.

Наклонив голову, смотрел ей прямо в глаза.

Она подняла к нему лицо.

На фотографии это выглядело совсем не как обычная профессиональная беседа.

Скорее как момент, который фотограф случайно подглядел между двумя людьми, забывшими об окружающих.

— Красивый кадр, — заметила Франческа.

Майя закрыла планшет.

— У фотографа хороший объектив.

Франческа едва заметно улыбнулась.

— Разумеется.

— И освещение удачное.

— Несомненно.

Майя посмотрела на неё.

— Франческа.

— Да?

— Даже не начинайте.

Женщина рассмеялась.

— Я ничего не сказала.

— Именно это меня и беспокоит.

Франческа направилась к двери.

Но перед уходом остановилась.

— Кстати, синьор Риччи с самого утра на кухне.

— Удивительно.

— И, кажется, не в самом лучшем настроении.

Майя сделала глоток кофе.

— Значит, день начинается как обычно.

Леонардо действительно был не в духе.

Он стоял перед широким рабочим столом на главной кухне и внимательно изучал небольшую белую тарелку.

Рядом находились Алессандро и ещё два повара.

На плите тихо кипел бульон.

В воздухе пахло цитрусовой цедрой, горячим оливковым маслом и копчёными томатами.

— Нет, — произнёс Леонардо.

Алессандро вздрогнул.

— Что именно, шеф?

— Всё.

Молодой повар посмотрел на тарелку.

— Но вы вчера сказали, что композиция почти готова.

— Вчера я был неправ.

— Соус?

— Не только.

Леонардо взял ложку.

Попробовал тёмную густую эмульсию.

Нахмурился.

— Чёрный чеснок слишком заметен.

Алессандро быстро сделал пометку.

— Уменьшить количество?

— Возможно.

— А бергамот?

— Оставить.

Леонардо снова посмотрел на тарелку.

На ней лежало небольшое филе барабульки с идеально хрустящей кожей. Под рыбой — нежный крем из белой фасоли. Вокруг — несколько капель масла с шафраном, тонкая линия соуса из копчёных томатов и чёрного чеснока.

Завершала композицию прозрачная цитрусовая эссенция.

Блюдо было сложным.

Выразительным.

Технически почти безупречным.

И Леонардо не нравилось.

Он сам не мог объяснить почему.

Каждый компонент по отдельности был хорош.

Но вместе они оставляли странное ощущение незавершённости.

Словно несколько талантливых музыкантов исполняли разные мелодии одновременно.

— Ещё раз, — приказал он.

Алессандро устало выдохнул.

Леонардо заметил.

— Что-то не так?

— Нет, шеф.

— Тогда почему смотришь на меня так, словно собираешься попросить убежища в соседнем ресторане?

Повар невольно улыбнулся.

— Просто мы уже шестой раз меняем соус.

Леонардо скрестил руки на груди.

— И?

— Возможно, проблема не в соусе.

Он замолчал.

Леонардо медленно повернулся.

— Продолжай.

Алессандро побледнел.

— Я не хотел…

— Нет. Ты начал. Заканчивай.

Молодой повар сглотнул.

— Может, компонентов слишком много?

На кухне стало тихо.

Леонардо посмотрел на тарелку.

Затем на Алессандро.

— Это предположение или заключение?

— Предположение.

— Тогда попробуй и объясни.

Алессандро осторожно взял вилку.

Попробовал.

Задумался.

— Рыба очень хорошая, — произнёс он. — Но я не сразу понимаю, какой вкус должен быть главным.

Леонардо молчал.

Именно в этот момент в дверях появилась Майя.

— Доброе утро.

Все повернулись.

Леонардо поднял глаза.

И с неприятным удивлением обнаружил, что его настроение немного улучшилось.

Просто потому, что она вошла.

Нелепость.

— Мадемуазель Савиньи, — произнёс он. — Вы вовремя.

Майя посмотрела на часы.

— На десять минут раньше.

— Потрясающая дисциплина.

— Постарайтесь привыкнуть.

Алессандро спрятал улыбку.

Леонардо указал на стол.

— Сегодня у нас кое-что особенное.

Майя приблизилась.

Взглянула на тарелку.

— Красиво.

— Я ещё ничего не спросил.

— А я ещё ничего не оценила.

Он усмехнулся.

— Тогда проходите. Посмотрим, насколько справедливы ваши вкусовые суждения.

Майя остановилась напротив.

— Надеюсь, сегодня без сюрпризов?

— Только приятных.

— После предыдущей дегустации это звучит почти угрожающе.

Он тихо рассмеялся.

Но внутри уже начинал ощущать знакомое напряжение.

Потому что хотел услышать её мнение.

И одновременно боялся его.

К одиннадцати в небольшом дегустационном зале собрались участники профессиональной оценки.

Маттео Валенти.

Франческа.

Сомелье Сильвия Россини.

Алессандро.

Майя.

И Леонардо, который решил лично представить новое блюдо.

На столе стояли небольшие белые тарелки.

Майя разложила перед собой оценочный лист.

Леонардо заметил.

— Что это?

— Рабочая форма дегустации.

— Сколько пунктов?

— Двенадцать.

Он медленно приподнял бровь.

— Двенадцать?

— Да.

— Вы собираетесь оценивать еду или проводить медицинское обследование?

Майя улыбнулась.

— Если хотите, могу добавить тринадцатый пункт.

— Какой?

— Эмоциональная устойчивость шеф-повара при получении обратной связи.

Маттео громко рассмеялся.

Леонардо посмотрел на него.

— Очень смешно.

— Прости, Лео, но это действительно заслуживает отдельной оценки.

Майя отложила ручку.

— Не беспокойтесь. В официальном отчёте этот пункт от-

сутствует.

— Какая жалость.

Леонардо выпрямился.

Его лицо стало серьёзным.

— Сегодня я представляю блюдо, которое должно стать одним из центральных элементов весеннего меню.

Он указал на тарелку.

— Барабулька с кремом из белой фасоли, копчёными томатами, чёрным чесноком и бергамотом. Масло с шафраном завершает композицию.

Сильвия заинтересованно наклонилась.

— Очень выразительный аромат.

— Именно этого я и добивался, — ответил Леонардо.

Майя молчала.

Она внимательно рассматривала блюдо.

Кожа рыбы была золотистой, почти прозрачной по краям.

Фасолевый крем лежал тонким полумесяцем.

Тёмный соус создавал выразительный контраст с белой керамикой.

Золотистые капли масла отражали свет.

Блюдо действительно выглядело эффектно.

Почти безупречно.

Слишком эффектно, — неожиданно подумала она.

Но ничего не сказала.

Леонардо закончил презентацию.

— Прошу.

Все начали дегустацию.

Майя взяла небольшой кусочек рыбы.

Сначала попробовала его отдельно.

Потом с фасолевым кремом.

Затем добавила соус.

Медленно прожевала.

Сделала маленький глоток воды.

Попробовала ещё раз.

Леонардо наблюдал за ней.

Он уже научился распознавать эту манеру.

Майя никогда не начинала говорить сразу.

Сначала пробовала.

Затем будто раскладывала вкус на отдельные составляющие.

И только после этого выносила суждение.

Эта привычка раздражала его.

Потому что заставляла ждать.

— Ну? — наконец спросил он.

Майя подняла глаза.

— Вы хотите короткий ответ или подробный?

Леонардо усмехнулся.

— Начните с короткого.

Она положила вилку.

— Блюдо не работает.

Тишина.

Маттео медленно поднял голову.

Сильвия замерла с бокалом воды.

Леонардо смотрел на Майю.

— Простите?

Она выдержала паузу.

— Я сказала, что блюдо не работает как единая композиция.

Он медленно выпрямился.

— Интересно.

Голос стал заметно холоднее.

— Объясните.

Майя снова взяла вилку.

— Рыба приготовлена великолепно. Кожа хрустящая, мякоть нежная, естественная сладость сохранена. Фасолевый крем обладает хорошей текстурой. Бергамот придаёт интересную горьковатую ноту.

Леонардо слегка расслабился.

Рано.

— Но дальше начинается проблема, — продолжила она.

Он нахмурился.

— Какая?

— Вы заставляете слишком много вкусов бороться за внимание.

Майя указала вилкой на тарелку.

— Копчёный томат создаёт тяжёлую основу. Чёрный чеснок усиливает её сладковатую глубину. Бергамот добавляет горечь. Шафран пытается объединить композицию, но вме-

сто этого возникает ещё один самостоятельный акцент.

Леонардо скрестил руки на груди.

— Продолжайте.

— В итоге я перестаю чувствовать рыбу.

Он резко выдохнул.

— Вы только что сказали, что она приготовлена великолепно.

— Именно. Поэтому особенно обидно, что её вкус приходится искать среди остальных компонентов.

Маттео осторожно вмешался:

— Возможно, вопрос в пропорциях?

Майя задумалась.

— Не только.

Леонардо посмотрел на неё.

— В чём же ещё?

Она медленно положила вилку.

— В самой идее.

На его лице застыло выражение недоверия.

— В идее?

— Да.

— Вы считаете неверной идею блюда, которое ещё не вышло из стадии разработки?

— Я считаю, что пока у него нет единой идеи.

Он рассмеялся.

Коротко.

Резко.

— Невероятно.

Майя продолжила совершенно спокойно:

— Вы хотели создать насыщенное, многослойное блюдо. Это понятно. Но каждый ингредиент здесь словно пытается доказать собственную значимость.

Она посмотрела прямо на него.

— Вместо гармонии получается соревнование.

Леонардо медленно опустил руки.

— Вы всегда формулируете замечания так, чтобы они звучали как обвинительный приговор?

— Только когда меня просят о честной оценке.

— И вы называете это честной оценкой?

— Да.

Он наклонился к столу.

— Тогда скажите, что конкретно нужно изменить.

Майя посмотрела на тарелку.

— Я бы убрала чёрный чеснок.

Леонардо усмехнулся.

— Конечно.

— Сократила копчёный томат или полностью отказалась от него.

— Прекрасно.

— И пересмотрела использование бергамота.

Он медленно выпрямился.

— То есть вы предлагаете убрать половину блюда?

— Возможно.

— А может, сразу выбросить тарелку?

Майя подняла глаза.

— Если вы действительно хотите получить лучший результат, иногда приходится отказываться от решений, в которые уже вложено много труда.

Леонардо резко отодвинул стул.

Звук неприятно резанул по тишине.

— Господи, как же легко вам рассуждать.

Маттео нахмурился.

— Лео…

Но он уже не слушал.

— Вы приходите, пробуете блюдо, над которым команда работала несколько дней, и за пять минут объясняете, почему всё неправильно.

Майя медленно выпрямилась.

— Я не говорила, что всё неправильно.

— Вы сказали, что у блюда нет идеи!

— Потому что сейчас я её не чувствую.

Леонардо усмехнулся.

— Какая неожиданность. Мадемуазель Савиньи снова недовольна моей кухней.

Её лицо стало холодным.

— Не начинайте.

— Почему? Вам неприятно вспоминать собственную профессиональную историю?

— Нет. Мне неприятно, когда вы используете её вместо

аргументов.

Леонардо посмотрел на неё.

Несколько секунд.

Затем произнёс:

— Знаете, в чём ваша проблема?

Майя медленно положила ручку.

— Просветите.

— Вы слишком привыкли оценивать чужую работу, не неся ответственности за её создание.

Маттео поднялся.

— Леонардо, достаточно.

Но Майя остановила его жестом.

Она смотрела прямо на шеф-повара.

— Заканчивайте.

Леонардо чуть наклонился вперёд.

— Вы умеете находить недостатки. Подбирать точные, иногда весьма жестокие формулировки. Но критиковать готовое блюдо и создать его с нуля — совершенно разные вещи.

Майя молчала.

— Вы не стоите у плиты по двенадцать часов. Не ищете нужную температуру. Не проверяете десятки комбинаций. Не отвечаете за работу поваров.

— Это верно, — тихо произнесла она.

— Тогда, возможно, вам стоит проявлять немного больше уважения к тем, кто действительно готовит.

В комнате стало очень тихо.
Сильвия опустила глаза.
Алессандро заметно побледнел.
Маттео уже собирался вмешаться.
Но Майя неожиданно улыбнулась.
Не широко.
Не насмешливо.
Почти спокойно.
— Вы закончили?
Леонардо смотрел на неё.
— Да.
Майя кивнула.
Затем закрыла папку.
— Тогда у меня предложение.
Он усмехнулся.
— Ещё одно экспертное заключение?
— Нет.
Она поднялась.
— Дайте мне кухню.
Леонардо замер.
— Что?
— Кухню. Рабочее место. Ингредиенты. И один час.
Маттео медленно повернул голову.
— Майя…
Но она не отводила взгляда от Леонардо.
— Вы предложили мне попробовать создать что-нибудь

самой, не так ли?

Он прищурился.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

Леонардо рассмеялся.

На этот раз с откровенным недоверием.

— Вы хотите готовить?

— Да.

— Здесь?

— Если кухня свободна.

Он медленно покачал головой.

— Мадемуазель Савиньи, это профессиональная кухня.

— Я заметила.

— Здесь работают люди, которые посвятили годы изучению техники.

— И я не собираюсь выдавать себя за одного из них.

Он приблизился.

— Тогда что вы собираетесь доказать?

Майя посмотрела прямо ему в глаза.

— Что хороший вкус не всегда зависит от громкого имени над дверью.

Леонардо перестал улыбаться.

Она продолжила:

— Вы утверждаете, что я способна только разрушать чужие идеи. Прекрасно. Давайте проверим, так ли это.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Затем Леонардо медленно улыбнулся.

Опасно.

Почти вызывающе.

— Хорошо.

Маттео поднял руку.

— Подождите. Мы сейчас действительно обсуждаем…

— Один час, — перебил Леонардо.

Он посмотрел на Майю.

— Те же основные продукты, что доступны моей команде. Никаких заранее подготовленных рецептов. Никакой помощи поваров в приготовлении.

Майя кивнула.

— При условии, что мне предоставят чистое рабочее место, безопасное оборудование и уже разделанную рыбу. Я не претендую на навыки профессионального разделочника.

Леонардо неожиданно улыбнулся.

— Разумное уточнение.

— Я стараюсь не путать смелость с глупостью.

— Прекрасно. Через час представите блюдо.

— Договорились.

Леонардо протянул руку.

Майя пожала её.

Его пальцы сомкнулись вокруг её ладони.

— Учтите, — тихо произнёс он, — я буду оценивать вашу работу столь же строго, как вы оцениваете мою.

Она чуть наклонила голову.

— На меньшее я и не рассчитываю.

Леонардо отпустил её руку.

Потом повернулся к Маттео.

— Организуй рабочее место.

Тот посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

— Вы оба совершенно сошли с ума.

Майя улыбнулась.

— Возможно.

Леонардо усмехнулся.

— Но теперь мне действительно интересно.

Десять минут спустя Майя стояла перед длинным кухонным столом.

На ней был белый поварской китель, выданный Франческой, и тёмный фартук. Волосы она тщательно убрала под аккуратную косынку.

Перед ней лежали продукты.

Свежая барабулька.

Молодые артишоки.

Лимоны.

Зелёные оливки.

Каперсы.

Миндаль.

Свежий фенхель.

Оливковое масло.

Несколько видов зелени.

И небольшая корзина сезонных овощей.

Майя внимательно изучала их.

Леонардо стоял у соседнего стола, скрестив руки на груди.

— Всё ещё хотите продолжать?

Она даже не повернулась.

— А вы уже надеетесь, что я передумаю?

— Просто даю последний шанс сохранить достоинство.

Майя взяла молодой артишок.

Повернула его в руках.

— Как благородно с вашей стороны.

Алессандро стоял неподалёку с выражением человека, которому неожиданно подарили билет на самый интересный спектакль в жизни.

— Синьорина Савиньи, — осторожно произнёс он, — вам что-нибудь понадобится?

Она улыбнулась.

— Да. Будьте добры, покажите, где находятся чистые сотейники.

Леонардо приподнял бровь.

— Вы не знаете, где здесь оборудование?

— Нет. Я не работаю на этой кухне.

— Многообещающее начало.

Майя повернулась.

— Леонардо.

Он замер.

Она впервые произнесла его имя так спокойно.

Без официального обращения.

Без раздражения.

— Да?

— Если вы собираетесь комментировать каждое моё движение, предлагаю выставить за это отдельный счёт.

Алессандро не удержался и рассмеялся.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Продолжайте, мадемуазель Савиньи.

Она посмотрела на часы.

Пятьдесят восемь минут.

Времени было достаточно.

Если она не начнёт сомневаться.

И именно в тот момент, когда Майя взяла нож и коснулась первого артишока, в её памяти неожиданно возникла другая кухня.

Маленькая.

Тёплая.

Наполненная запахом свежего хлеба.

И женский голос, которого она не слышала уже много лет.

«Не торопись, Майя. Сначала пойми, чего хочет продукт. А потом решай, что ты можешь ему дать».

Она замерла.

Всего на секунду.

Потом медленно выдохнула.

И начала готовить.

Первые десять минут оказались гораздо сложнее, чем Майя ожидала.

Не потому, что она не умела готовить.

Напротив.

Она прекрасно знала, как обращаться с ножом, чувствовала температуру масла и умела определять готовность продукта по запаху, цвету и едва заметному изменению текстуры.

Но профессиональная кухня жила по другим законам.

Здесь всё происходило быстро.

Слишком быстро.

Каждое движение имело значение.

Каждая секунда могла изменить результат.

А за её спиной стоял Леонардо Риччи.

Что, разумеется, делало задачу ещё более неприятной.

— Вы собираетесь приготовить рыбу или написать о ней диссертацию? — поинтересовался он, наблюдая, как Майя аккуратно срезает жёсткие листья артишока.

Она не подняла головы.

— Вы собираетесь наблюдать или всё-таки позволите мне работать?

— Наблюдение доставляет мне исключительное удовольствие.

— Рада, что нашла способ разнообразить вашу жизнь.

Леонардо усмехнулся.

Но вмешиваться не стал.

Майя опустила очищенные артишоки в воду с лимоном, чтобы они не потемнели.

Затем взяла свежий фенхель.

Отделила нежную зелень.

Тонко нарезала небольшую часть луковицы.

Попробовала.

Задумалась.

На её лице появилось выражение, которого Леонардо прежде не видел.

Сосредоточенное.

Почти отрешённое.

Словно она разговаривала с продуктами на каком-то собственном языке.

Он невольно перестал улыбаться.

Майя взяла зелёные оливки.

Раздавила одну плоской стороной ножа.

Попробовала мякоть.

Потом каплю рассола.

Закрыла глаза.

Потянулась за лимоном.

Леонардо нахмурился.

— Что вы задумали?

— Пока не решила.

— Вы готовите без рецепта?

— Да.

— Интересно.

Майя улыбнулась.

— Вы сомневаетесь?

— Скорее пытаюсь понять, собираетесь ли вы удивить меня или отравить.

Она рассмеялась.

— Не беспокойтесь. Я предпочитаю более тонкие методы профессиональной борьбы.

Леонардо покачал головой.

Но внутри начал ощущать настоящее любопытство.

Майя не двигалась как человек, впервые оказавшийся возле плиты.

Она не суетилась.

Не хватала всё подряд.

Не пыталась создать нечто сложное исключительно ради впечатления.

Она выбирала.

Отказывалась.

Снова пробовала.

И постепенно перед ней возникала какая-то вполне определённая композиция.

Значит, всё-таки умеет готовить.

Эта мысль почему-то оказалась неожиданно неприятной.

Потому что разрушала ещё одно удобное представление о женщине, которую он так долго считал своим профессиональным противником.

Через двадцать минут Майя поставила на плиту небольшую сковороду.

Добавила немного оливкового масла.

Когда оно нагрелось, аккуратно выложила подготовленные артишоки.

Раздалось мягкое шипение.

В воздухе появился тонкий ореховый аромат.

Она слегка встряхнула сковороду.

Затем добавила несколько капель воды и накрыла крышкой.

— Артишоки? — спросил Леонардо.

— Как видите.

— Не слишком оригинально.

— Оригинальность не является обязательным условием хорошего вкуса.

Он усмехнулся.

— Осторожнее, Майя. Вы начинаете говорить как я.

Она повернула голову.

— Возможно, это влияние неблагоприятной рабочей среды.

Алессандро рассмеялся.

Леонардо бросил на него взгляд.

— У тебя работа закончилась?

— Нет, шеф.

— Тогда займись ею.

Майя улыбнулась.

Впервые за всё время Леонардо заметил, что улыбка предназначалась не ему.

И по совершенно необъяснимой причине ему это не по-

нравилось.

Он подошёл ближе.

— Почему артишоки?

Майя на мгновение задумалась.

— Потому что у них есть интересная особенность.

— Какая?

— После них некоторые другие продукты кажутся слаще, чем обычно.

Леонардо внимательно посмотрел на неё.

— Цинарин.

Она повернулась.

— Вы прекрасно знаете, о чём я.

— Конечно.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он чуть улыбнулся.

— Мне интересно, знаете ли вы.

Майя покачала головой.

— Синьор Риччи, если хотите провести экзамен, предлагаю назначить его на отдельное время.

Леонардо тихо рассмеялся.

Она вернулась к работе.

Небольшую порцию миндаля Майя высыпала на сухую сковороду.

Отвлеклась, проверяя артишоки.

И уже через несколько секунд почувствовала резкий запах.

— Чёрт!

Она быстро сняла сковороду.

Миндаль потемнел сильнее, чем требовалось.

Леонардо оказался рядом почти мгновенно.

— Что произошло?

— Пережарила.

Он посмотрел на орехи.

Затем на неё.

— Профессиональная кухня не прощает невнимательности.

Майя глубоко вдохнула.

— Знаю.

— Продолжите использовать?

Она посмотрела на сковороду.

— Нет.

— Почему?

— Потому что горечь уже будет слишком сильной.

Леонардо медленно кивнул.

— Правильно.

Она отложила неудачную порцию.

Взяла чистую сковороду.

И начала снова.

Без оправданий.

Без попытки скрыть ошибку.

Леонардо наблюдал за ней с растущим интересом.

Он видел множество начинающих поваров.

Одни после первой неудачи терялись.

Другие начинали нервничать.

Третьи пытались убедить окружающих, что всё так и было задумано.

Майя просто исправила ошибку.

Спокойно.

Сосредоточенно.

И даже не посмотрела, какое впечатление произвела на него.

Это нравилось ему больше, чем следовало.

— Сколько времени осталось? — спросила Майя.

Алессандро взглянул на часы.

— Двадцать три минуты.

Она кивнула.

— Достаточно.

Леонардо усмехнулся.

— Какая уверенность.

Майя не ответила.

Она взяла подготовленное филе барабульки.

Аккуратно обсушила кожу.

Добавила немного соли.

Нагрела сковороду.

Опустила рыбу кожей вниз.

Раздалось характерное шипение.

Майя внимательно следила за краями филе.

Затем слегка уменьшила огонь.

Леонардо молчал.

Он уже не собирался отпускать замечания по поводу каждого её движения.

Потому что теперь действительно хотел увидеть результат.

Майя осторожно проверила готовность.

Не торопилась переворачивать рыбу.

Дождалась, пока кожа приобретёт равномерный золотистый оттенок.

Затем на короткое мгновение перевернула филе и сняла сковороду с огня.

Леонардо невольно кивнул.

Техника была не безупречной.

Он заметил несколько движений, которые профессиональный повар выполнил бы быстрее и точнее.

Но главное она сделала правильно.

Не пересушила продукт.

Не попыталась компенсировать недостаток опыта чрезмерной обработкой.

Дала рыбе сохранить собственный характер.

Майя переложила филе на тёплую поверхность.

Затем занялась соусом.

В небольшой чаше смешала оливковое масло, несколько капель лимонного сока и совсем немного рассола зелёных оливок.

Попробовала.

Нахмурилась.
Добавила немного воды.
Снова попробовала.
Затем растёрла пальцами крошечный листочек мяты.
Понюхала.
Покачала головой.
И отложила его.
Леонардо приподнял бровь.
— Почему не добавили?
Майя продолжала работать.
— Слишком ярко.
— Мята?
— Да. Она будет спорить с фенхелем.
Он медленно улыбнулся.
— Интересно.
Майя взяла немного зелени фенхеля.
Порубила почти невесомыми движениями.
Добавила в соус.
Попробовала.
И вдруг остановилась.
Леонардо заметил перемену.
— Что?
Она не ответила.
Просто ещё раз попробовала.
Потом медленно улыбнулась.
Не ему.

Не окружающим.

Собственной мысли.

— Вот теперь, — тихо произнесла она.

И Леонардо неожиданно почувствовал знакомое волнение.

Он видел это выражение тысячи раз.

На лицах талантливых поваров.

В тот миг, когда разрозненные ингредиенты наконец соединялись в нечто цельное.

Это был не просто результат удачной комбинации.

Это был момент открытия.

И Майя Савиньи только что его пережила.

Когда до окончания часа оставалось семь минут, Майя начала собирать блюдо.

Она выбрала небольшую матовую тарелку тёплого молочного оттенка.

Не самую эффектную.

Не самую дорогую.

Ту, на которой еда не превращалась в декоративный объект.

В центр положила несколько нежных долек артишока.

Рядом — тонкие полоски свежего фенхеля, едва приправленного лимоном.

Сверху аккуратно разместила филе барабульки.

Добавила немного тёплой эмульсии.

Несколько маленьких кусочков зелёных оливок.

Лёгкую крошку обжаренного миндаля.

И совсем немного зелени.

Затем остановилась.

Посмотрела на тарелку.

Нахмурилась.

Леонардо подошёл ближе.

— Что-то не так?

— Да.

— Что именно?

Она взяла пинцет.

Убрала почти половину миндальной крошки.

Затем отодвинула один кусочек артишока.

Посмотрела ещё раз.

— Теперь лучше.

Леонардо молчал.

Перед ним было блюдо, которое совершенно не походило на его собственную композицию.

Никаких ярких цветовых контрастов.

Никаких сложных соусов.

Никакой демонстративной техники.

Но оно выглядело удивительно цельным.

Словно каждый элемент оказался на своём месте не благодаря тщательно выверенному дизайну, а потому, что другого правильного места для него просто не существовало.

Алессандро посмотрел на часы.

— Время.

Майя сняла фартук.

Сделала шаг назад.

— Готово.

Леонардо медленно перевёл взгляд с тарелки на неё.

— Как называется?

Она задумалась.

— Пока никак.

— У каждого блюда должно быть имя.

Майя улыбнулась.

— Тогда предложите.

Он посмотрел на тарелку.

— Не торопитесь перекладывать на меня ответственность.

Она тихо рассмеялась.

— Хорошо. Пусть будет «Воспоминание о весне».

Леонардо чуть прищурился.

— Слишком романтично.

— Вы сами спросили.

Он кивнул.

— Хорошо. Посмотрим, чего стоят ваши воспоминания.

Дегустацию решили провести за тем же столом.

Маттео вернулся из соседнего кабинета.

Сильвия принесла воду.

Франческа села рядом с Майей.

Алессандро остался возле двери.

Леонардо поставил перед собой тарелку.

Некоторое время молча рассматривал её.

Майя стояла напротив.

Она вдруг почувствовала непривычное волнение.

Не из-за страха проиграть.

И даже не из-за возможного унижения.

Просто впервые за много лет собиралась показать кому-то не профессиональное заключение, не расчёт, не красивую концепцию.

А нечто созданное собственными руками.

То, в чём сохранилась маленькая часть её прежней жизни.

Той, о которой она почти никому не рассказывала.

Леонардо взял вилку.

Отделил небольшой кусочек рыбы.

Добавил артишок.

Попробовал.

Майя затаила дыхание.

Он медленно прожевал.

Посмотрел на тарелку.

Затем взял ещё один кусочек.

На этот раз с фенхелем и несколькими каплями эмульсии.

Его лицо оставалось совершенно неподвижным.

Майя ощутила раздражение.

Ну скажи уже что-нибудь.

Но Леонардо молчал.

Попробовал третий раз.

Затем отложил вилку.

Поднял глаза.

— Кто вас научил готовить?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Майя растерялась.

— Простите?

— Я спросил, кто вас научил.

Она посмотрела на него.

Впервые за всё утро в его голосе не было ни насмешки, ни раздражения.

Только серьёзный профессиональный интерес.

— Дома, — ответила Майя.

— Это не ответ.

Она немного помолчала.

— Когда я была маленькой, у нас была семейная кухня. Настоящая. Не декоративная, как в современных дорогих квартирах.

Леонардо внимательно слушал.

— Там постоянно что-то готовили. Мы могли проводить за столом целые вечера. Спорить, смеяться, пробовать новые блюда. Иногда я помогала с подготовкой продуктов.

— Кто готовил?

Майя отвела взгляд.

— Мама.

Слово прозвучало очень тихо.

Леонардо заметил.

Не только интонацию.

То, как Майя сжала пальцы.

Как её лицо на мгновение утратило привычную уверенность.

Он хотел спросить что-то ещё.

Но остановился.

Потому что впервые понял: за её профессиональной сдержанностью скрывается история, которую она совершенно не готова рассказывать.

— Она была поваром? — осторожно спросил он.

Майя чуть улыбнулась.

— Она была человеком, который мог взять три самых обычных ингредиента и приготовить ужин, о котором потом вспоминали несколько недель.

Леонардо медленно посмотрел на тарелку.

— Понимаю.

Он снова взял вилку.

Попробовал немного соуса отдельно.

Потом артишок.

Затем кусочек рыбы с миндалём.

Маттео не выдержал.

— Лео, ну что?

Леонардо не ответил.

Он смотрел на тарелку.

Сосредоточенно.

Почти сурово.

Наконец поднял глаза.

— Здесь есть одна ошибка.

Майя почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Какая?

— Рыбу стоило снять с огня на несколько секунд раньше. В самой тонкой части филе она немного плотнее, чем должна быть.

Майя кивнула.

— Согласна.

— И артишоки можно было приготовить чуть равномернее.

— Возможно.

Леонардо помолчал.

Затем неожиданно произнёс:

— Но сочетание вкусов…

Он снова посмотрел на тарелку.

— Очень хорошее.

Майя подняла глаза.

— Хорошее?

— Значительно лучше, чем я ожидал.

Маттео улыбнулся.

— Это комплимент?

Леонардо даже не посмотрел на него.

— Это заключение.

Он повернулся к Майе.

— Вы очень точно использовали горечь артишока. Большинство поваров попытались бы её смягчить. Вы, наоборот,

сделали частью композиции.

Майя молчала.

— Лимон здесь не доминирует. Рассол оливок добавляет глубину, но не превращает блюдо в солёную закуску. Фенхель даёт свежесть. А миндаль…

Он задумался.

Затем едва заметно улыбнулся.

— Миндаль — неожиданно правильное решение.

Майя почувствовала, как по телу разливается тёплое облегчение.

— Благодарю.

Леонардо покачал головой.

— Вы не понимаете.

Он немного подался вперёд.

— Я знаю поваров, которые потратили годы, чтобы научиться создавать такие сочетания. Они умеют работать с продуктом технически безупречно, но не всегда понимают, почему два вкуса вдруг становятся лучше рядом друг с другом.

Майя смотрела на него.

— А вы считаете, я понимаю?

Он выдержал взгляд.

— Да.

Тишина.

Совершенно неожиданная.

Майя почувствовала, как сильнее забилось сердце.

Леонардо продолжил:

— Вы чувствуете момент, когда нужно остановиться. И понимаете, что иногда лучший ингредиент — тот, который решено не добавлять.

Он посмотрел на неё с выражением, которого она прежде не видела.

Ни в Париже на фотографиях.

Ни во время их первой ссоры.

Ни на благотворительном вечере в Монте-Карло.

Это было уважение.

Настоящее.

Без снисходительности.

Без попытки сохранить преимущество.

И почему-то именно оно смутило Майю сильнее любого комплимента её внешности.

— Я хотел бы попробовать ваше блюдо ещё раз, — неожиданно сказал Леонардо.

Маттео рассмеялся.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

Майя слегка приподняла бровь.

— Вы не боитесь, что оно разрушит вашу профессиональную репутацию?

Леонардо медленно улыбнулся.

— Похоже, сегодня вы решили отыграться за три года.

Она рассмеялась.

— Возможно.

Он посмотрел на неё.

Затем неожиданно произнёс:

— Вы были правы.

Майя замолчала.

— В чём?

Леонардо взял тарелку со своим блюдом.

Подвинул её ближе.

— Здесь действительно слишком много всего.

Маттео внимательно посмотрел на него.

Алессандро застыл возле двери.

Леонардо продолжил:

— Я пытался создать сложный вкус, вместо того чтобы позволить продукту говорить самому за себя.

Он поднял глаза на Майю.

— Как вы и сказали.

Она смотрела на него.

Несколько секунд.

Затем тихо ответила:

— Я не хотела вас унизить.

Леонардо усмехнулся.

— Получилось достаточно убедительно.

Майя опустила взгляд.

— Простите.

Он неожиданно покачал головой.

— Не надо.

Она удивилась.

— Что?

— Не извиняйтесь за профессиональное мнение, если уверены в нём.

Майя медленно подняла глаза.

Леонардо смотрел прямо на неё.

— Просто в следующий раз, прежде чем говорить, что у блюда нет идеи, попробуйте помочь её найти.

Она немного помолчала.

Затем кивнула.

— Справедливо.

Он протянул руку.

— Тогда перемирие?

Майя посмотрела на его ладонь.

Потом улыбнулась.

— Временное.

Леонардо рассмеялся.

— Разумеется.

Они пожали руки.

И на этот раз он не сразу отпустил её пальцы.

Майя заметила.

Но не отстранилась мгновенно.

Лишь спустя несколько секунд осторожно освободила руку.

Маттео посмотрел на них обоих.

Затем медленно откинулся на спинку кресла.

— Признаюсь, я начинаю считать этот эксперимент одним из лучших решений за последние недели.

Леонардо повернулся.

— Почему?

— Потому что впервые вижу, как вы оба признаёте правоту друг друга.

Майя улыбнулась.

— Не стоит привыкать.

Леонардо рассмеялся.

— Именно.

К вечеру кухня постепенно опустела.

Повара заканчивали подготовку к следующему дню.

Франческа занималась организационными вопросами.

Маттео отправился на переговоры.

Майя сидела за небольшим столом в служебной столовой и заполняла дегустационный отчёт.

Перед ней лежали фотографии двух блюд.

Первого — созданного Леонардо.

И второго — её собственного.

Она внимательно рассматривала их.

Разница была очевидной.

Блюдо Леонардо выглядело произведением искусства.

Её — простым, почти домашним.

И всё же, вспоминая вкус, Майя почему-то испытывала давно забытое чувство.

Не профессионального удовлетворения.

Не победы.

А настоящей радости от процесса.

Той самой, которую когда-то ощущала, стоя на кухне рядом с матерью.

Когда не нужно было думать о бюджете.

Контрактах.

Репутации.

И чужих ожиданиях.

Когда можно было просто готовить.

Пробовать.

Ошибаться.

И снова начинать.

Она закрыла глаза.

В памяти вспыхнуло воспоминание.

Солнечная кухня.

Большой деревянный стол.

Мать, смеющаяся над чем-то.

Запах свежего хлеба.

И голос:

«Майя, запомни: готовить нужно не для того, чтобы тебя любили. А потому, что ты сама любишь то, что делаешь».

У неё неожиданно защипало глаза.

Она быстро открыла их.

Посмотрела в сторону окна.

И несколько раз глубоко вдохнула.

Не сейчас.

Она не возвращалась к этим воспоминаниям много лет.

Не позволяла себе.

Потому что вместе с ними неизбежно приходило то, что случилось потом.

А к этому она по-прежнему была не готова.

— Вы плачете?

Майя резко подняла голову.

В дверях стоял Леонардо.

Без кителя.

В тёмной футболке и брюках.

В руках он держал две чашки кофе.

Она мгновенно выпрямилась.

— Нет.

Он внимательно посмотрел на неё.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Майя почувствовала облегчение.

Он не стал спрашивать.

Не попытался выяснить причину.

Не начал рассуждать о том, что заметил.

Просто подошёл.

Поставил перед ней чашку.

— Кофе.

Она удивилась.

— Благодарю.

— Без сахара.

Майя улыбнулась.

— Вы запомнили.

Он сел напротив.

— Я многое запоминаю.

Она не ответила.

Потому что вдруг вспомнила слова Томмазо, процитированные в одном из старых интервью.

«У Леонардо Риччи исключительная память на вкус. И совершенно невыносимая память на обиды».

Майя посмотрела на него.

Интересно, что из этого окажется сильнее?

Несколько минут они молчали.

В воздухе пахло свежим кофе.

За окнами темнело море.

Где-то в коридоре негромко разговаривали сотрудники.

Леонардо первым нарушил тишину.

— Почему вы не стали поваром?

Майя медленно подняла глаза.

— Что?

— Вы явно умеете готовить. Причём не только по рецептам. Вы чувствуете вкус и понимаете продукт.

Она чуть улыбнулась.

— Вы говорите так, словно это преступление.

— Для человека, который посвятил жизнь гастрономии, почти преступление — видеть такой талант за рабочим столом с финансовыми отчётами.

Майя рассмеялась.

Но смех получился немного грустным.

— Жизнь редко развивается по первоначальному плану.

Леонардо кивнул.

— Согласен.

Она посмотрела на кофе.

— Когда-то я действительно хотела готовить профессионально.

— И что изменилось?

Майя замолчала.

За её лицом будто опустилась тонкая невидимая занавесь.

Леонардо заметил это сразу.

— Простите, — сказал он. — Не хотел вмешиваться в личное.

Она подняла глаза.

Его спокойствие удивило.

Она привыкла, что люди воспринимают её нежелание рассказывать о прошлом как приглашение задавать дополнительные вопросы.

Леонардо же просто отступил.

И именно это почему-то заставило её ответить.

— Иногда, — произнесла Майя, — после определённых событий человек больше не может делать то, что раньше любил.

Леонардо молчал.

— Не потому, что разлюбил, — продолжила она. — А

потому, что вместе с этим занятием возвращается слишком много воспоминаний.

Он медленно кивнул.

— Понимаю.

Майя слегка улыбнулась.

— Не уверена.

— Возможно, не полностью.

Он выдержал паузу.

— Но я знаю, каково это — однажды войти на кухню и почувствовать не радость, а страх.

Она удивлённо посмотрела на него.

Леонардо опустил взгляд на чашку.

— После Парижа я несколько месяцев не мог готовить для собственного удовольствия. Даже дома. Каждый раз, когда брал нож, вспоминал ресторан. Людей. Долги. Последний вечер.

Майя молчала.

— Потом мать заставила меня приготовить ужин.

Он едва заметно улыбнулся.

— Самый обычный. Паста, помидоры, базилик. Никаких сложных техник.

— И?

— Я едва не испортил соус.

Майя рассмеялась.

— Вы?

— Представьте себе.

— Невероятно.

Леонардо улыбнулся.

— Мать посмотрела на меня и сказала: «Лео, если ты ещё пять минут будешь пытаться произвести впечатление на собственную тарелку, я выгоню тебя из кухни».

Майя рассмеялась громче.

Он тоже.

Затем Леонардо стал серьёзнее.

— И тогда я впервые за долгое время просто приготовил ужин.

Майя смотрела на него.

С неожиданным теплом.

— Хорошая история.

Он слегка пожал плечами.

— Правдивая.

Между ними снова возникла тишина.

Но теперь она не была неудобной.

Напротив.

Казалось, оба неожиданно обнаружили пространство, в котором можно не спорить.

Не защищаться.

Не доказывать собственную правоту.

Просто разговаривать.

— Можно задать вам вопрос? — спросил Леонардо.

Майя улыбнулась.

— Вы сегодня установили личный рекорд по количеству

вопросов.

— Не уклоняйтесь.

— Хорошо. Спрашивайте.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Вы действительно считали меня бездарным поваром, когда писали ту рецензию?

Майя замерла.

Вопрос оказался неожиданным.

И гораздо более личным, чем она ожидала.

— Нет, — ответила она после короткой паузы.

Леонардо молчал.

— Ни секунды.

Он медленно опустил глаза.

— Тогда почему…

— Потому что я была уверена, что вы способны на большее.

Он поднял голову.

Майя продолжила:

— Я много лет следила за вашей работой. Читала интервью. Изучала меню. Пробовала блюда в ресторанах, где вы работали раньше.

Леонардо удивлённо нахмурился.

— Вы следили за моей карьерой?

Она чуть улыбнулась.

— В профессиональном смысле, синьор Риччи. Не обольщайтесь.

Он усмехнулся.

— Продолжайте.

Майя задумалась.

— Мне нравилось, как вы готовили в начале карьеры. В ваших блюдах было что-то очень живое. Смелость. Яркость. Иногда даже грубоватая простота.

Она посмотрела на него.

— А потом появился L'Origine.

Леонардо ничего не ответил.

— Я приехала туда с огромными ожиданиями. Действительно огромными. Но почувствовала, что вы словно перестали доверять собственному таланту.

Он нахмурился.

— Интересная формулировка.

— Вы начали прятать вкус под сложностью. Будто боялись, что простоты окажется недостаточно для такого дорогого ресторана.

Леонардо долго смотрел на неё.

Потом медленно опустил голову.

— Возможно, — тихо произнёс он.

Майя замолчала.

Он посмотрел на свои руки.

— Когда мы открывали L'Origine, инвесторы постоянно говорили об исключительности. Уникальности. Международном признании. Каждое новое блюдо должно было превосходить предыдущее.

Он усмехнулся.

— В какой-то момент я действительно начал верить, что простота — признак недостатка амбиций.

Майя смотрела на него.

— А потом кто-то написал вам об этом.

Леонардо поднял глаза.

Несколько секунд они молчали.

Затем он неожиданно улыбнулся.

— Довольно жестоким способом.

Майя опустила взгляд.

— Да.

Она выдержала паузу.

— Я бы написала эту статью иначе, если бы знала всё, что знаю сейчас.

Леонардо смотрел на неё.

— Но не отказались бы от основной мысли?

Она медленно покачала головой.

— Нет.

Он усмехнулся.

— Знаете, в вас есть что-то совершенно невозможное.

Майя улыбнулась.

— Мы снова возвращаемся к моей невыносимости?

— Нет.

Леонардо немного подался вперёд.

— К вашей честности.

Она растерялась.

Совсем немного.

Но он заметил.

— Иногда она раздражает меня до безумия, — продолжил он.

Майя рассмеялась.

— Взаимно.

— Но сегодня я впервые подумал, что, возможно, именно такой человек и нужен моей кухне.

Она посмотрела на него.

Не сразу найдя ответ.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Только не начинайте гордиться. Я ещё не решил, насколько долго смогу вас терпеть.

Майя рассмеялась.

— Не беспокойтесь. У меня аналогичные сомнения.

Он поднял чашку.

— Тогда за наше временное перемирие?

Она взяла свою.

— За профессиональное сотрудничество.

— Как скучно.

— Как безопасно.

Леонардо посмотрел на неё.

И улыбнулся.

— Майя, вы действительно считаете, что рядом со мной когда-нибудь будет безопасно?

Она почувствовала, как неожиданно ускорился пульс.

Несколько секунд выдерживала его взгляд.

Затем спокойно ответила:

— Я предпочитаю сама определять уровень допустимого риска.

Леонардо тихо рассмеялся.

— Вот за это я начинаю вас уважать.

Когда Майя вышла из столовой, Леонардо ещё некоторое время сидел неподвижно.

Перед ним стояла пустая чашка.

Он смотрел на закрывшуюся дверь.

И пытался понять, что именно произошло.

Ещё утром он был уверен, что эта женщина совершенно не понимает, какой ценой создаётся настоящее блюдо.

Теперь же знал обратное.

Она понимала.

Причём на уровне, который нельзя было получить только из книг, журналов и профессиональных дегустаций.

У неё была редкая способность чувствовать сочетания вкусов.

Но дело было даже не в этом.

Леонардо вспомнил, как Майя готовила.

Сначала осторожно.

Затем увереннее.

Как пробовала соус.

Как улыбнулась, когда наконец нашла нужный баланс.

И как неожиданно изменилась, рассказывая о семейной

кухне.

Он никогда не видел её такой.

Без профессиональной брони.

Без привычных остроумных ответов.

Без постоянной готовности защищаться.

Всего на несколько минут перед ним появилась другая Майя.

Более мягкая.

Более уязвимая.

И оттого почему-то ещё более притягательная.

Леонардо медленно выдохнул.

Не начинай.

Он прекрасно понимал, насколько опасным может оказаться интерес к женщине, с которой связан профессиональным контрактом.

Особенно к женщине, которая уже однажды стала причиной самых болезненных воспоминаний его жизни.

Но теперь существовала ещё одна неприятная истина.

Ему больше не хотелось видеть в Майе только прошлое.

Он хотел узнать её настоящее.

И это желание начинало казаться гораздо опаснее старой обиды.

Поздно вечером Майя получила сообщение.

От Леонардо.

«Я пересмотрел своё блюдо. Убрал чёрный чеснок и сократил копчёные компоненты. Завтра хочу попробовать но-

вую версию».

Она улыбнулась.

Ответила:

«Звучит разумно».

Через несколько секунд появилось новое сообщение.

«А ещё я сохранил ваш вариант. Хочу доработать технику и предложить его для сезонного меню».

Майя удивлённо выпрямилась.

Она перечитала сообщение.

Затем ещё раз.

«Вы серьёзно?»

Ответ:

«Я редко шучу, когда речь идёт о хорошей еде».

Она почувствовала необычайное волнение.

Не из-за перспективы увидеть своё блюдо в дорогом ресторане.

А потому, что человек, которого она считала самым непримиримым профессиональным противником, только что признал ценность её работы.

Не из вежливости.

Не ради красивого жеста.

А потому, что действительно оценил результат.

Майя долго смотрела на экран.

Потом написала:

«Благодарю, Леонардо. Для меня это многое значит».

На этот раз он ответил не сразу.

Прошло почти две минуты.

«Я заметил».

Майя замерла.

Затем появилось ещё одно сообщение.

«Однажды расскажете мне, почему перестали готовить?»

Она посмотрела на ночное море за окном.

В груди стало неожиданно тесно.

Майя медленно провела пальцами по экрану.

Набрала ответ.

Удалила.

Написала снова.

И наконец отправила:

«Возможно. Но не сегодня».

Ответ пришёл быстро.

«Хорошо. Я не тороплю».

Она улыбнулась.

Потом неожиданно почувствовала благодарность.

За отсутствие давления.

За то, что он не стал требовать объяснений.

За простое уважение к границе, которую она пока не была готова переступить.

Майя уже собиралась убрать телефон, когда экран снова засветился.

«И ещё, Майя».

Она насторожилась.

«Да?»

Несколько секунд.

Затем:

«Сегодня вы были великолепны».

Она замерла.

Долго смотрела на сообщение.

Потом медленно улыбнулась.

«Вы говорите о блюде?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Разумеется».

Майя тихо рассмеялась.

«В таком случае благодарю за профессиональную оценку».

Появились три точки.

Исчезли.

Появились снова.

И наконец:

«Спокойной ночи, Майя».

Она посмотрела на экран.

Затем написала:

«Спокойной ночи, Леонардо».

Телефон погас.

Но улыбка осталась.

В другом крыле виллы Леонардо стоял перед открытым окном.

Ночной ветер приносил запах моря и цветущих деревьев.

Внизу мерцали огни небольших лодок.

Он смотрел на телефон.

На последнюю строчку переписки.

«Спокойной ночи, Леонардо».

И вдруг рассмеялся.

Негромко.

Самому себе.

Потому что сегодня он проиграл.

Впервые за долгое время.

Проиграл спор.

Проиграл собственному упрямству.

Проиграл женщине, которая сумела доказать, что настоящий талант не всегда нуждается в профессиональных регалиях.

Но страннее всего было другое.

Это поражение не причиняло боли.

Напротив.

Впервые за много лет Леонардо чувствовал, что его профессиональная гордость стала немного легче.

Будто кто-то осторожно снял с плеч груз, который он привык считать неотъемлемой частью себя.

Он вспомнил вкус её блюда.

Нежную барабульку.

Тонкую горечь артишока.

Свежесть фенхеля.

Солоноватую глубину оливок.

И едва уловимую цитрусовую ноту, которая соединяла всё

в единое целое.

Это было не самое технически совершенное блюдо, которое он пробовал.

Но в нём было то, чего иногда не хватало даже работам знаменитых поваров.

Характер.

Память.

Искренность.

Леонардо медленно закрыл глаза.

Перед ним возникла Майя.

В белом поварском кителе.

С сосредоточенным лицом.

С маленькой складкой между бровями.

С той неожиданной улыбкой, которая появлялась, когда она находила нужное решение.

Он понял, что хотел бы увидеть её такой снова.

Не на светском вечере.

Не в красном платье.

Не за переговорным столом.

А рядом с собой на кухне.

Без споров о прошлом.

Без необходимости доказывать превосходство.

Просто готовящей.

И смеющейся.

Эта мысль оказалась настолько неожиданной, что Леонардо открыл глаза.

— Чёрт, — тихо произнёс он.

Потом посмотрел на море.

И впервые с момента встречи с Майей понял, что самая большая опасность заключается совсем не в её профессиональной честности.

Не в остром языке.

Не в способности безжалостно критиковать его работу.

А в том, что он постепенно начинал ждать её присутствия.

И всё чаще замечал отсутствие.

Он не хотел этого.

Не планировал.

Не собирался снова позволять кому-либо становиться настолько важным.

Но жизнь, как и хорошая кухня, редко подчинялась заранее написанным рецептам.

Леонардо усмехнулся.

Ещё утром он был уверен, что лучший способ защитить себя — держаться от Майи Савиньи как можно дальше.

А теперь думал о том, как завтра найти повод провести с ней больше времени.

Он медленно покачал головой.

Опасная женщина.

Не потому, что когда-то написала разгромную рецензию.

Не потому, что умела побеждать в спорах.

И даже не потому, что была красивой.

А потому, что рядом с ней он снова начинал чувствовать

себя человеком, которому хочется не только создавать.

Но и делиться созданным.

Он сделал последний глоток воды.

Выключил свет.

И направился в спальню.

Завтра их ждали новые задачи.

Новые дегустации.

Новые споры.

Но кое-что уже изменилось окончательно.

Леонардо Риччи больше не смотрел на Майю Савиньи как на врага.

Он смотрел на неё как на женщину, которую хотел понять.

А Майя, ещё не зная об этом, впервые за много лет позволила себе заснуть с мыслью не о работе.

А о мужчине.

И о том, каким неожиданно приятным оказался вкус его признания.

Иногда поражение становится началом самой важной победы.

ГЛАВА 6. ПОЛНОЧЬ НА КАПРИ

Италия. Остров Капри. Вторник.

У моря есть одна особенность: оно никогда не задаёт вопросов.

Ему безразлично, сколько денег лежит на твоём банковском счёте, сколько людей произносят твоё имя с восхище-

нием и какие ошибки ты совершил много лет назад.

Оно просто существует.

Принимает твои тайны, не требуя признаний.

Уносит слова, которые ты не решился произнести.

И иногда возвращает тебе то, что ты давно считал потерянным.

В ту ночь Майя Савиньи пришла к морю, чтобы побыть одной.

Леонардо Риччи — чтобы забыть о собственных мыслях.

Ни один из них не предполагал, что именно там, среди тёмных скал и серебристых волн, начнётся разговор, который изменит всё.

День начался с опоздавшей поставки.

Потом сломался холодильный шкаф.

А к полудню выяснилось, что один из главных поставщиков рыбы не сможет обеспечить необходимый объём продукции к следующей дегустации.

К трём часам Леонардо Риччи был готов лично отправиться в Неаполь, найти виновных и объяснить каждому, что именно он думает об их профессионализме.

Причём исключительно на итальянском.

И с использованием выражений, которым его мать никогда не обрадовалась бы.

— Нет, — произнёс он в телефон. — Вы меня не поняли. Мне не нужна замороженная рыба. Мне нужна свежая барабулька.

Он выслушал ответ.

Закрыл глаза.

Медленно вдохнул.

— Синьор Бенедетти, я прекрасно понимаю, что море не подчиняется расписанию. Но вы обещали поставку вчера, а сообщили об изменении только сегодня утром.

Пауза.

— Нет. Это не вопрос денег.

Ещё одна пауза.

— Разумеется, я понимаю, что вы не можете заставить рыбу прыгать в лодку.

Алессандро, стоявший у соседнего стола, едва заметно улыбнулся.

Леонардо бросил на него взгляд.

Тот немедленно сосредоточился на зелени.

— Хорошо, — продолжил Леонардо уже спокойнее. — Завтра утром сообщите, что действительно удалось выловить. Не заменяйте продукт без согласования. Мы скорректируем меню.

Он завершил звонок.

Положил телефон на стол.

И несколько секунд смотрел на него с выражением человека, которому только что предложили добровольно отказаться от собственной профессии.

— Проблемы? — раздался знакомый голос.

Леонардо поднял голову.

В дверях стояла Майя.

Сегодня она была в светлых брюках, простой белой рубашке и мягких кожаных туфлях. Волосы собраны в низкий хвост. В руках — планшет и папка с рабочими материалами.

Никаких гранатовых платьев.

Никаких светских улыбок.

И всё же Леонардо с раздражением обнаружил, что ему приятно её видеть.

— Исключительно приятные новости, — ответил он. — Поставщик предлагает заменить свежую рыбу замороженной.

Майя прошла к столу.

— На какое мероприятие?

— На пятничную дегустацию.

— Сколько гостей?

— Восемь.

— А какая рыба доступна сейчас?

Леонардо посмотрел на неё.

— Вы собираетесь предложить мне несколько вариантов из ближайшего супермаркета?

— Я собираюсь выяснить, существует ли проблема, прежде чем начну разделять ваше возмущение.

Алессандро отвернулся к раковине.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Доброе утро, Майя.

Она посмотрела на часы.

— Уже почти полдень.

— Значит, утро действительно не задалось.

Майя положила планшет на стол.

— Давайте по порядку. Нам нужна именно барабулька или рыба с определёнными характеристиками?

Леонардо перестал улыбаться.

— Объясните.

— Если главное — нежная текстура, выраженный собственный вкус и возможность сохранить кожу хрустящей, возможно, у нас есть альтернатива.

— Есть.

— Тогда почему мы обсуждаем это так, словно пятничный ужин уже отменён?

Леонардо посмотрел на неё.

Затем неожиданно рассмеялся.

— Знаете, ещё неделю назад я бы решил, что вы снова пытаетесь объяснить мне мою работу.

— А сейчас?

Он задумался.

— Сейчас, к сожалению, подозреваю, что вы просто правы.

Майя изобразила удивление.

— Записать это в протокол?

— Даже не думайте.

Она улыбнулась.

И Леонардо почувствовал, как раздражение от неудачного

утра постепенно отступает.

Невыносимая женщина.

Он уже почти привык к этой мысли.

Но теперь она всё чаще звучала в его голове с совершенно другой интонацией.

К двум часам проблему с поставками удалось решить.

Вместо того чтобы искать дорогую замену у посредников, команда договорилась с двумя небольшими местными рыболовецкими хозяйствами о ежедневном подтверждении доступного улова.

Леонардо предложил сделать некоторые рыбные блюда частью сезонного меню, меняющегося в зависимости от того, что действительно доступно.

Майя поддержала идею.

— Это даже лучше, — заметила она, когда они сидели над обновлённой концепцией.

— Чем?

— Чем пытаться ежедневно воспроизводить одни и те же блюда независимо от сезона и погоды.

Леонардо кивнул.

— Согласен.

Майя подняла глаза.

— Вы сегодня подозрительно часто со мной соглашаетесь.

— Не привыкайте.

— Поздно. Уже начинаю.

Он усмехнулся.

Они продолжили работу.

Но к вечеру усталость стала ощутимой.

Архитектор потребовал срочно согласовать размещение дополнительного оборудования.

Финансовый директор попросил пересчитать стоимость нескольких дегустационных программ.

Маттео сообщил о новом запросе инвесторов.

А затем обнаружилось, что часть винной карты требует пересмотра из-за ограничений по хранению.

К семи часам Майя почувствовала, что больше не способна видеть таблицы.

Она закрыла ноутбук.

Откинулась на спинку кресла.

И медленно выдохнула.

— Всё. На сегодня достаточно.

Камилла, присутствовавшая на видеосвязи, посмотрела на неё с подозрением.

— Ты заболела?

Майя нахмурилась.

— Почему?

— Ты только что добровольно решила закончить работу до полуночи.

— Я умею отдыхать.

Камилла расхохоталась.

— Конечно. А я — балерина Большого театра.

Майя улыбнулась.

— Очень смешно.

— Серьёзно, как ты?

Она немного помолчала.

— Устала.

— Только?

— А чего ты ожидала?

Камилла внимательно посмотрела на неё.

— Ты какая-то другая.

Майя отвела взгляд.

— Возможно, это итальянский воздух.

— Или итальянский шеф-повар?

— Камилла.

— Всё, молчу.

Но через мгновение добавила:

— Он сегодня снова тебя раздражал?

Майя задумалась.

Вспомнила утренний разговор.

Его недовольство поставщиками.

То, как он всё-таки согласился изменить первоначальный план.

Как рассмеялся, услышав её замечание.

Как неожиданно спокойно отнёсся к предложениям команды.

— Нет, — ответила она.

Камилла замолчала.

— Что?

— Сегодня нет.

— Майя…

— Не начинай.

— Ты понимаешь, что это тревожный симптом?

— Я заканчиваю разговор.

— Подожди! Последний вопрос.

Майя закатила глаза.

— Какой?

— Ты сегодня улыбалась из-за него?

Она открыла рот.

Закрыла.

И неожиданно поняла, что не знает, как ответить.

Камилла увидела её выражение.

Медленно улыбнулась.

— О господи.

— Спокойной ночи, Камилла.

Майя отключила связь.

Потом ещё несколько секунд смотрела на чёрный экран.

— Никаких симптомов, — пробормотала она. — Просто нормальное профессиональное взаимодействие.

Но собственные слова почему-то прозвучали неубедительно.

В девять вечера Майя сидела в ресторане резиденции почти одна.

Основная часть персонала уже закончила работу.

На дальнем конце террасы несколько сотрудников готови-

ли пространство к завтрашнему мероприятию.

Перед ней стояла тарелка с лёгким ужином.

Она почти не ела.

Не потому, что блюдо было плохим.

Напротив.

Свежие овощи, оливковое масло, тёплый хлеб и нежный сыр были именно тем, что требовалось после долгого дня.

Но её мысли находились далеко.

Утром пришло сообщение от отца.

«Майя, я нашёл старую коробку с фотографиями. Среди них несколько снимков мамы. Если хочешь, отправлю».

Она прочитала его ещё до завтрака.

Но так и не ответила.

Не потому, что не хотела видеть фотографии.

Наоборот.

Хотела слишком сильно.

И боялась того, что они вернут.

Майя взяла телефон.

Открыла переписку.

Посмотрела на сообщение.

Затем медленно набрала:

«Отправь, папа. Я буду рада».

Палец остановился над кнопкой.

Она почувствовала знакомое напряжение в груди.

То самое, которое возникало каждый раз, когда прошлое неожиданно появлялось в настоящем.

Майя удалила текст.

Закрыла телефон.

И взяла стакан воды.

Позже.

Она ответит позже.

Когда будет готова.

Хотя за четырнадцать лет так и не научилась определять, что именно означает эта готовность.

К одиннадцати тридцати Майя поняла, что уснуть не получится.

Она лежала в просторной постели, смотрела на потолок и слушала шум кондиционера.

За окнами царила тёплая южная ночь.

Луна освещала море.

Издалека доносились приглушённые голоса.

Майя повернулась на другой бок.

Закрыла глаза.

Вновь открыла.

Потом решительно откинула одеяло.

— Хватит.

Она надела лёгкое льняное платье молочного оттенка, удобные сандалии и взяла тонкую кофту.

Волосы оставила распущенными.

Телефон положила в небольшой карман платья.

Прежде чем выйти, посмотрела на часы.

Одиннадцать сорок две.

Слишком поздно для прогулки?

Возможно.

Но с балкона она уже несколько дней замечала небольшую бухту под виллой.

Туда вела узкая каменная лестница, проходившая через сад.

Днём пляж казался почти сказочным: светлая галька, прозрачная вода и высокие скалы, защищавшие бухту от ветра.

Вечером там не было ни души.

Майя решила, что пятнадцать минут у моря помогут привести мысли в порядок.

Она вышла из апартаментов.

Коридоры виллы были пусты.

Лишь редкие настенные светильники освещали каменные стены.

Внизу, возле служебного входа, дежурил ночной сотрудник охраны.

— Доброй ночи, синьорина Савиньи.

— Доброй. Скажите, к нижней бухте можно спуститься?

Мужчина кивнул.

— Да, но после одиннадцати нижняя калитка закрывается. Я открою её и оставлю проход доступным, пока вы гуляете. Только не подходите близко к воде — сегодня довольно сильный прибой.

— Спасибо. Я ненадолго.

— Возьмите фонарь. На последних ступенях темно.

Он протянул ей небольшой карманный фонарь.

Майя поблагодарила его.

И направилась через сад.

Ночная Италия пахла иначе, чем дневная.

Солнце больше не нагревало каменные стены.

Лимонные деревья отбрасывали длинные тени.

Жасмин источал глубокий, почти дурманящий аромат.

Под ногами тихо шуршала галька.

Майя спускалась по лестнице, придерживаясь за старинные перила.

Чем ближе становилось море, тем громче звучали волны.

Наконец лестница закончилась.

Перед ней открылся маленький пляж.

С одной стороны его защищала высокая скала.

С другой — тёмные камни, за которыми исчезала узкая полоска берега.

Вода была почти чёрной.

Лишь лунный свет оставлял на поверхности длинную серебристую дорожку.

Майя остановилась.

Несколько секунд просто смотрела.

Затем медленно выдохнула.

Здесь не было ни рабочих таблиц, ни телефонных звонков, ни необходимости принимать решения.

Только море.

И она сама.

Майя сняла сандалии.

Осторожно прошла по прохладной гальке.

Остановилась на безопасном расстоянии от воды.

И присела на большой плоский камень.

Волны мягко набегали на берег.

Отступали.

Возвращались снова.

Майя закрыла глаза.

Ей вдруг вспомнилось детство.

Мать.

Летняя кухня.

Большой стол.

Тёплые руки, пахнущие лимонной цедрой и ванилью.

И смех.

Такой живой, что на мгновение Майе показалось, будто она снова слышит его.

Она резко открыла глаза.

Посмотрела на море.

И почувствовала, как неприятно сжалось горло.

— Мам…

Слово сорвалось с губ почти беззвучно.

Майя опустила голову.

Не заплакала.

Она давно научилась удерживать слёзы.

Но иногда именно это умение казалось ей самым тяжёлым из всех приобретённых навыков.

— Не лучшее место для прогулки в одиночестве.

Голос прозвучал за спиной.

Майя резко обернулась.

Сердце ударило так сильно, что на секунду перехватило дыхание.

На нижней ступени лестницы стоял Леонардо.

В тёмной футболке, светлых льняных брюках и сандалиях.

В руках он держал небольшую бутылку воды.

Волосы были растрёпаны.

Лицо — уставшим.

И совершенно не похожим на то непроницаемое выражение, с которым он обычно появлялся на рабочих встречах.

— Господи, Риччи!

Он остановился.

— Простите. Не хотел вас напугать.

Майя прижала ладонь к груди.

— У вас удивительный талант появляться именно тогда, когда вас меньше всего ожидают.

Леонардо посмотрел на море.

— Вообще-то я прихожу сюда почти каждый вечер.

— Прекрасно. Значит, я нарушила вашу частную традицию.

— Не драматизируйте.

Он сделал несколько шагов.

Затем остановился, заметив её босые ноги.

— Осторожнее с камнями. Здесь встречаются острые края.

— Я уже заметила.

Леонардо посмотрел на неё внимательнее.

— Всё в порядке?

Вопрос был простым.

Но почему-то Майя почувствовала, как снова сжалось горло.

Она быстро отвернулась.

— Да.

Он выдержал паузу.

— Хорошо.

Не стал приближаться.

Не начал задавать новые вопросы.

Просто остановился в нескольких метрах.

Майя слушала волны.

И неожиданно поняла, что ей не хочется, чтобы он уходил.

Это было совершенно нелогично.

Ещё несколько дней назад она с удовольствием провела бы целый вечер без его общества.

Теперь же его присутствие почему-то делало ночную бухту уютнее.

Леонардо слегка наклонил голову.

— Я могу уйти, если вы хотели побыть одна.

Майя посмотрела на него.

Несколько секунд молчала.

Затем тихо ответила:

— Необязательно.

Он едва заметно улыбнулся.

— Весьма любезно.

— Только не начинайте спорить.

— Даже не собирался.

— Не верю.

— Тогда можете считать это первым чудом сегодняшней ночи.

Майя невольно улыбнулась.

Леонардо подошёл к другому камню и сел, оставив между ними достаточно места.

Несколько минут они молчали.

И впервые за всё время знакомства это молчание не требовало объяснений.

— Знаете, что самое странное? — неожиданно спросила Майя.

Леонардо повернул голову.

— Что именно?

— За последние несколько дней я слышала ваш голос чаще, чем голоса всех остальных людей вместе взятых.

Он усмехнулся.

— И всё ещё не привыкли?

— Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Потому что каждый раз вы находите новый способ вы-

вести меня из равновесия.

Леонардо посмотрел на неё с притворной серьёзностью.

— Разве сегодня я сделал что-то ужасное?

Майя задумалась.

— Сегодня нет.

— Потрясающе. Начинаю исправляться.

Она улыбнулась.

— Не переоценивайте собственные достижения.

Леонардо тихо рассмеялся.

Потом откинулся назад, опираясь ладонями о камень.

— Здесь совсем другой мир, — произнёс он.

Майя посмотрела на бухту.

— Да.

— Днём остров словно принадлежит всем. Туристам, ресторанам, яхтам, фотографам. А ночью становится таким, каким был задолго до всего этого.

— Вы часто приходите сюда?

— Когда не могу уснуть.

— То есть почти каждую ночь?

Леонардо повернулся.

— Почему вы так решили?

Майя слегка пожала плечами.

— Вы слишком много работаете. Постоянно пьёте кофе. И иногда выглядите так, будто спали не больше трёх часов.

Он улыбнулся.

— Вы очень внимательная женщина.

— Профессиональная привычка.

— Разумеется.

Леонардо немного помолчал.

— А вы почему не спите?

Майя посмотрела на воду.

— Слишком много мыслей.

— О работе?

— Не только.

Он кивнул.

И ничего больше не спросил.

Майя ожидала очередного остроумного замечания.

Но его не последовало.

Она неожиданно почувствовала, насколько непривычно общаться с Леонардо, когда ему не нужно ни спорить, ни защищаться.

В дневном свете он словно постоянно находился в состоянии готовности.

К чужим замечаниям.

К ошибкам.

К необходимости принимать решения.

Здесь же сидел почти неподвижно, наблюдая за морем.

И в этой непривычной спокойности было что-то притягательное.

— Можно задать вопрос? — произнесла она.

— Конечно.

— Почему вы так любите это место?

Леонардо задумался.

— Потому что здесь никто ничего от меня не ждёт.

Майя повернулась.

— Разве это возможно?

Он улыбнулся.

— На этом пляже? Вполне.

— И что вы здесь делаете?

— Иногда думаю. Иногда пытаюсь перестать думать.

— Получается?

— Не всегда.

Он взял маленький камешек, повертел между пальцами и положил обратно.

— В детстве мы жили недалеко от Сорренто. Дом стоял на холме. До моря приходилось спускаться почти двадцать минут.

Майя заинтересованно посмотрела на него.

— Вы часто ходили туда?

— Каждый день, если мать разрешала.

— А если не разрешала?

Он усмехнулся.

— Тогда тоже. Просто возвращался позже.

Майя рассмеялась.

— Не сомневалась.

Леонардо улыбнулся воспоминанию.

— Отец работал в небольшой мастерской. Ремонтировал лодочные двигатели. Мать готовила для всей семьи, соседей

и любого человека, который случайно оказывался рядом с нашим домом в обеденное время.

— Похоже, у вас было прекрасное детство.

Он задумался.

— Не идеальное. Денег постоянно не хватало. Родители ссорились. Мы с сестрой дрались из-за последнего кусочка пирога.

— Но вы были счастливы?

Леонардо посмотрел на море.

— Думаю, да.

Майя улыбнулась.

— Вы говорите об этом так, словно только сейчас начинаете понимать.

Он кивнул.

— Возможно, так и есть.

Несколько секунд они молчали.

Потом Леонардо повернулся к ней.

— А ваше детство?

Майя опустила глаза.

— Тоже было счастливым.

— До определённого момента?

Она вздрогнула.

Не из-за самого вопроса.

Из-за того, насколько точно он уловил недосказанное.

— Да, — ответила она.

Леонардо заметил перемену.

— Простите. Не хотел…

— Всё нормально.

Она немного помолчала.

Затем неожиданно спросила:

— Леонардо, можно мы сегодня не будем разговаривать как деловые партнёры?

Он посмотрел на неё.

— А как?

Майя чуть улыбнулась.

— Как два обычных человека, которым просто не спится.

Его лицо смягчилось.

— Мне нравится эта идея.

— Тогда никаких официальных обращений.

— И никаких отчётов?

Она рассмеялась.

— Особенно отчётов.

Леонардо протянул руку.

— Договорились.

Майя посмотрела на его ладонь.

Потом вложила в неё свою.

— Договорились.

Он задержал рукопожатие всего на мгновение.

И отпустил.

Но почему-то после этого маленького жеста расстояние между ними стало ощущаться иначе.

Полночь наступила незаметно.

На экране телефона Майи сменились цифры.

00:00.

Она взглянула на них.

— Уже новый день.

Леонардо посмотрел на часы.

— Значит, у нас есть возможность начать всё с чистого листа.

Майя усмехнулась.

— С тобой это звучит почти угрожающе.

Он рассмеялся.

— Постараюсь быть осторожнее.

Она помолчала.

Затем тихо спросила:

— А ты вообще умеешь начинать с чистого листа?

Леонардо повернулся.

— В каком смысле?

— Оставлять прошлое там, где ему место.

Он не ответил сразу.

Потому что прекрасно понял, о чём она спрашивает.

Париж.

L'Origine.

Nocturne.

Между ними снова возникла знакомая тень.

Но на этот раз Леонардо не почувствовал привычного желания защищаться.

Он посмотрел на море.

— Не всегда.

Майя кивнула.

— Я тоже.

— Правда?

Она слабо улыбнулась.

— Ты удивлён?

— Немного. Иногда мне кажется, что ты умеешь контролировать абсолютно всё.

Майя рассмеялась.

Но смех получился коротким.

— Это впечатление обманчиво.

Леонардо внимательно посмотрел на неё.

— Хочешь рассказать?

Она опустила глаза.

Несколько секунд молчала.

Затем произнесла:

— В двадцать лет я собиралась стать поваром.

Леонардо не пошевелился.

Он уже знал об этой мечте.

Но чувствовал: сейчас Майя впервые готова рассказать, почему отказалась от неё.

— Я получила место на престижной кулинарной программе в Лионе, — продолжила она. — У меня были планы, которые казались совершенно реальными. Сначала учёба. Потом стажировка. Возможно, работа за границей.

Она улыбнулась.

— Я даже представляла собственный ресторан.

— Какой?

Майя посмотрела на него.

— Маленький.

Он усмехнулся.

— Неожиданно.

— Почему?

— Ты производишь впечатление женщины, которая предпочитает масштабные проекты.

— Сейчас — возможно.

Она посмотрела на море.

— Но тогда я хотела небольшое место, всего на пятнадцать или двадцать человек. Без сложных интерьеров. С открытой кухней и огромным деревянным столом.

Леонардо заинтересованно наклонил голову.

— Один общий стол?

— Возможно. Или несколько маленьких. Главное, чтобы люди приходили туда не просто поесть.

— А зачем?

Она улыбнулась.

— Чтобы почувствовать себя дома.

Леонардо молчал.

— Я хотела, чтобы меню менялось каждый день, — продолжила Майя. — Чтобы утром можно было пойти на рынок, выбрать продукты и только потом решить, что готовить.

Она немного помолчала.

— Мама говорила, что это ужасная бизнес-модель.

Леонардо рассмеялся.

— Она была права.

— Знаю.

— И что ты ей отвечала?

— Что настоящая любовь не обязана быть прибыльной.

Он улыбнулся.

— Романтично.

Майя тихо рассмеялась.

— Очень. Особенно для девушки, которая тогда совершенно ничего не понимала в финансах.

Они помолчали.

Потом Леонардо спросил:

— А твоя мама?

Майя опустила голову.

— Она умерла.

Два слова.

Простых.

Почти будничных.

Но Леонардо почувствовал, как изменился воздух между ними.

Он медленно повернулся.

— Мне очень жаль.

Майя кивнула.

— Спасибо.

Он не стал спрашивать подробностей.

Но она продолжила сама.

— Мне было двадцать. Младшей сестре — двенадцать. Мама была ещё совсем молодой. Ей исполнилось сорок девять.

Майя провела ладонью по колену.

— Она умерла после внезапного кровоизлияния в мозг. Всё произошло так быстро, что мы даже не успели понять, насколько это серьёзно.

Леонардо молчал.

— За несколько дней до этого она помогала мне готовиться к переезду в Лион. Мы спорили о том, сколько вещей нужно взять. Она хотела положить в чемодан какую-то нелепую старую сковороду.

Майя неожиданно улыбнулась сквозь подступившие слёзы.

— Представляешь? Огромную тяжёлую сковороду. Убеждала, что ни одна профессиональная кухня не заменит вещь, на которой тебя научили готовить.

Леонардо чуть улыбнулся.

— Хорошая женщина.

— Лучшая.

Майя опустила взгляд.

— А потом её не стало.

Волна мягко разбилась о камни.

Отступила.

Вернулась снова.

— Отец словно исчез, хотя продолжал жить рядом с нами, — произнесла она. — Он вставал утром, ходил на работу, возвращался домой. Но больше почти ни с кем не разговаривал.

— А сестра?

— Лея. Она перестала спать одна. Каждую ночь приходила ко мне. Иногда плакала. Иногда просто лежала рядом.

Майя медленно выдохнула.

— Я не смогла уехать.

Леонардо посмотрел на неё.

— Ты отказалась от учёбы?

— Да.

— Совсем?

— Сначала думала, что на год. Потом ещё на один. А потом жизнь уже пошла по другому пути.

Она подняла глаза к луне.

— Я работала, помогала отцу, заботилась о Лее. Позже поступила на другую программу, начала писать о гастрономии, получила стажировку в журнале.

— И стала Nocturne.

Майя посмотрела на него.

В его голосе не было насмешки.

Она кивнула.

— Да.

Леонардо немного помолчал.

— Но почему ты перестала готовить? Ведь можно было

продолжать хотя бы дома.

Майя долго не отвечала.

Потом тихо произнесла:

— Потому что кухня стала местом, где мамы больше не было.

Леонардо опустил взгляд.

— Я не могла выносить запах некоторых продуктов, — продолжила она. — Лимонной цедры. Поджаренного миндаля. Свежего хлеба.

Её голос дрогнул.

— Всё это напоминало о ней. О том, как она стояла возле плиты. Как пробовала соус прямо с деревянной ложки. Как всегда оставляла для меня самый красивый кусочек пирога.

Майя замолчала.

Несколько секунд смотрела на собственные руки.

— Самое страшное, знаешь, что?

Леонардо тихо ответил:

— Что?

Она подняла на него глаза.

— Со временем я начала забывать её голос.

Эта фраза прозвучала почти шёпотом.

— Я помню, как она смеялась. Помню её руки. Помню запах духов. Но иногда пытаюсь представить, как именно звучал её голос, и не могу.

Слеза медленно скатилась по щеке.

Майя быстро стёрла её.

— Глупо, правда?

— Нет.

Он ответил сразу.

Без колебаний.

Майя посмотрела на него.

Леонардо продолжил:

— Совсем не глупо.

Она слабо улыбнулась.

— Я много лет убеждала себя, что однажды вернусь к готовке. Что снова начну получать от неё удовольствие.

— И не получилось?

— До вчерашнего дня — нет.

Леонардо замер.

— До вчерашнего?

Майя кивнула.

— Когда ты заставил меня приготовить блюдо.

Он смотрел на неё.

— Я не знал.

— Конечно, не знал.

Она тихо рассмеялась.

— Ты просто хотел поставить меня на место.

Леонардо опустил голову.

— Да.

Честность ответа удивила её.

Он продолжил:

— Я был зол. Ты сказала, что моё блюдо не работает, и

я решил доказать, что критиковать всегда проще, чем создавать.

— И немного просчитался.

Он улыбнулся.

— Значительно.

Майя рассмеялась сквозь слёзы.

Леонардо посмотрел на неё с неожиданной нежностью.

— Когда ты готовила, — произнёс он, — я видел, что это значит для тебя больше, чем обычный профессиональный спор.

Она кивнула.

— На какое-то время я забыла обо всём. О работе. О контрактах. О том, почему вообще оказалась здесь.

Майя посмотрела на море.

— Я просто готовила. И вдруг почувствовала себя счастливой.

Леонардо медленно выдохнул.

— Хорошо.

Она повернулась.

— Что?

Он улыбнулся.

— Хорошо, что ты снова это почувствовала.

Майя смотрела на него.

И в этот момент поняла, что он действительно рад.

Не потому, что победил в споре.

Не потому, что оказался прав.

А потому, что она рассказала ему о чём-то важном.

И он смог это услышать.

Некоторое время они сидели молча.

Майя постепенно успокоилась.

Слёзы высохли.

Дыхание выровнялось.

Леонардо не пытался её утешать красивыми фразами.

Не давал советов.

Не предлагал немедленно изменить жизнь.

Просто оставался рядом.

И это оказалось удивительно ценным.

— Знаешь, — наконец произнесла она, — я почти никому об этом не рассказываю.

Он повернул голову.

— Почему?

— Не люблю, когда люди начинают смотреть на меня иначе.

— Как именно?

Майя задумалась.

— С жалостью. Или осторожностью. Словно любое слово может меня разрушить.

Леонардо кивнул.

— Понимаю.

Она посмотрела на него.

— Правда?

— Да.

Он помолчал.

— После закрытия L'Origine со мной начали разговаривать точно так же.

Майя замерла.

Леонардо медленно провёл ладонью по камню.

— Раньше люди спрашивали, над чем я работаю. Какое блюдо готовлю. Какие планы строю. После Парижа разговоры стали другими.

— Какими?

Он усмехнулся.

— «Как ты держишься, Лео?», «Надеюсь, скоро всё наладится», «Не переживай, у тебя ещё будут возможности».

Майя молчала.

— Я понимаю, что они хотели помочь. Но каждый такой разговор напоминал: теперь меня видят не человеком, который что-то создал, а человеком, который всё потерял.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Для тебя это действительно было настолько тяжело?

Леонардо повернулся.

— Тяжелее, чем я ожидал.

Он немного помолчал.

Потом добавил:

— Тяжелее любого расставания, которое мне довелось пережить.

Майя удивлённо подняла глаза.

— Серьёзно?

— Да.

— Почему?

Он задумался.

— Когда заканчиваются отношения, ты теряешь человека. Иногда — будущее, которое с ним представлял. Это ужасно, но со временем начинаешь понимать, как жить дальше.

Леонардо посмотрел на море.

— А когда закрылся ресторан, мне казалось, что я потерял самого себя.

Майя не перебивала.

— Всё, что я делал последние годы, было связано с L'Origine. Я просыпался с мыслями о меню. Засыпал с мыслями о поставках, сотрудниках, гостях. Даже когда проводил время с женщиной, думал о кухне.

Он усмехнулся.

— Неудивительно, что мои отношения редко заканчивались хорошо.

Майя чуть улыбнулась.

— Ты был настолько невыносим?

— Гораздо хуже, чем сейчас.

— Не представляю.

Он рассмеялся.

Потом снова стал серьёзным.

— Когда ресторан закрылся, я проснулся на следующее утро и не понял, зачем вставать.

Майя почувствовала, как сжалось сердце.

— Леонардо…

— Нет, я не собирался причинять себе вред, — спокойно сказал он, заметив её выражение. — Просто впервые в жизни у меня не было плана.

Он опустил глаза.

— Не было кухни, где меня ждут. Команды. Списка задач. Даже привычных проблем.

Майя молчала.

— Я думал, что не смогу вернуться к работе. Что всё, чего добился, оказалось случайностью.

Он немного помолчал.

— Но хуже всего было другое.

— Что?

Леонардо повернулся к ней.

— Я начал сомневаться, действительно ли умею готовить.

Майя смотрела на него.

Не веря, что слышит эти слова от человека, известного своей почти болезненной профессиональной уверенностью.

— Ты?

Он усмехнулся.

— Представь себе.

— Но ты же…

— Что? Талантливый? Известный? Упрямый?

— Всё сразу.

Леонардо тихо рассмеялся.

— Знаешь, Майя, иногда самые уверенные люди боятся

собственных неудач сильнее остальных.

Она задумалась.

— Потому что привыкли быть лучшими?

— Потому что не знают, кем являются, если перестают ими быть.

Эта фраза неожиданно заставила её опустить глаза.

Леонардо продолжил:

— Мне понадобилось много времени, чтобы понять одну простую вещь. Я не перестал быть поваром, когда потерял ресторан.

— А когда понял?

Он улыбнулся.

— Когда моя мать выгнала меня с кухни за то, что я пытался приготовить идеальную пасту.

Майя рассмеялась.

— Ты уже рассказывал.

— И буду рассказывать ещё. Это была одна из немногих ситуаций, когда она оказалась абсолютно права, а я — совершенно бесполезен.

Майя покачала головой.

— Хотела бы я познакомиться с твоей мамой.

— Она бы тебе понравилась.

— Не уверена. Возможно, она тоже сочла бы меня невыносимой.

Леонардо посмотрел на неё.

И неожиданно улыбнулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она всегда любила женщин, которые не боятся спорить с мужчинами.

Майя рассмеялась.

— Тогда, возможно, мы действительно нашли бы общий язык.

— Не сомневаюсь.

Он немного помолчал.

— Хотя, если честно, я бы предпочёл не знакомить вас слишком рано.

Майя удивилась.

— Почему?

Леонардо усмехнулся.

— Потому что вы объединитесь против меня.

Она громко рассмеялась.

И в этот момент последние остатки тяжести постепенно растворились в ночном воздухе.

— Можно спросить кое-что ещё? — произнесла Майя.

Леонардо повернулся.

— Сегодня у нас вечер вопросов?

— Кажется, да.

— Тогда спрашивай.

Она задумалась.

— Ты до сих пор ненавидишь автора той рецензии?

Он медленно отвёл взгляд.

Вопрос прозвучал спокойно.

Но оба понимали, насколько он важен.

Майя не стала его смягчать.

Не попыталась улыбнуться.

Просто ждала ответа.

Леонардо долго смотрел на море.

Потом тихо произнёс:

— Не знаю.

Она кивнула.

— Честно.

— Ты хотела честный ответ.

— Да.

Он немного помолчал.

— Иногда мне кажется, что я всё давно оставил позади. А потом вспоминаю, как сотрудники стояли в зале в последний день. И снова злюсь.

Майя опустила глаза.

Леонардо повернулся к ней.

— Но теперь я понимаю, что злился не только на тебя.

Она подняла взгляд.

— А на кого ещё?

— На себя.

Он усмехнулся.

— На инвесторов. На собственную самоуверенность. На то, что не замечал финансовых проблем, пока они не стали почти неразрешимыми.

Майя слушала, не перебивая.

— Твоя статья не создала эти проблемы, — продолжил он. — Но сделала их публичными. И мне было проще ненавидеть человека, написавшего несколько страниц, чем признать, что я сам допустил множество ошибок.

Она почувствовала, как перехватило дыхание.

Леонардо смотрел прямо на неё.

— Это не означает, что я забыл, насколько болезненной была публикация.

— Я понимаю.

— Но я больше не хочу всю жизнь спорить с женщиной, которая существует только в моих воспоминаниях.

Майя нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Он чуть улыбнулся.

— Nocturne.

Она замерла.

Леонардо продолжил:

— Я ненавидел Nocturne. Человека без лица, который написал статью и исчез.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Но ты не только Nocturne, Майя.

Майя молчала.

— Ты женщина, которая смеётся над моими шутками, даже когда пытается этого не показывать. Которая способна спорить о температуре соуса сорок минут. Которая замечает

ошибки там, где другие видят красивую тарелку.

Он немного помолчал.

— И которая вчера приготовила блюдо, заставившее меня вспомнить, почему я вообще полюбил свою профессию.

Майя почувствовала, как к горлу подступает неожиданное волнение.

— Леонардо…

— Я не говорю, что всё прошло.

Он мягко остановил её.

— И не прошу считать, что между нами больше нет сложных вопросов.

Майя кивнула.

— Но?

Леонардо посмотрел на море.

Потом снова на неё.

— Но я хочу узнать тебя. Настоящую. Без старой статьи между нами.

Несколько секунд Майя не могла произнести ни слова.

Ей хотелось ответить чем-нибудь остроумным.

Скрыться за привычной иронией.

Сказать, что ему понадобится отдельный контракт.

Или что профессиональное знакомство уже давно идёт полным ходом.

Но впервые все эти ответы показались ей совершенно неуместными.

Она просто посмотрела на него.

И тихо произнесла:

— Я тоже хочу узнать тебя.

Леонардо улыбнулся.

Не своей привычной самоуверенной улыбкой.

Другой.

Спокойной.

Почти благодарной.

— Тогда, возможно, мы не так безнадёжны.

Майя рассмеялась.

— Не торопись с выводами, Риччи.

Он тоже улыбнулся.

— Вот теперь узнаю тебя.

Они просидели у моря ещё почти полчаса.

Разговор постепенно стал легче.

Майя рассказывала о младшей сестре, которая теперь жила в Лионе и работала в архитектурной студии.

Леонардо — о собственной сестре Софии, двух её маленьких сыновьях и семейных ужинах, на которых ему категорически запрещали вмешиваться в приготовление еды.

— Почему? — удивилась Майя.

Он рассмеялся.

— Потому что однажды я решил усовершенствовать мамину лазанью.

— О нет.

— Именно.

— И что произошло?

— Мать выдала мне деревянную ложку и велела приготовить отдельную порцию для себя, если я такой умный.

Майя рассмеялась.

— И ты приготовил?

— Разумеется.

— Получилось лучше?

Леонардо задумался.

— Технически — возможно.

— А на вкус?

Он улыбнулся.

— Материнская была вкуснее.

Майя рассмеялась ещё громче.

— Наконец-то мы нашли человека, который способен победить Леонардо Риччи на кухне.

— Не рассказывай об этом журналистам.

— Поздно. Я уже готовлю разоблачительный материал.

Он усмехнулся.

— Под псевдонимом?

Майя замерла.

На долю секунды прежняя тревога вернулась.

Но Леонардо не выглядел злым.

Он просто смотрел на неё.

И Майя неожиданно поняла: впервые он произнёс это слово без горечи.

Она медленно улыбнулась.

— Возможно, теперь подпишусь собственным именем.

Леонардо кивнул.

— Мне оно нравится больше.

Майя отвела взгляд.

Почему-то именно эта простая фраза смутила её сильнее всех его предыдущих комплиментов.

Когда они решили возвращаться, было уже почти час ночи.

Майя поднялась с камня.

Осторожно надела сандалии.

Леонардо встал рядом.

— Замёрзла?

— Немного.

Он посмотрел на тонкое платье.

— Следовало взять что-нибудь теплее.

Майя приподняла бровь.

— Ты сейчас собираешься читать мне лекцию о правильном выборе одежды?

— Нет.

Он улыбнулся.

— Просто констатирую очевидное.

Она рассмеялась.

— Невероятное самообладание.

Они направились к лестнице.

На первых ступенях Майя остановилась, чтобы убрать волосы с лица.

Леонардо, шедший позади, заметил, что одна из кожаных

застёжек её сандалии расстегнулась.

— Подожди.

Она повернулась.

— Что?

Он указал вниз.

— Обувь.

Майя посмотрела.

— Чёрт.

Она наклонилась.

Пальцы немного дрожали от прохлады.

Застёжка никак не поддавалась.

Леонардо сделал шаг ближе.

— Помочь?

Майя подняла глаза.

На секунду перед ней возникло его лицо.

Совсем близко.

Тёмные глаза.

Мягкая улыбка.

Несколько растрёпанных прядей волос.

Она почувствовала неожиданное тепло.

— Нет, спасибо. Я справлюсь.

Он кивнул.

И отступил.

Майя застегнула сандалию.

Выпрямилась.

Они продолжили подъём.

Каменные ступени были узкими, а местами ещё влажными после вечернего полива сада.

Майя шла осторожно, придерживаясь за перила.

Леонардо не торопил её.

И почему-то это тоже казалось важным.

Он умел быть невыносимым.

Требовательным.

Резким.

Но сейчас не пытался ни руководить ею, ни контролировать каждое движение.

Просто шёл рядом.

Когда лестница вывела их к саду, Майя неожиданно остановилась.

— Леонардо.

Он повернулся.

— Да?

Она посмотрела на него.

Несколько секунд молчала.

Потом произнесла:

— Спасибо.

Он чуть нахмурился.

— За что?

— За сегодняшний вечер.

Леонардо улыбнулся.

— Я почти ничего не сделал.

Майя покачала головой.

— Именно.

Он смотрел на неё.

Не сразу понимая.

Она продолжила:

— Ты не пытался меня утешать. Не говорил, что я должна забыть прошлое. Не предлагал немедленно изменить свою жизнь.

Майя выдержала паузу.

— Просто слушал.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Иногда этого достаточно.

Она кивнула.

— Да.

И в этот момент между ними возникло что-то совершенно новое.

Не влечение, которое Майя ощутила в Монте-Карло.

Не профессиональное уважение, появившееся после вчерашней дегустации.

А доверие.

Хрупкое.

Ещё непривычное.

Но настоящее.

Они дошли до главной террасы виллы.

Большинство окон уже погасло.

Только в нескольких помещениях горел приглушённый свет.

В саду тихо стрекотали цикады.

Вода в небольшом фонтане мягко переливалась через каменную чашу.

Майя остановилась возле входа.

— Завтра у нас встреча с архитектором?

Леонардо рассмеялся.

— Майя.

— Что?

— Мы только что договорились хотя бы одну ночь не разговаривать о работе.

Она улыбнулась.

— Привычка.

— Очень вредная.

— Кто бы говорил.

Он кивнул.

— Справедливо.

Они замолчали.

Затем Леонардо неожиданно спросил:

— Можно ещё один вопрос?

Майя тихо рассмеялась.

— Похоже, наш вечер всё-таки превратился в интервью.

— Последний. Обещаю.

Она чуть наклонила голову.

— Хорошо.

Он посмотрел на неё серьёзно.

— Если бы у тебя была возможность снова стать поваром,

ты бы согласилась?

Майя замерла.

Вопрос оказался сложнее, чем она ожидала.

Она посмотрела на свои руки.

На тонкие пальцы.

На маленький шрам возле большого пальца, оставшийся после неудачной попытки самостоятельно приготовить карамель в пятнадцать лет.

Потом подняла глаза.

— Не знаю.

Леонардо кивнул.

— Честно.

— Но…

Она замолчала.

Он терпеливо ждал.

Майя неожиданно улыбнулась.

— Возможно, я бы попробовала.

Леонардо посмотрел на неё.

— Тогда попробуй.

Она рассмеялась.

— Вот так просто?

— Нет.

Он чуть улыбнулся.

— Скорее всего, будет трудно.

— Ты умеешь обнадёживать.

— Я предпочитаю говорить правду.

Майя посмотрела на него внимательнее.

Он продолжил:

— Тебе не обязательно менять профессию. Не обязательно открывать ресторан. И уж точно не обязательно доказывать что-то мне.

Он сделал короткую паузу.

— Но если тебе нравится готовить, почему бы иногда просто не готовить?

Майя задумалась.

Это было настолько простое предложение, что она даже не сразу поняла его смысл.

Никаких решений на всю жизнь.

Никаких грандиозных планов.

Никакой необходимости выбирать между карьерой и давно забытой мечтой.

Просто готовить.

Когда хочется.

Для себя.

Она медленно улыбнулась.

— Возможно, ты прав.

Леонардо приподнял бровь.

— Можно повторить?

Майя рассмеялась.

— Даже не думай.

Он улыбнулся.

— Жаль. Хотел сохранить этот момент для истории.

Она покачала головой.

— Спокойной ночи, Леонардо.

— Спокойной ночи, Майя.

Она направилась к двери.

Но через несколько шагов неожиданно остановилась.

Повернулась.

Он всё ещё стоял возле колонны.

— Леонардо?

— Да?

Майя немного помолчала.

— Я рада, что сегодня встретила тебя на пляже.

Леонардо смотрел на неё.

И на этот раз не стал прятаться за шуткой.

— Я тоже.

Она улыбнулась.

И скрылась за дверью.

Леонардо ещё долго стоял на террасе.

Ночной ветер шевелил листья оливковых деревьев.

Где-то вдалеке шумело море.

Он смотрел на закрывшуюся дверь.

И пытался понять, что именно изменилось за последние несколько часов.

Майя рассказала ему о матери.

О семье.

О мечте, которую пришлось оставить.

О боли, которую она столько лет прятала за профессио-

нальной уверенностью.

И он неожиданно почувствовал, насколько многое ещё не знает о женщине, с которой привык спорить по каждому поводу.

Она больше не казалась ему исключительно сильной.

Не потому, что оказалась слабее.

А потому, что её сила внезапно приобрела глубину.

За безупречными деловыми решениями скрывались годы ответственности.

За сарказмом — осторожность.

За независимостью — страх снова потерять то, что дорого.

Леонардо провёл ладонью по волосам.

Ему захотелось защитить её.

Мысль возникла неожиданно.

И сразу вызвала внутреннее сопротивление.

От чего?

От прошлого?

От воспоминаний?

От боли, которую невозможно отменить?

Он прекрасно понимал, что не обладает такой властью.

И впервые не испытывал желания что-то немедленно исправить.

Майя не нуждалась в спасителе.

Она нуждалась в человеке, который способен оставаться рядом, не превращая её переживания в проблему, требую-

щую решения.

Леонардо медленно выдохнул.

Затем улыбнулся.

Возможно, именно этому ему и предстояло научиться.

Майя вернулась в апартаменты.

Сняла сандалии.

Поставила фонарь на стол, чтобы утром вернуть его охраннику.

Затем подошла к балкону и распахнула двери.

Море всё ещё шумело внизу.

Ветер принёс запах жасмина.

Она стояла неподвижно.

Не пытаясь разобраться в собственных чувствах.

Просто позволяя себе их испытывать.

Потом вспомнила сообщение отца.

Медленно взяла телефон.

Открыла переписку.

И наконец написала:

«Папа, отправь фотографии мамы. Я очень хочу их увидеть».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Конечно, Майя. Я думал, ты уже спишь. Сейчас пришлю».

Она улыбнулась.

«Не спится. Гуляла у моря».

Отец прислал несколько снимков.

На первом мама стояла возле кухонного стола.

В светлом платье.

С собранными волосами.

И той самой улыбкой, которую Майя так хорошо помнила.

На втором она держала в руках большой пирог.

На третьем обнимала маленькую Лею.

Майя долго смотрела на фотографии.

По щекам медленно текли слёзы.

Но на этот раз они не казались чем-то, что необходимо немедленно остановить.

Она открыла первый снимок.

Приблизила лицо матери.

И вдруг вспомнила.

Не просто улыбку.

Не только движения.

А голос.

«Майя, не бойся пробовать. Иногда самое интересное получается именно тогда, когда ты не знаешь, что выйдет».

Майя закрыла глаза.

Улыбнулась сквозь слёзы.

И впервые за долгие годы воспоминание о матери принесло ей не только боль.

Но и тепло.

Она написала отцу:

«Спасибо. Это прекрасные фотографии. Давай завтра созвонимся».

Затем положила телефон.

Подошла к зеркалу.

Посмотрела на своё отражение.

И неожиданно подумала о Леонардо.

О том, как он сидел рядом на пляже.

Как спокойно слушал.

Как не пытался заполнить паузы словами.

И как произнёс:

«Ты не только Nocturne, Майя».

Она медленно улыбнулась.

Впервые за три года ей показалось, что человек, чьё мнение когда-то стало частью её самого болезненного профессионального воспоминания, способен увидеть её настоящую.

Не безупречную.

Не всегда сильную.

Не обязательно правую.

Просто её.

Майя выключила свет.

Легла в постель.

И почти сразу уснула.

Без тревожных мыслей.

Без бесконечных планов на завтра.

Без необходимости контролировать каждую минуту.

На следующее утро Леонардо проснулся раньше будильника.

Некоторое время лежал, глядя в потолок.

Потом взял телефон.

Открыл переписку с Майей.

Пальцы остановились над экраном.

Он хотел написать что-нибудь простое.

«Доброе утро».

Или:

«Как спалось?»

Но оба варианта почему-то казались слишком личными.

Он усмехнулся.

Господи, Риччи. Ты готовишь ужины для миллиардеров и споришь с крупнейшими инвесторами Европы. Неужели два обычных слова способны поставить тебя в тупик?

Он всё-таки набрал сообщение.

«Доброе утро, Майя. Надеюсь, сегодня ты хорошо выспалась».

Перечитал.

И отправил.

Ответ пришёл через несколько минут.

«Доброе утро, Леонардо. Впервые за долгое время — да. Спасибо».

Он улыбнулся.

Затем написал:

«Рад это слышать. Сегодня обещаю обойтись без кулинарных революций».

Майя ответила:

«Тогда день уже начинается прекрасно».

Леонардо рассмеялся.

Но потом его улыбка стала мягче.

Он посмотрел на последнее сообщение.

И неожиданно понял, что больше не хочет возвращаться к прежним отношениям с Майей.

К бесконечным обвинениям.

К попыткам поставить её на место.

К холодной дистанции, за которой так удобно было скрывать собственные чувства.

Ему нравилось то, что возникло между ними прошлой ночью.

Осторожное доверие.

Возможность говорить без необходимости побеждать.

И странное желание узнать друг друга немного лучше.

Он не знал, к чему это приведёт.

И пока не хотел загадывать.

Но впервые за много лет неизвестность не пугала его.

Она обещала нечто интересное.

В тот же день Майя получила сообщение от Камиллы.

«Как дела на Капри? Всё ещё воюете с Риччи?»

Майя сидела за рабочим столом возле окна.

Солнечный свет освещал страницы документов.

На террасе сотрудники готовили пространство к следующей дегустации.

В саду цвели лимонные деревья.

Она посмотрела на вопрос.

Подумала.
Затем медленно набрала:
«Кажется, мы заключили перемирие».
Камилла ответила мгновенно.
«Настоящее?»
Майя улыбнулась.
«Возможно».
Следующее сообщение:
«Майя, ты же понимаешь, что я сейчас улыбаюсь?»
Она рассмеялась.
«Не делай поспешных выводов».
«Слишком поздно».
Майя покачала головой.
Отложила телефон.
И вернулась к работе.
Но через несколько секунд снова посмотрела в окно.
Внизу, на террасе возле сада, стоял Леонардо.
Разговаривал с Алессандро.
Жестикулировал.
Что-то объяснял, указывая в сторону кухни.
Затем неожиданно поднял голову.
И увидел её.
Их взгляды встретились.
Леонардо улыбнулся.
Совсем немного.
Но на этот раз без привычной иронии.

Майя ответила улыбкой.

Он коротко поднял руку в знак приветствия.

И вернулся к разговору.

А Майя ещё несколько секунд стояла возле окна.

Не пытаясь скрыть улыбку.

Потому что теперь между ними существовало нечто, о чём не знали ни Маттео, ни Камилла, ни остальные сотрудники резиденции.

Не тайный роман.

Не обещание любви.

Даже не первое прикосновение, значение которого могло бы выйти за пределы обычной вежливости.

Всего лишь одна ночь.

Один пустынный пляж.

Два человека, которые впервые позволили себе говорить правду.

Но иногда именно с этого начинается самое опасное чувство.

Не со страсти.

Не с поцелуя.

Не с красивых слов.

А с момента, когда рядом с другим человеком становится не страшно быть собой.

И море, которое никому не задавало вопросов, сохранило их первую настоящую тайну.

ГЛАВА 7. ПОЦЕЛУЙ, КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Италия. Остров Капри — побережье Сорренто.

Иногда одного поцелуя достаточно, чтобы разрушить все правила.

Особенно если эти правила были придуманы двумя людьми, которые слишком хорошо умели защищаться от собственных чувств.

Майя Савиньи не верила в случайности.

Она верила в решения, последствия и ответственность за сделанный выбор.

Но в тот вечер, когда небо над Средиземным морем внезапно потемнело, а первые тяжёлые капли дождя ударили по лобовому стеклу автомобиля, ей впервые захотелось поверить, что некоторые события действительно происходят помимо человеческой воли.

Иначе пришлось бы признать, что она сама, совершенно сознательно, согласилась провести целый вечер наедине с Леонардо Риччи.

С мужчиной, которого ещё недавно считала своим самым неприятным профессиональным противником.

С мужчиной, которому доверила историю собственной семьи.

С мужчиной, рядом с которым в последние дни слишком часто забывала о том, что должна оставаться исключительно деловым партнёром.

А самое опасное заключалось в том, что Леонардо, похоже, тоже начинал забывать.

Утро началось с сообщения.

Майя стояла возле открытого окна своей спальни, когда телефон коротко завибрировал.

«В шестнадцать часов еду на материк. Нужно встретиться с поставщиком оливкового масла и посмотреть небольшую семейную мастерскую. Поедешь со мной?»

Она перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Леонардо.

Разумеется.

Кто ещё мог сформулировать приглашение так, словно предлагал проверить температурный режим холодильного шкафа?

Майя улыбнулась.

«Это рабочая поездка?»

Ответ появился почти сразу.

«Предлагаю не обсуждать в переписке все возможные определения поездки».

Она рассмеялась.

«Тогда мне потребуется программа и список участников».

«Программа: поставщик, дегустация, возвращение. Участники: я, ты и человек, который будет продавать нам оливковое масло».

Майя приподняла бровь.

«А Маттео?»

«Остался на Капри. У него совещание с инвесторами».

«Франческа?»

«Занята подготовкой резиденции».

Майя задержала взгляд на экране.

«То есть мы вдвоём?»

Ответ пришёл не сразу.

«Именно это обычно означает отсутствие остальных участников».

Она покачала головой.

Невыносимый человек.

Но почему-то теперь эта мысль вызывала не раздражение, а улыбку.

«Хорошо. В шестнадцать».

Леонардо ответил:

«Тогда до встречи, Майя».

Она положила телефон.

Подошла к зеркалу.

И неожиданно поймала себя на том, что думает, что надеть.

Не на деловую встречу.

Не на профессиональную дегустацию.

А на поездку с Леонардо.

Это открытие ей совершенно не понравилось.

— Господи, Савиньи, — пробормотала она. — Ты взрослая женщина. Просто выбери удобную одежду.

Она открыла гардероб.

Долго рассматривала вещи.

Потом выбрала светлые льняные брюки, шёлковую блузку цвета шампанского и лёгкий бежевый жакет.

Сдержанно.

Элегантно.

Ничего особенного.

Ровно настолько ничего особенного, насколько могло быть ничего особенного в образе, на выбор которого она потратила почти двадцать минут.

Леонардо ждал её у главного входа в резиденцию.

Он стоял рядом с небольшим служебным автомобилем, просматривая что-то в телефоне.

Тёмные брюки.

Белая рубашка с закатанными рукавами.

Солнцезащитные очки.

Небрежно уложенные волосы.

Когда Майя появилась на лестнице, он поднял голову.

И замолчал.

Всего на секунду.

Но она заметила.

— Что? — спросила она, остановившись перед ним.

Леонардо снял очки.

— Ничего.

— Вы снова смотрите на меня так, словно обнаружили нарушение договора.

Он медленно улыбнулся.

— Просто пытаюсь понять, как человеку удаётся выглядеть настолько собранным даже в обычной поездке к поставщику.

Майя чуть приподняла бровь.

— А вы предпочли бы, чтобы я приехала в поварском кителе?

— Учитывая нашу последнюю дегустацию, это могло бы оказаться интересным решением.

Она рассмеялась.

Леонардо открыл перед ней пассажирскую дверь.

— Прошу.

Майя посмотрела на него с притворным удивлением.

— Какая неожиданная галантность.

— Уверяю, я получил соответствующее воспитание.

— Тогда почему так тщательно скрываете его на работе?

Он негромко рассмеялся.

— Садись, Майя.

Она села.

И неожиданно почувствовала лёгкое волнение.

Потому что впервые оказалась с ним не за переговорным столом.

Не среди сотрудников.

Не на светском мероприятии.

А просто рядом.

Без свидетелей.

Без заранее утверждённого сценария.

И без каких-либо гарантий, что этот вечер останется исключительно профессиональным.

До материка они добрались на катере, а в порту Сорренто пересели в автомобиль, заранее заказанный Леонардо.

Дорога шла вдоль побережья.

По одну сторону поднимались скалистые склоны, поросшие соснами и оливковыми деревьями. По другую открывалось море — бесконечное, сверкающее, окрашенное солнцем в десятки оттенков синего.

На узких поворотах появлялись старинные дома с терракотовыми крышами, маленькие часовни и кафе, возле которых местные жители неторопливо разговаривали за чашками эспрессо.

Леонардо вёл машину уверенно.

Одной рукой придерживал руль, другой иногда переключал передачи.

Из динамиков негромко звучала итальянская музыка.

Майя сидела рядом, глядя в окно.

— Красиво, — произнесла она.

— Здесь почти всегда красиво.

— Даже зимой?

— Особенно зимой.

Она повернулась.

— Почему?

Леонардо улыбнулся.

— Потому что тогда море принадлежит только тем, кто действительно его любит.

Майя задумалась.

— Ты говоришь о нём как о женщине.

Он посмотрел на неё.

— Возможно, потому что море и женщины имеют нечто общее.

— Например?

— И то и другое опасно недооценивать.

Майя рассмеялась.

— Очень глубокая философия.

— Я старался.

— И какие ещё открытия ты совершил за свою жизнь?

Леонардо немного подумал.

— Не стоит спорить с итальянской матерью, когда она готовит.

— Разумно.

— Не стоит доверять человеку, который утверждает, что умеет готовить идеальное ризотто за пятнадцать минут.

— Полностью согласна.

— И никогда не следует принимать всерьёз женщину, которая говорит, что совершенно не любит спонтанность.

Майя медленно повернулась.

— Это сейчас было обо мне?

Он невинно улыбнулся.

— Почему ты так решила?

— Потому что в нашем автомобиле только одна женщина, которая действительно не любит спонтанность.

— Значит, совпадение.

Она покачала головой.

Но улыбку скрыть не смогла.

Через несколько минут Майя спросила:

— Кстати, почему ты сам решил ехать к поставщику?

Леонардо пожал плечами.

— Хочу познакомиться с людьми, которые производят масло.

— Это обязанность отдела закупок.

— Возможно.

— Тогда почему…

— Потому что мне недостаточно увидеть красивую этикетку и результаты лабораторного анализа.

Он немного помолчал.

— Я хочу знать, кто собирает оливки. Как ухаживает за деревьями. Почему выбирает именно этот способ обработки.

Майя внимательно слушала.

— Для тебя это действительно важно?

— Очень.

Он повернул голову.

— Понимаешь, хорошее масло начинается задолго до того, как попадает в бутылку. С почвы. С дождя. С рук людей, которые работают в саду.

Майя медленно улыбнулась.

— Вот об этом нужно рассказывать гостям резиденции.

Леонардо усмехнулся.

— Я знал, что ты обязательно превратишь нашу поездку в рабочее совещание.

— Сам виноват. Слишком интересно рассказываешь.

Он посмотрел на неё.

И почему-то перестал улыбаться.

На мгновение.

Потому что понял: Майя действительно слушает.

Не просто ждёт паузы, чтобы высказать собственное мнение.

Не анализирует его слова ради будущего отчёта.

Она хочет понять то, что важно для него.

И это неожиданно оказалось приятнее любого профессионального комплимента.

Семейное хозяйство располагалось на холме недалеко от Масса-Лубренсе.

Владелец, пожилой синьор Антонио, встретил их у ворот.

Невысокий, загорелый, с крупными рабочими руками и лицом, на котором морщины казались продолжением улыбки.

— Леонардо!

Он широко развёл руки.

Шеф-повар рассмеялся и обнял его.

— Антонио! Рад видеть.

— Ты совсем перестал приезжать! Уже стал слишком зна-

менитым для старых друзей?

— Если бы я действительно был настолько знаменит, мне не пришлось бы каждую неделю спорить с поставщиками.

Антонио громко рассмеялся.

Потом заметил Майю.

— А это кто?

Леонардо повернулся.

— Майя Савиньи. Мы вместе работаем над новым проектом на Капри.

Антонио внимательно посмотрел на неё.

Затем улыбнулся.

— Очень приятно, синьорина.

— Взаимно.

Старик снова повернулся к Леонардо.

— Красивую женщину привёз.

Майя прекрасно поняла итальянскую фразу.

Леонардо тоже.

Он устало выдохнул.

— Антонио, пожалуйста.

Тот рассмеялся.

— Что? Я уже не могу сказать женщине, что она красива?

Майя улыбнулась.

— Можете, синьор Антонио. Особенно если после этого предложите попробовать ваше оливковое масло.

Старик расплылся в улыбке.

— О! Она говорит по-итальянски!

Леонардо покачал головой.

— И значительно лучше, чем ты думаешь.

— Умная, красивая, ещё и знает, чего хочет.

Антонио посмотрел на него с хитрой улыбкой.

— Лео, береги её.

Майя рассмеялась.

Леонардо поднял глаза к небу.

— Мы приехали покупать масло, Антонио.

— Конечно, конечно. Все мужчины так говорят.

Они провели в хозяйстве почти два часа.

Антонио показал им старые оливковые деревья.

Рассказал о семейной технологии производства.

Провёл дегустацию нескольких сортов масла.

Майя внимательно слушала, задавала вопросы и делала пометки.

Леонардо наблюдал за ней с неожиданным удовольствием.

Она легко общалась с Антонио.

Смеялась над его шутками.

Не пыталась производить впечатление.

И с искренним интересом слушала историю каждого продукта.

В какой-то момент старик поставил перед ними небольшую тарелку с тёплым хлебом.

Полил его маслом.

Добавил несколько крупинок соли.

— Попробуйте.

Майя взяла кусочек.

Попробовала.

Закрыла глаза.

Затем улыбнулась.

— Великолепно.

Антонио довольно кивнул.

— Вот! А теперь скажите вашему знаменитому повару, что иногда для хорошего ужина не нужно двадцать ингредиентов.

Леонардо рассмеялся.

— Ты сговорился с ней?

Майя улыбнулась.

— Мы просто разделяем правильную философию.

Антонио подмигнул.

— Вот видишь, Лео. Женщина всегда найдёт способ объяснить мужчине то, что он и так должен знать.

Леонардо посмотрел на Майю.

Она рассмеялась.

И он вдруг понял, что ему нравится видеть её такой.

Не за рабочим столом.

Не спорящей с инвесторами.

Не защищающей собственную правоту.

А просто счастливой.

В солнечном дворе старого итальянского дома.

С кусочком хлеба в руках.

И улыбкой, которую она даже не пытается скрыть.

Когда они вышли из хозяйства, было уже почти семь вечера.

Солнце постепенно скрывалось за облаками.

Ветер усилился.

Море внизу стало темнее.

Майя остановилась возле автомобиля.

— Кажется, погода меняется.

Леонардо посмотрел на небо.

— Да.

— Обещали дождь?

— Небольшой.

Она приподняла бровь.

— Насколько небольшой?

Он усмехнулся.

— По прогнозу — кратковременный.

Майя посмотрела на тяжёлые серые облака.

— У меня другое мнение.

— Ты теперь ещё и метеоролог?

— Нет. Просто умею смотреть на небо.

Леонардо открыл перед ней дверь.

— Тогда предлагаю не испытывать судьбу.

Она села.

Они выехали на узкую дорогу, проходившую вдоль склона.

Через несколько минут первые капли дождя ударили по лобовому стеклу.

Сначала редкие.

Тяжёлые.

Потом всё чаще.

Леонардо включил дворники.

— Вот и твой кратковременный дождь, — заметила Майя.

— Пока всё в порядке.

Вдали прогремел гром.

Она посмотрела на небо.

— Уверен?

Леонардо усмехнулся.

— Я умею водить машину под дождём.

Но уже через минуту дождь усилился настолько, что дорога впереди почти исчезла за плотной водяной завесой.

Ветер гнул ветви деревьев.

По стеклу стекали целые потоки воды.

Гром прокатился над побережьем.

Леонардо сбросил скорость.

— Чёрт.

Майя повернулась.

— Что?

Он внимательно смотрел на дорогу.

— Похоже, прогноз ошибся.

Она рассмеялась.

— Какая неожиданность.

Но следующая вспышка молнии заставила её невольно вздрогнуть.

Леонардо заметил.

— Боишься грозы?

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Уверена?

— Просто не люблю, когда молния оказывается слишком близко.

— Это вполне разумное предпочтение.

Майя усмехнулась.

Они проехали ещё несколько сотен метров.

Затем Леонардо свернул на узкую дорогу, ведущую между каменными оградами и старыми оливковыми деревьями.

Майя нахмурилась.

— Куда мы едем?

— Знаю одно место неподалёку.

— Какое?

— Старый дом.

Она повернулась.

— Чей?

Леонардо улыбнулся.

— Нашей семьи.

Майя посмотрела на него.

— Ты предлагаешь переждать грозу в семейном доме?

— Именно.

— И он действительно здесь?

— В нескольких минутах.

Она выглянула в окно.

За стеклом почти ничего не было видно.

— Надеюсь, ты не решил заманить меня в какой-нибудь заброшенный замок.

Леонардо рассмеялся.

— Для этого я выбрал бы более подходящую погоду.

— Обнадёживает.

— И более приличный автомобиль.

Майя не удержалась от смеха.

Но уже через несколько минут впереди действительно появился небольшой старинный дом.

Каменные стены.

Тёмная черепичная крыша.

Узкие деревянные ставни.

Небольшая терраса с видом на море.

Он стоял немного в стороне от дороги, окружённый оливковыми деревьями и густым кустарником.

Леонардо остановил машину на площадке под навесом.

Заглушил двигатель.

Посмотрел на Майю.

— Приехали.

Она огляделась.

— Очень романтично.

Он усмехнулся.

— Постарайся не делать поспешных выводов.

Майя повернулась.

— Я говорила исключительно об архитектуре.

— Разумеется.

Новая вспышка молнии осветила двор.

Они одновременно посмотрели на небо.

Леонардо взял ключи.

— Идём. Пока нас окончательно не смыло.

До входа оставалось всего несколько метров.

Но дождь оказался беспощадным.

Леонардо первым выскочил из автомобиля.

Обошёл его.

Открыл дверь Майе.

— Быстрее!

Она прижала сумку к груди и бросилась вслед за ним.

Ветер мгновенно растрепал волосы.

Холодные капли ударили по лицу.

Шёлковая блузка почти сразу намокла.

Майя поскользнулась на мокрой каменной дорожке, но успела ухватиться за перила.

Леонардо резко обернулся.

— Осторожно!

— Всё нормально!

Он протянул руку.

Она ухватилась за неё.

И они вместе добежали до маленького крыльца.

Леонардо достал ключ.

Попытался открыть дверь.

Замок не поддался.

— Прекрасно, — пробормотал он.

Майя стояла рядом, насквозь мокрая.

— Что случилось?

— Дверь немного заедает.

— Немного?!

Леонардо повернул ключ сильнее.

Безрезультатно.

Майя начала смеяться.

Он посмотрел на неё.

— Что смешного?

— Ничего. Просто…

Она не смогла закончить.

Потому что рассмеялась ещё сильнее.

Леонардо нахмурился.

— Майя.

— Прости!

Она вытерла мокрое лицо.

— Просто представила, как мы объясняем Маттео, что не смогли вернуться из-за того, что знаменитый шеф-повар не умеет открыть собственную дверь.

Леонардо посмотрел на неё.

Несколько секунд.

Потом неожиданно рассмеялся сам.

— Ты невозможная женщина.

— А ты ужасный организатор романтических побегов!

Он резко повернулся.

— Романтических?

Майя замерла.

Поняла, что сказала.

И почувствовала, как лицо вспыхнуло даже под холодным дождём.

— Я имела в виду…

— Конечно.

Леонардо медленно улыбнулся.

— Исключительно архитектурный побег.

— Открой уже эту чёртову дверь, Риччи!

Он рассмеялся.

Сделал ещё одну попытку.

Замок наконец щёлкнул.

Дверь распахнулась.

Майя почти влетела внутрь.

Леонардо последовал за ней.

И захлопнул дверь перед самым сильным порывом ветра.

В доме пахло старым деревом.

Сухими травами.

Камнем, нагретым за день и постепенно отдающим тепло.

И чем-то ещё.

Едва уловимым.

Уютом, который невозможно купить даже за самые большие деньги.

Майя остановилась посреди небольшой гостиной.

Леонардо включил свет.

Под потолком загорелась старая лампа с тёплым абажуром.

Перед ними находилась комната с деревянными балками, массивным столом, камином и несколькими креслами, обитыми выцветшей тканью.

На стенах висели фотографии.

На полках стояли книги.

В углу — старое пианино.

Огромное окно выходило на море, которое сейчас скрывалось за стеной дождя.

— Боже мой, — тихо произнесла Майя.

Леонардо повернулся.

— Что?

Она медленно огляделась.

— Здесь невероятно красиво.

Он улыбнулся.

— Дом принадлежал моим бабушке и дедушке. Потом перешёл к тёте Терезе. Она почти не приезжает сюда, но мы стараемся поддерживать всё в порядке.

Майя подошла к старому камину.

На полке стояли несколько семейных фотографий.

— Ты проводил здесь детство?

— Почти каждое лето.

Он снял мокрую рубашку с плеч, оставшись в тонкой футболке, которую носил под ней.

Майя машинально отвернулась к окну.

Леонардо заметил.

И усмехнулся.

Но ничего не сказал.

— Мы приезжали сюда всей семьёй, — продолжил он. — Мама готовила, отец занимался садом, сестра постоянно пыталась сбежать к морю.

— А ты?

Он улыбнулся.

— Я чаще всего устраивал неприятности.

Майя рассмеялась.

— Не сомневалась.

Леонардо прошёл к старому шкафу.

Открыл дверцу.

Достал несколько чистых полотенец.

— Держи.

Она благодарно приняла одно.

— Спасибо.

— В ванной есть горячая вода. Если хочешь, можешь немного привести себя в порядок.

Майя посмотрела на свою промокшую блузку.

Ткань неприятно прилипала к коже.

— Было бы неплохо.

Леонардо открыл соседний шкаф.

— У тёти здесь остались кое-какие вещи. Возможно, найдём что-нибудь сухое.

Майя улыбнулась.

— Ты предлагаешь мне переодеться в одежду своей тёти?

— Если предпочитаешь продолжать дрожать, не стану настаивать.

Она рассмеялась.

— Хорошо. Показывай свои сокровища.

Он достал мягкий тёмно-синий свитер и свободные домашние брюки.

— Вот.

Майя приложила свитер к себе.

Он оказался заметно больше её размера.

— Очень элегантно.

Леонардо усмехнулся.

— Можешь представить, что это новая коллекция какого-нибудь модного дома.

Она покачала головой.

Но улыбнулась.

— Благодарю.

Он указал на дверь в коридоре.

— Ванная там.

Майя направилась к ней.

Уже возле двери остановилась.

Повернулась.

Леонардо стоял возле камина.

С мокрыми волосами.

В слегка промокшей футболке.

И с той неожиданно мягкой улыбкой, которая в последние дни появлялась на его лице всё чаще.

— Леонардо?

— Да?

Она немного помолчала.

— Спасибо, что привёз меня сюда.

Он посмотрел на неё.

— Пока не за что.

Майя улыбнулась.

И скрылась за дверью.

Леонардо остался один.

Посмотрел на закрывшуюся дверь.

Затем медленно выдохнул.

Ну и вечер.

Он планировал обычную рабочую поездку.

Несколько часов у поставщика.

Возвращение на Капри.

Никаких сложностей.

Никаких неожиданностей.

И уж тем более никаких ситуаций, в которых ему пришлось бы оказаться наедине с Майей Савиньи в старом семейном доме во время грозы.

Он провёл ладонью по влажным волосам.

Посмотрел на камин.

И неожиданно подумал, что, возможно, этот вечер ещё способен удивить его гораздо сильнее, чем непредсказуемая

погода.

Когда Майя вернулась в гостиную, в камине уже потрескивал огонь.

Леонардо сидел на корточках возле очага, поправляя поленья длинной металлической кочергой.

Он успел переодеться в сухую футболку и тёмные домашние брюки. Волосы всё ещё оставались влажными.

Майя остановилась в дверях.

На мгновение ей показалось, что она случайно заглянула в чужую жизнь.

Не в жизнь знаменитого шеф-повара, чьё имя знали в лучших ресторанах Европы.

Не в жизнь мужчины, привыкшего командовать и побеждать в любом споре.

А в жизнь человека, который просто разводит огонь в старом доме, пока за окнами бушует гроза.

Леонардо обернулся.

И замер.

Тёмно-синий свитер оказался Майе велик. Рукава закрывали ладони почти до кончиков пальцев, а мягкая ткань свободно спадала с одного плеча. Каштановые волосы она распустила, и теперь слегка влажные пряди лежали на спине.

Никакого макияжа.

Никаких каблуков.

Никаких деловых костюмов.

И почему-то именно сейчас она показалась ему красивее,

чем в гранатовом платье на приёме в Монте-Карло.

Эта мысль была настолько неожиданной, что Леонардо на несколько секунд забыл, что собирался сказать.

— Что? — спросила Майя, заметив его взгляд.

Он медленно улыбнулся.

— Ничего.

Она посмотрела на свитер.

— Выгляжу ужасно?

— Нет.

— Тогда почему ты так смотришь?

Леонардо выпрямился.

— Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз видел тебя без папки документов.

Майя рассмеялась.

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

Она подошла к камину.

Протянула руки к огню.

— Здесь удивительно уютно.

— Дом всегда был таким.

— Даже когда вы приезжали сюда всей семьёй?

Леонардо улыбнулся.

— Особенно тогда. Хотя слово «уютно» моя сестра, вероятно, заменила бы на «шумно».

Майя повернулась.

— София?

— Да.

— Ты говорил, что она постоянно пыталась сбежать к морю.

— А я постоянно получал за это от родителей.

— Почему ты?

— Потому что был старшим. И, по их мнению, обязан был следить за ней.

Майя рассмеялась.

— Знакомая история.

Леонардо посмотрел на неё.

— С Леей?

Она кивнула.

— После смерти мамы я тоже пыталась отвечать за всё. За школу, ужины, врачей, домашние задания. Даже за настроение отца.

Он прислонился плечом к каминной полке.

— Тяжёлая обязанность для двадцатилетней девушки.

Майя чуть улыбнулась.

— Тогда мне казалось, что так и должно быть.

Леонардо внимательно посмотрел на неё.

— А сейчас?

Она задумалась.

— Сейчас я понимаю, что пыталась контролировать вещи, которые от меня совершенно не зависели.

Он не ответил.

Просто смотрел на неё.

И Майя неожиданно почувствовала, что этот разговор становится слишком серьёзным.

Она поспешно огляделась.

— У тебя здесь есть что-нибудь горячее?

Леонардо улыбнулся.

— Чай. Кофе. Возможно, даже вино.

— Чай.

— Без сахара?

Она рассмеялась.

— Ты действительно запомнил все мои привычки?

Он слегка пожал плечами.

— Не все.

Майя подняла бровь.

— Какие же ещё осталось выяснить?

Леонардо посмотрел на неё.

И ответил неожиданно серьёзно:

— Очень многие.

Она замолчала.

Всего на мгновение.

Но этого оказалось достаточно, чтобы между ними снова возникло то странное напряжение, которое Майя уже начинала узнавать.

Она первой отвела взгляд.

— Тогда начнём с чая.

Леонардо улыбнулся.

— Разумное решение.

Старая кухня находилась за гостиной.

Майя вошла вслед за ним.

И остановилась.

Небольшое помещение с деревянными шкафами, каменной раковиной и круглым столом у окна было совершенно не похоже на идеальные кухни премиальных резиденций, которыми она занималась.

Здесь всё было настоящим.

Медные кастрюли висели над плитой.

На полках стояли керамические банки.

У окна — несколько маленьких горшков с засохшими травами.

На стене висели старые часы, которые отставали почти на четверть часа.

Майя медленно провела пальцами по гладкой деревянной столешнице.

— Какая красота.

Леонардо достал чайник.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

— Здесь половина мебели старше меня.

— Именно поэтому она мне нравится.

Он улыбнулся.

— Большинство людей сказали бы, что всё нужно заменить.

Майя покачала головой.

— Тогда большинство людей ничего не понимает в этом доме.

Леонардо остановился.

Посмотрел на неё.

— Почему?

Она немного подумала.

— Потому что здесь есть жизнь.

Майя коснулась старой деревянной спинки стула.

— Посмотри. Вот эта потёртость. Она появилась не из-за плохой обработки дерева. Кто-то годами сидел здесь, отодвигал стул, возвращался на своё место.

Леонардо молчал.

— А эта маленькая трещина на столе? Наверняка у неё есть история.

Он медленно улыбнулся.

— Есть.

Майя повернулась.

— Правда?

— Я уронил на стол тяжёлую чугунную кастрюлю. Мне было тринадцать.

Она рассмеялась.

— И что произошло?

— Дедушка заставил меня целую неделю помогать ему чинить садовую ограду.

— Суровое наказание.

— Особенно для мальчишки, который собирался прове-

сти лето на пляже.

Майя улыбнулась.

Потом посмотрела на старую фотографию возле окна.

На ней были четверо.

Молодая женщина.

Высокий мужчина с тёмными волосами.

Маленькая девочка с широкой улыбкой.

И худой подросток, стоявший возле отца с выражением человека, который совершенно не собирается улыбаться по требованию фотографа.

Майя осторожно взяла рамку.

— Это ты?

Леонардо подошёл.

Посмотрел на фотографию.

— Да.

— Сколько тебе здесь?

— Четырнадцать.

Майя улыбнулась.

— Уже тогда выглядел ужасно самоуверенным.

Он рассмеялся.

— Я просто не любил фотографироваться.

— Разумеется.

Она внимательно посмотрела на женщину.

— А это твоя мама?

— Да. Изабелла.

Майя провела пальцем по краю рамки.

— Очень красивая.

Леонардо кивнул.

— И очень строгая.

— Неудивительно, что ты вырос таким послушным ребёнком.

Он громко рассмеялся.

— Пожалуй, это самое неточное описание моего детства.

Майя поставила фотографию обратно.

Но продолжала смотреть на неё.

Леонардо заметил.

— Что?

Она немного помолчала.

— Ничего. Просто хорошие фотографии.

Он улыбнулся.

— Тебе можно посмотреть остальные.

Майя подняла глаза.

— Ты уверен?

— Конечно.

Он указал на небольшой шкаф в гостиной.

— Там целый альбом. Только предупреждаю: некоторые мои детские фотографии могут окончательно разрушить профессиональный авторитет.

Майя рассмеялась.

— Тогда я непременно должна их увидеть.

Чай они пили возле камина.

Леонардо принёс старую жестяную коробку с миндальным

печеньем, оставшуюся после последнего приезда тёти.

Майя устроилась в кресле, поджав под себя ноги.

Он сел напротив.

Между ними стоял небольшой столик.

За окнами продолжался ливень.

Время от времени вспыхивала молния.

Но теперь гроза казалась далёкой.

Почти безопасной.

Майя листала семейный альбом.

На одной фотографии Леонардо лет десяти стоял с огромной рыбой в руках.

На другой — сидел за столом с лицом, испачканным шоколадом.

На третьей — обнимал сестру, которая пыталась вырваться и показывала фотографу язык.

Майя смеялась почти над каждым снимком.

— Боже мой, Леонардо!

Он поднял глаза.

— Что теперь?

Она повернула альбом.

На фотографии подросток в нелепой зелёной футболке стоял возле плиты, держа деревянную ложку с выражением абсолютного превосходства над человечеством.

— Ты действительно родился с этим лицом!

Он нахмурился.

— Каким?

— С выражением человека, который уверен, что весь мир готовит неправильно.

Леонардо рассмеялся.

— Мне было пятнадцать.

— И уже тогда ты собирался исправить мировую гастрономию?

— В тот день — только семейный ужин.

Майя улыбнулась.

Перевернула страницу.

И неожиданно остановилась.

На следующем снимке Леонардо стоял рядом с отцом возле маленького ресторана.

На вывеске было написано: Trattoria di Mare.

Майя посмотрела на него.

— Это где?

Леонардо поставил чашку.

— В Сорренто. Место, где я впервые начал работать на настоящей кухне.

— Сколько тебе было?

— Семнадцать.

— Ты выглядишь счастливым.

Он посмотрел на фотографию.

И улыбнулся совсем иначе.

— Я был счастлив.

— Почему?

Леонардо задумался.

— Потому что тогда всё казалось простым.

Он немного помолчал.

— Если блюдо получалось хорошим, люди улыбались. Если плохим — повар ругался и заставлял переделывать. Никаких рейтингов, контрактов, инвесторов.

Майя кивнула.

— Только еда.

— Только еда.

Они замолчали.

Потом Майя тихо спросила:

— Ты скучаешь по тому времени?

Леонардо посмотрел на огонь.

— Иногда.

— Почему не возвращаешься?

Он усмехнулся.

— В каком смысле?

— Почему не открываешь маленький ресторан? Без инвесторов. Без дорогих интерьеров. Без необходимости доказывать, что ты лучший?

Леонардо долго молчал.

Потом ответил:

— Потому что боюсь.

Майя замерла.

— Ты?

Он посмотрел на неё.

— Удивительно?

Она не стала улыбаться.

— Немного.

Леонардо опустил глаза.

— Пока я создаю большие проекты, всегда существует объяснение, почему что-то идёт не так. Финансирование. Поставщики. Управление. Неправильная концепция.

Он выдержал паузу.

— А если я открою маленький ресторан, где всё будет зависеть только от меня, и снова потерплю неудачу?

Майя молчала.

— Тогда мне придётся признать, что проблема, возможно, действительно во мне.

Она медленно закрыла альбом.

— Леонардо…

Он усмехнулся.

— Вот. Теперь ты знаешь мой самый постыдный секрет.

Майя покачала головой.

— Это не постыдно.

— Неужели?

— Нет. Бояться неудачи нормально.

Он посмотрел на неё.

— А ты не боишься?

Она грустно улыбнулась.

— Постоянно.

Леонардо приподнял бровь.

— Ты?

— Представь себе.

— Никогда бы не подумал.

Майя опустила взгляд на чашку.

— Потому что я очень хорошо научилась делать вид, что ничего не боюсь.

Огонь тихо потрескивал.

За окнами шумел дождь.

И вдруг Леонардо понял, что этот разговор становится для него важнее всех деловых встреч последних месяцев.

Потому что Майя не пыталась восхищаться им.

Не стремилась понравиться.

Не говорила, что он обязательно добьётся успеха.

Она просто признавала то, чего они оба боялись.

И от этого становилось легче.

— Можно задать вопрос? — неожиданно произнесла Майя.

Леонардо улыбнулся.

— Снова?

— Последний.

— Ты говорила это и на пляже.

Она рассмеялась.

— Тогда предпоследний.

— Спрашивай.

Майя посмотрела на него.

— Почему ты ни разу не сказал мне, что действительно думаешь о той статье?

Леонардо медленно перестал улыбаться.

— Мы уже обсуждали это.

— Не совсем.

Он откинулся на спинку кресла.

— Что ты хочешь услышать?

Майя немного помолчала.

— Не знаю. Наверное, правду.

Леонардо посмотрел на огонь.

— Ты уверена?

— Да.

Он поставил чашку.

Долго молчал.

Затем произнёс:

— Когда я впервые прочитал твою рецензию, мне захотелось уничтожить человека, который её написал.

Майя почувствовала неприятный холод.

Леонардо продолжил:

— Не физически. Я хотел доказать всему миру, что этот человек ничего не понимает в гастрономии.

Он усмехнулся.

Без радости.

— Представлял, как однажды встречу автора, приглашу в свой новый ресторан и приготовлю такой ужин, после которого ему придётся публично признать, что он ошибался.

Майя молчала.

— Я даже репетировал этот разговор.

Она подняла глаза.

— Серьёзно?

— Несколько раз.

Леонардо посмотрел на неё.

— А когда мы наконец встретились, оказалось, что ты совершенно не похожа на человека, которого я придумал.

Майя медленно вдохнула.

— И это тебя разозлило?

— Очень.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Потому что ненавидеть вымышленного врага гораздо проще, чем настоящего человека.

Майя отвела взгляд.

Ей стало неуютно.

Не потому, что он обвинял её.

А потому, что говорил правду, которую она слишком хорошо понимала.

— Ты знаешь, — произнесла она, — я тоже придумала тебя.

Леонардо поднял голову.

— Правда?

— Да.

— Каким?

Майя немного задумалась.

— Самовлюблённым. Высокомерным. Человеком, кото-

рый искренне считает, что талант даёт ему право вести себя как угодно.

Он усмехнулся.

— Звучит вполне правдоподобно.

— И довольно одиноким.

Улыбка исчезла с его лица.

Майя продолжила:

— Мне казалось, что ты настолько занят собственным успехом, что даже не замечаешь людей вокруг.

Леонардо смотрел на неё.

— А теперь?

Она медленно провела пальцем по краю чашки.

— Теперь я знаю, что всё гораздо сложнее.

Он не ответил.

Майя подняла глаза.

— Ты действительно заботишься о людях. О команде. О семье. О том, что создаёшь.

Леонардо молчал.

— Но иногда ты так боишься потерять контроль, что не замечаешь, как сам делаешь всё сложнее.

Он медленно улыбнулся.

— Вот теперь узнаю своего критика.

Майя улыбнулась в ответ.

— Профессиональная привычка.

— И всё же…

Он немного наклонился вперёд.

— Ты не ответила на главный вопрос.

Она нахмурилась.

— Какой?

— Что ты думаешь обо мне сейчас?

Майя замерла.

Вопрос прозвучал слишком прямо.

Слишком лично.

И совершенно не оставлял места для привычной иронии.

Она посмотрела на Леонардо.

На его лицо, освещённое огнём.

На тёмные глаза.

На чуть растрёпанные волосы.

И вдруг поняла, что ей действительно есть что сказать.

Слишком многое.

Возможно, даже больше, чем следовало.

— Думаю, — медленно произнесла она, — что ты гораздо лучше, чем хочешь казаться.

Леонардо не пошевелился.

Майя продолжила:

— И гораздо уязвимее, чем позволяешь другим замечать.

Он смотрел на неё.

Долго.

Потом тихо спросил:

— А это плохо?

Она покачала головой.

— Нет.

Пауза.

— Это делает тебя настоящим.

Леонардо медленно опустил глаза.

И впервые за всё время знакомства не нашёл ни одного остроумного ответа.

Ветер усилился.

Старая оконная рама тихо задребезжала.

Где-то за домом громко хлопнула ставня.

Майя вздрогнула.

Леонардо поднялся.

— Пойду проверю.

Он подошёл к окну.

Попытался закрыть ставню изнутри.

Но засов заело.

— Придётся выйти на крыльцо, — произнёс он.

Майя поднялась.

— Подожди.

Он повернулся.

— Что?

— Там слишком сильный ветер.

Леонардо улыбнулся.

— Я не собираюсь отправляться в открытое море.

— Я серьёзно.

Он остановился.

Посмотрел на неё внимательнее.

И неожиданно мягко ответил:

— Знаю.

Майя почувствовала, как что-то дрогнуло внутри.

Потому что в его голосе не было привычной насмешки.

Он просто признал её беспокойство.

— Я закреплю ставню и сразу вернусь, — добавил он.

Она медленно кивнула.

Леонардо вышел.

Майя осталась возле камина.

Через несколько секунд услышала, как ветер ударил в деревянную дверь.

Затем — глухой стук.

Она резко обернулась.

— Леонардо?

Ответа не последовало.

Майя подошла к двери.

— Леонардо!

— Всё нормально! — раздалось снаружи. — Просто засов сломался!

Она выдохнула.

Господи.

Почему она так испугалась?

Он взрослый мужчина.

В собственном семейном доме.

В нескольких шагах от двери.

Но на одну короткую секунду она ощутила почти животный страх.

Страх, что с ним что-то случится.

Она закрыла глаза.

И вдруг вспомнила.

Больничный коридор.

Холодный белый свет.

Отца, который стоял у стены, не в силах произнести ни слова.

И женщину в медицинском халате, осторожно объяснявшую, что врачи сделали всё возможное.

Майя резко вдохнула.

Нет.

Не сейчас.

Только не сейчас.

Дверь открылась.

Леонардо вошёл, стряхивая воду с плеч.

— Всё. Больше не будет хлопать.

Он поднял голову.

И сразу заметил её лицо.

— Майя?

Она стояла неподвижно.

Слишком бледная.

С руками, прижатыми к груди.

Леонардо быстро подошёл.

— Что случилось?

— Ничего.

— Посмотри на меня.

Майя подняла глаза.
Он остановился перед ней.
— Ты испугалась?
Она попыталась улыбнуться.
— Немного.
Леонардо не стал спорить.
— Я здесь.
Два слова.
Простых.
Тихих.
Но именно они неожиданно разрушили её самообладание.
Майя почувствовала, как дрожат пальцы.
Леонардо осторожно протянул руку.
Не прикоснулся.
Просто предложил.
Она посмотрела на его ладонь.
Потом медленно вложила в неё свою.
Его пальцы сомкнулись вокруг её руки.
Тёплые.
Сильные.
Настоящие.
— Всё хорошо, — тихо произнёс он.
Майя закрыла глаза.
И вдруг поняла, что боится не грозы.
Не темноты.
Не старого дома.

Она боится того, что этот мужчина постепенно становится ей небезразличен.

А значит, однажды она снова может потерять кого-то, без кого уже не представляет свою жизнь.

— Знаешь, что самое ужасное? — неожиданно спросила она.

Леонардо внимательно посмотрел на неё.

— Что?

Майя медленно освободила руку.

Отошла к камину.

Несколько секунд смотрела на огонь.

— Я почти всегда думаю о том, что может случиться плохого.

Он не ответил.

Она продолжила:

— Когда Лея задерживается и не отвечает на телефон, я представляю аварию. Когда отец говорит, что плохо себя чувствует, думаю о больнице. Когда кто-то, кто мне дорог, уезжает, я не могу успокоиться, пока не узнаю, что он добрался.

Леонардо молчал.

Майя провела ладонью по волосам.

— И я знаю, что это неразумно. Знаю, что нельзя жить в постоянном ожидании катастрофы.

Она повернулась.

— Но после мамы всё изменилось. Однажды утром у нас

была обычная семья. А вечером её уже не стало.

Леонардо медленно подошёл ближе.

— Майя…

— Я даже не успела с ней попрощаться.

Голос дрогнул.

Она попыталась улыбнуться.

Но не смогла.

— В тот день мы поссорились.

Леонардо замер.

Майя опустила глаза.

— Из-за ерунды. Она хотела, чтобы я помогла ей подготовить семейный ужин, а у меня была встреча по поводу учёбы в Лионе. Я раздражалась, торопилась и сказала что-то ужасно глупое.

Она сглотнула.

— Что устала от того, что она постоянно вмешивается в мои планы.

Леонардо слушал.

Не перебивая.

— Мама посмотрела на меня и сказала: «Хорошо, Майя. Иди. Только не забывай, что твои планы — это ещё не вся жизнь».

Слёзы медленно наполнили её глаза.

— И я ушла.

Она закрыла лицо ладонями.

— А вечером она оказалась в больнице.

Леонардо сделал шаг ближе.

Но остановился.

Майя продолжила, едва слышно:

— Я столько лет думала, что если бы осталась дома, всё могло бы быть иначе.

— Ты знаешь, что не могла предсказать случившееся, — тихо произнёс он.

Она кивнула.

— Знаю.

— И не могла управлять этим.

— Знаю, Леонардо.

Она подняла на него глаза.

— Но знать и чувствовать — совершенно разные вещи.

Он не стал возражать.

Майя вытерла слёзы.

— Я ненавижу тот наш разговор. Ненавижу, что последнее утро с мамой потратила на глупую ссору.

Леонардо медленно выдохнул.

— А остальные двадцать лет?

Она нахмурилась.

— Что?

Он смотрел на неё очень серьёзно.

— Все остальные годы, когда ты была её дочерью. Когда вы смеялись. Готовили. Спорили. Когда она учила тебя жить.

Майя молчала.

— Почему ты позволяешь одному утру быть важнее всего

остального?

Она застыла.

Леонардо продолжил:

— Я не знал твою маму. Но по тому, как ты о ней рассказываешь, могу предположить, что она любила тебя не только в те дни, когда ты была послушной и соглашалась с ней.

Майя почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

— Наверное.

— Не наверное.

Он немного помолчал.

— Любовь не исчезает из-за одной ссоры.

Майя посмотрела на него.

И впервые за четырнадцать лет эта мысль прозвучала не как пустое утешение.

А как нечто, во что действительно можно попробовать поверить.

Она медленно выдохнула.

— Спасибо.

Леонардо кивнул.

— Не за что.

Несколько мгновений они стояли молча.

Затем он осторожно спросил:

— Можно тебя обнять?

Майя подняла глаза.

На секунду замерла.

Потом кивнула.

Леонардо обнял её.

Без спешки.

Без попытки превратить близость в нечто большее.

Просто прижал к себе, позволяя ей самой выбрать, насколько близко она хочет быть.

Майя опустила голову ему на плечо.

Закрыла глаза.

И неожиданно почувствовала спокойствие.

Настоящее.

Почти забытое.

Он пах чистой тканью, бергамотом и едва уловимым древесным ароматом.

Его руки были тёплыми.

Сердце билось ровно.

И вдруг ей захотелось остаться так надолго.

Не потому, что она нуждалась в защите.

А потому, что рядом с ним впервые за долгое время не приходилось делать вид, будто всё в порядке.

Они отстранились почти одновременно.

Майя первой сделала шаг назад.

Леонардо отпустил её сразу.

— Прости, — произнесла она, вытирая щёку.

Он нахмурился.

— За что?

— За всё это. Я совершенно не собиралась…

— Майя.

Она подняла глаза.

— Тебе не нужно извиняться за то, что ты человек.

Его слова прозвучали спокойно.

Но почему-то именно они окончательно лишили её привычной защиты.

Она посмотрела на него.

Долго.

Потом тихо спросила:

— А ты?

Леонардо чуть нахмурился.

— Что я?

— Ты тоже позволяешь себе быть человеком?

Он усмехнулся.

— Стараюсь.

— Не слишком успешно.

На его лице появилась тень улыбки.

— Вот теперь узнаю тебя.

Майя тоже улыбнулась.

Но почти сразу стала серьёзной.

— Леонардо, можно я спрошу кое-что, на что ты действительно ответишь честно?

Он посмотрел на неё.

— Попробуй.

Она немного помолчала.

— Ты всё ещё держишь ту статью?

Он замер.

Тишина.

Только дождь за окнами.

И негромкий треск поленьев.

Леонардо не сразу ответил.

— Да.

Майя почувствовала неприятный холод.

— Где?

— В папке с документами из L'Origine. Вещи из ресторана я храню в Сорренто.

Она опустила глаза.

— Зачем?

Он долго смотрел на неё.

Потом тихо ответил:

— Потому что она напоминает мне, каким я больше не хочу быть.

Майя подняла голову.

Леонардо продолжил:

— Когда-то я хранил её, чтобы однажды доказать автору, насколько тот ошибался.

Он усмехнулся.

— Теперь иногда перечитываю, чтобы не забывать, почему сам допустил столько ошибок.

Она молчала.

— Но это не означает, что мне приятно вспоминать, кто написал её.

Майя почувствовала, как внутри снова поднимается зна-

комая тяжесть.

— Я понимаю.

Леонардо посмотрел на неё внимательнее.

— Правда?

— Да.

Она сделала паузу.

— Но иногда мне кажется, что ты всё ещё видишь во мне ту статью.

Его лицо изменилось.

— Майя…

— Нет, послушай.

Она отошла к окну.

Скрестила руки на груди.

— На кухне ты можешь уважать моё мнение. На совещании — соглашаться со мной. Вечером — смеяться над моими шутками.

Она повернулась.

— Но стоит нам поссориться, и я снова становлюсь Nocturne. Человеком, который якобы разрушил твою жизнь.

Леонардо медленно выпрямился.

— Я не говорил этого после нашей последней ссоры.

— Я знаю.

— Тогда почему возвращаешься к прошлому именно сейчас?

Майя замолчала.

Потому что сама не знала.

Вернее, знала.

Но не хотела произносить вслух.

Она боялась.

Боялась, что всё хорошее, возникшее между ними, окажется непрочным.

Что одно неправильное слово снова превратит Леонардо в мужчину, который смотрел на неё с ненавистью в первый день знакомства.

Что доверие, едва появившись, исчезнет.

И самое страшное — что к тому моменту ей уже будет слишком больно его терять.

— Потому что я не хочу снова доверять человеку, который однажды решит использовать моё прошлое против меня, — тихо произнесла она.

Леонардо застыл.

Её слова прозвучали резче, чем она намеревалась.

Он медленно отвернулся.

Подошёл к камину.

Несколько секунд смотрел на огонь.

Затем спросил:

— Это из-за меня?

Майя молчала.

Леонардо повернулся.

— Или из-за кого-то другого?

Она подняла глаза.

— Какая разница?

— Большая.

— Леонардо…

— Я не прошу рассказывать то, о чём ты не хочешь говорить.

Он сделал паузу.

— Но не хочу отвечать за поступки мужчины, которого даже не знаю.

Майя почувствовала раздражение.

— Ты считаешь, что я несправедлива?

— Я считаю, что ты ждёшь от меня предательства ещё до того, как я его совершил.

Она резко отвернулась.

— Возможно, потому что уже видела, как легко люди предают.

Леонардо молчал.

Майя закрыла глаза.

Александр.

Имя, которое она старалась не вспоминать.

Человек, умевший говорить о любви так убедительно, что она долго не замечала, как постепенно перестаёт принадлежать самой себе.

— Мой бывший жених, — произнесла она наконец.

Леонардо медленно поднял голову.

— Что?

Она повернулась.

— Его зовут Александр Деверо.

Леонардо ничего не ответил.

Майя продолжила:

— Он был замечательным человеком. По крайней мере, мне так казалось. Умным. Заботливым. Щедрым.

Она горько усмехнулась.

— Очень щедрым. Особенно когда щедрость позволяла ему принимать решения за нас обоих.

Леонардо слушал.

— Сначала он просто советовал. Какое платье надеть. С кем стоит встречаться. Какие проекты лучше выбирать.

Она посмотрела на него.

— Потом начал объяснять, что моя карьера мешает нашим отношениям.

Леонардо нахмурился.

— Почему?

— Потому что я слишком много работала. Слишком часто путешествовала. Слишком редко спрашивала его мнение.

Майя усмехнулась.

— А потом выяснилось, что пока он рассказывал мне о необходимости уделять больше внимания нашей будущей семье, сам уже несколько месяцев встречался с другой женщиной.

Леонардо медленно выдохнул.

— Понятно.

— Самое неприятное даже не это.

— А что?

Майя посмотрела ему прямо в глаза.

— Когда я узнала правду, он сказал, что я сама виновата. Что если бы была мягче, внимательнее, менее увлечённой собственной работой, ему не пришлось бы искать понимание на стороне.

Леонардо резко сжал челюсти.

— Какой удобный способ оправдать собственную подлость.

Майя горько улыбнулась.

— Именно.

Он несколько секунд молчал.

Потом произнёс:

— И теперь ты думаешь, что любой мужчина, который пытается стать ближе, рано или поздно потребует от тебя отказаться от себя?

Майя не ответила.

Но Леонардо и не нуждался в ответе.

Он медленно кивнул.

— Понимаю.

Она посмотрела на него.

— Правда?

— Да.

Он немного помолчал.

— И теперь понимаю, почему ты так настойчиво защищаешь свои границы.

Майя опустила глаза.

— Иногда слишком настойчиво.

Леонардо подошёл ближе.

Остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Майя.

Она подняла голову.

— Я не Александр.

— Я знаю.

— И не собираюсь становиться им.

Майя почувствовала, как ускорился пульс.

Леонардо продолжил:

— Но и обещать тебе, что никогда не ошибусь, не стану.

Она смотрела на него.

— Я упрямый. Иногда злой. Часто говорю то, о чём потом жалею.

Он усмехнулся.

— Ты уже прекрасно это знаешь.

Майя невольно улыбнулась.

— Более чем.

— И мне потребуется время, чтобы окончательно разобраться с прошлым.

Она кивнула.

— Понимаю.

— Но если я когда-нибудь сделаю тебе больно, это будет моя ответственность. Не твоя.

Майя замерла.

Леонардо посмотрел ей прямо в глаза.

— И я не стану убеждать тебя, что ты сама виновата в моём поведении.

Тишина.

Майя почувствовала, как эти слова медленно проникают сквозь её привычную осторожность.

Она не знала, можно ли им верить.

Не знала, насколько хорошо вообще знает Леонардо.

Но впервые за много лет ей захотелось попробовать.

Дождь постепенно ослабевал.

За окнами больше не гремел гром.

Только редкие порывы ветра шевелили ветви оливковых деревьев.

Огонь в камине горел мягко и ровно.

Майя стояла возле старого деревянного стола.

Леонардо — напротив.

Между ними оставалось всего несколько шагов.

И неожиданно это расстояние стало казаться слишком большим.

— Нам, наверное, нужно возвращаться, — тихо произнесла она.

Леонардо взглянул на телефон.

— Дорогу ещё проверяют после ливня. Я написал местному водителю. Он сообщит, когда можно будет безопасно ехать.

Майя кивнула.

— Хорошо.

Но не двинулась с места.

Леонардо смотрел на неё.

И вдруг понял, что вечер давно перестал быть просто случайной остановкой во время грозы.

Она стояла перед ним в старом семейном свитере.

С распущенными волосами.

С лицом, на котором ещё оставались следы слёз.

Не пытаясь выглядеть безупречно.

Не защищаясь профессиональными формулировками.

И была невероятно красивой.

Не той красотой, которая заставляет оглянуться на женщину в переполненном зале.

Другой.

Гораздо более опасной.

Потому что Леонардо впервые захотел не просто прикоснуться к ней.

Он захотел остаться рядом.

Узнать, как она смеётся утром.

Как злится, когда не выспалась.

Что готовит, когда счастлива.

Какой становится, когда ей больше не нужно ничего доказывать.

И эта мысль напугала его сильнее любого финансового поражения.

Он медленно выдохнул.

— Майя.

Она подняла глаза.

— Да?

— Мне нужно кое-что сказать.

Её сердце неожиданно ускорило ритм.

— Что?

Леонардо приблизился.

Совсем немного.

— Я всё чаще думаю о тебе.

Майя замерла.

Несколько секунд молчала.

Затем попыталась улыбнуться.

— Надеюсь, исключительно в профессиональном смысле.

Он не улыбнулся.

— Нет.

Одно слово.

Простое.

Окончательное.

Она почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

Леонардо продолжил:

— Я думаю о тебе утром, когда прихожу на кухню. Когда читаю рабочие документы. Когда пытаюсь придумать новое блюдо.

Он немного помолчал.

— И когда вечером возвращаюсь в пустые апартаменты.

Майя не могла отвести взгляд.

— Леонардо…

— Я знаю, что это плохая идея.

Она едва заметно кивнула.

— Очень плохая.

Он усмехнулся.

— Мы работаем вместе.

— Да.

— Наше прошлое слишком сложное.

— Да.

— И ты, пожалуй, самая упрямая женщина из всех, кого я встречал.

Майя неожиданно рассмеялась.

Тихо.

Почти нервно.

— А ты самый самоуверенный мужчина, которого я знаю.

Леонардо улыбнулся.

— Видишь? У нас уже есть масса причин держаться друг от друга подальше.

— Тогда почему ты стоишь так близко?

Он посмотрел на неё.

Очень серьёзно.

— Потому что не хочу отходить.

Майя почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она могла бы сделать шаг назад.

Напомнить о контракте.

О работе.

О том, сколько проблем создаст их возможная близость.

Но почему-то осталась на месте.

Леонардо медленно поднял руку.

Остановил её возле её лица.

Не прикоснулся.

Просто посмотрел в глаза.

— Можно?

Майя поняла, о чём он спрашивает.

И неожиданно перестала дышать.

Всего на мгновение.

Она смотрела на его руку.

Потом на лицо.

И едва заметно кивнула.

Леонардо осторожно убрал влажную прядь волос с её щеки.

Кончики его пальцев коснулись кожи.

Майя закрыла глаза.

Это прикосновение было почти невесомым.

Но она почувствовала его всем телом.

Леонардо медленно опустил руку.

— Ты дрожишь.

Майя открыла глаза.

— Здесь прохладно.

Он посмотрел на горящий камин.

Затем снова на неё.

И чуть улыбнулся.

— Конечно.

Она почувствовала, как щеки становятся горячими.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Ты улыбаешься.

— Это другое.

Майя невольно улыбнулась в ответ.

И в этот момент что-то изменилось.

Едва уловимо.

Почти незаметно.

Но оба почувствовали.

Словно последняя граница между ними больше не была такой прочной.

Леонардо медленно наклонился ближе.

Майя подняла к нему лицо.

Между ними оставалось несколько сантиметров.

Она чувствовала его дыхание.

Тёплое.

Ровное.

И слышала собственное сердце.

Слишком громкое.

Слишком быстрое.

— Майя, — почти шёпотом произнёс он.

Она не ответила.

Просто смотрела ему в глаза.

Он остановился.

Давая ей время отстраниться.

Сказать «нет».

Вернуться к безопасной дистанции.

Но Майя сама сделала маленький шаг навстречу.

И тогда Леонардо поцеловал её.

Осторожно.

Почти вопросительно.

Так, словно ещё не был уверен, что происходящее действительно возможно.

Его губы коснулись её губ.

На одно короткое мгновение.

Майя замерла.

А затем ответила.

Не потому, что забыла о последствиях.

Не потому, что потеряла способность рассуждать.

А потому, что слишком долго пыталась отрицать желание, которое теперь стало невозможно не признать.

Она осторожно положила ладонь ему на грудь.

Почувствовала под пальцами быстрый стук сердца.

Он тоже волнуется.

Эта мысль неожиданно лишила её последних остатков самообладания.

Леонардо обнял её за талию.

Бережно.

Без спешки.

И поцелуй стал глубже.

Теплее.

Настоящим.

Майя почувствовала лёгкий вкус чая, тепло его губ и совершенно невозможное ощущение, будто весь окружающий мир исчез.

Больше не было старого дома.

Грозы.

Парижа.

Разгромной рецензии.

Контрактов.

И необходимости всегда оставаться сильной.

Был только мужчина, которого она ещё недавно ненавидела.

И желание быть к нему ближе.

На мгновение Майя обняла его за шею.

Леонардо ответил, чуть крепче прижав её к себе.

И именно тогда она испугалась.

Не его.

Не прикосновения.

А того, насколько сильно ей понравилось.

Насколько естественным показалось происходящее.

Насколько легко она могла бы забыть обо всём остальном.

Майя резко отстранилась.

Сделала шаг назад.

Леонардо сразу отпустил её.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Дыхание Майи было неровным.

Она прижала пальцы к губам.

Словно пыталась понять, действительно ли всё произошло.

— Нет, — тихо произнесла она.

Леонардо не двинулся.

— Майя?

Она покачала головой.

— Это ошибка.

Он смотрел на неё.

Очень внимательно.

Потом негромко спросил:

— Тогда почему ты дрожишь?

Майя закрыла глаза.

Сделала медленный вдох.

И, посмотрев на него, ответила почти шёпотом:

— Потому что некоторые ошибки слишком приятно совершать.

Леонардо замер.

На несколько секунд в комнате стало совершенно тихо.

Даже дождь за окнами почти прекратился.

Он смотрел на Майю.

На её покрасневшие губы.

На растерянное выражение глаз.

На пальцы, которыми она машинально придерживала край свитера.

И понял, что хочет поцеловать её снова.

Сильнее.

Дольше.

Так, чтобы исчезли все сомнения.

Но не сделал этого.

Потому что она отстранилась.

И он не собирался превращать её сомнения в очередное сражение, которое необходимо выиграть.

Леонардо медленно выдохнул.

— Хорошо.

Майя удивлённо подняла глаза.

— Что?

— Если ты считаешь это ошибкой, мы не будем повторять её.

Она смотрела на него.

— Вот так просто?

Он чуть улыбнулся.

— Я же говорил тебе в Монте-Карло. Я не уговариваю женщину делать то, чего она не хочет.

Майя опустила глаза.

И почему-то именно это спокойствие оказалось гораздо труднее вынести, чем любое его возможное признание.

Потому что он не спорил.

Не давил.

Не пытался убедить её, что она просто боится собственных желаний.

Он уважал её решение.

Даже если оно явно не совпадало с его собственным.

— Леонардо…

Он мягко покачал головой.

— Не нужно ничего объяснять сейчас.

Она посмотрела на него.

— Но…

— Майя, я тоже не знаю, что нам с этим делать.

Он немного помолчал.

— И не собираюсь притворяться, что знаю.

Она медленно выдохнула.

Впервые за всё время знакомства он не пытался контролировать ситуацию.

И именно это делало происходящее ещё более настоящим.

Некоторое время они стояли молча.

Затем Майя медленно подошла к окну.

За стеклом почти перестало лить.

Сквозь разрывы туч пробивался лунный свет.

Море внизу было тёмным, неспокойным.

Но уже не казалось угрожающим.

Леонардо остался возле камина.

Он понимал, что должен дать ей пространство.

И всё же не мог перестать думать о поцелуе.

О том, как она ответила.

Как положила руку ему на грудь.

Как сама сделала шаг навстречу.

И о том, насколько сильно ему захотелось не отпускать её.

Проклятье.

Он никогда не считал себя мужчиной, которого легко вывести из равновесия.

Особенно женщины.

У него были отношения.

Красивые.

Страстные.

Иногда довольно продолжительные.

Но почти всегда он заранее понимал, чего хочет и что готов предложить.

С Майей всё было иначе.

Он не знал, чего хочет.

Вернее, знал.

Именно это его и пугало.

Он хотел её.

Но впервые за много лет ему было недостаточно одного желания.

Ему хотелось, чтобы она доверяла.

Чтобы не боялась.

Чтобы не воспринимала его как ещё одного мужчину, способного разрушить её тщательно выстроенную жизнь.

И одновременно он понимал, что не может обещать ей безопасность чувств, в которых сам пока не разобрался.

Леонардо медленно провёл ладонью по волосам.

— Нам нужно поговорить, — наконец произнёс он.

Майя повернулась.

— Сейчас?

Он чуть улыбнулся.

— Не обязательно обо всём.

Она подошла ближе.

Остановилась возле кресла.

— Хорошо.

Леонардо посмотрел ей в глаза.

— Я не хочу, чтобы завтра ты чувствовала необходимость избегать меня.

Майя молчала.

— Мы взрослые люди, — продолжил он. — И я понимаю, что между нами есть профессиональные обязательства.

Она кивнула.

— Именно.

— Но я также не собираюсь делать вид, что ничего не произошло.

Майя опустила взгляд.

— А я, возможно, именно этого и хочу.

Леонардо несколько секунд молчал.

Затем спокойно ответил:

— Тогда я буду уважать твоё желание. Но мне потребуется немного времени, чтобы понять, как это сделать.

Майя подняла глаза.

Он продолжил:

— Я не хочу лгать ни тебе, ни себе.

Она почувствовала, как снова ускорился пульс.

— Что ты имеешь в виду?

Леонардо помолчал.

Потом произнёс:

— Мне понравилось целовать тебя.

Майя замерла.

Он говорил совершенно спокойно.

Без улыбки.

Без попытки произвести впечатление.

— И если бы ты не остановила меня, я бы хотел продолжить.

Она почувствовала, как лицо становится горячим.

Леонардо не отвёл взгляда.

— Но ты остановила. И этого достаточно.

Майя медленно выдохнула.

— Спасибо.

Он слегка улыбнулся.

— Не за что.

Она посмотрела на него.

И неожиданно произнесла:

— Мне тоже понравилось.

Леонардо замер.

Майя опустила глаза.

— Очень.

Он медленно выдохнул.

— Майя…

— Но именно поэтому я и испугалась.

Она посмотрела на него.

— Я не хочу снова становиться человеком, который принимает решения только потому, что рядом находится мужчина, вызывающий слишком сильные чувства.

Леонардо кивнул.

— Понимаю.

— И не хочу, чтобы наша работа превратилась в нечто, от чего зависит моя личная жизнь.

— Я тоже.

Майя немного помолчала.

— Тогда, возможно, нам лучше сохранить дистанцию.

Леонардо смотрел на неё.

— Возможно.

— Ты согласен?

Он не ответил сразу.

Затем усмехнулся.

— Я согласен, что это разумно.

Майя приподняла бровь.

— А это не одно и то же?

Леонардо улыбнулся.

— Ты ведь знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать разницу.

Она не удержалась от тихого смеха.

И в этот момент напряжение немного отступило.

Не исчезло.

Но стало переносимым.

Телефон Леонардо коротко завибрировал.

Он посмотрел на экран.

Сообщение от местного водителя.

«Основная дорога проезжаема, но на участке возле поворота ещё работают дорожные службы. Безопаснее выезжать утром. Морское сообщение с островом возобновится после улучшения погоды».

Леонардо прочитал сообщение.

Затем поднял глаза.

— Похоже, сегодня мы здесь останемся.

Майя замерла.

— Что?

Он показал ей экран.

Она прочитала.

Медленно закрыла глаза.

— Разумеется.

Леонардо чуть нахмурился.

— Что?

— Ничего.

Она неожиданно рассмеялась.

Сначала тихо.

Потом громче.

Леонардо смотрел на неё с растущим недоумением.

— Майя?

Она покачала головой.

— Просто подумала, что этот вечер словно специально решил испытать все границы разумного.

Он усмехнулся.

— Поверь, я не планировал грозу.

— Очень надеюсь.

— И не договаривался с дорожными службами.

Она рассмеялась.

— Какая жалость. Это было бы достойно твоих организаторских способностей.

Леонардо наконец улыбнулся.

— В доме есть две спальни. Можешь занять комнату с видом на сад. Я останусь в другой.

Майя посмотрела на него.

— Ты уверен, что тётя не будет возражать?

— Против того, что мы не станем ехать по опасной дороге ночью?

Она улыбнулась.

— Разумный аргумент.

— Один из моих лучших за сегодня.

Майя снова рассмеялась.

И вдруг поняла, что чувствует себя спокойнее.

Не потому, что ситуация стала проще.

Напротив.

Она только что поцеловала Леонардо Риччи.

Призналась, что ей понравилось.

А теперь должна была провести ночь под одной крышей

с ним.

Но он не пытался воспользоваться обстоятельствами.

Не превращал вынужденную остановку в намёк.

Не делал её положение неудобным.

И это почему-то значило больше, чем все красивые слова, которые мужчины говорили ей раньше.

Они вместе убрали чашки.

Леонардо проверил камин.

Майя сложила семейный альбом и поставила его на полку.

Дом постепенно затихал.

Дождь превратился в редкий шелест по крыше.

На кухне старые часы показывали почти два часа ночи.

Леонардо проводил Майю по узкому коридору.

Остановился возле деревянной двери.

— Здесь спальня.

Она заглянула внутрь.

Небольшая комната.

Белые стены.

Старинная кровать с резным изголовьем.

Льняные занавески.

Комод.

И большое окно, за которым виднелись тёмные силуэты деревьев.

— Очень красиво, — тихо произнесла Майя.

Леонардо улыбнулся.

— Здесь раньше спала София.

— Твоя сестра?

— Да. Она всегда утверждала, что в этой комнате живут привидения.

Майя рассмеялась.

— И что ты ей говорил?

— Что привидения предпочитают людей с хорошим поведением.

— Как жестоко.

— Я был ужасным братом.

— Не сомневаюсь.

Леонардо немного помолчал.

Затем указал на дверь напротив.

— Я буду здесь. Если что-нибудь понадобится, просто постучи.

Майя кивнула.

— Хорошо.

Он уже собирался уйти, когда она неожиданно произнесла:

— Леонардо.

Он остановился.

Повернулся.

— Да?

Она смотрела на него.

На знакомое лицо.

На тёмные глаза.

На чуть усталую улыбку.

И вдруг поняла, что не хочет заканчивать этот вечер очередной осторожной фразой.

— Я рада, что мы сегодня поехали к Антонио.

Леонардо улыбнулся.

— Я тоже.

— И что дождь заставил нас остановиться.

Он смотрел на неё.

Несколько секунд.

— Правда?

Майя медленно кивнула.

— Да.

Леонардо чуть наклонил голову.

— Даже несмотря на всё остальное?

Она улыбнулась.

Очень мягко.

— Особенно несмотря на всё остальное.

Он не сразу ответил.

Потом тихо произнёс:

— Спокойной ночи, Майя.

Она почувствовала, как внутри снова возникло знакомое тепло.

— Спокойной ночи, Леонардо.

Он сделал шаг назад.

И ушёл в свою комнату.

Майя закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной.

Закрыла глаза.

И только тогда позволила себе улыбнуться.

Она долго не могла уснуть.

Лежала под лёгким одеялом, слушая, как за окном ветер шевелит листья.

Иногда дом тихо поскрипывал.

Где-то вдалеке шумело море.

Майя смотрела в потолок.

И снова вспоминала поцелуй.

Не его начало.

Не момент, когда Леонардо наклонился ближе.

А собственную реакцию.

То, как естественно оказалось положить руку ему на грудь.

Как легко было обнять его.

Как сильно захотелось остаться в этих объятиях.

Она повернулась на бок.

Это ошибка.

Разумеется, ошибка.

У них был общий проект.

Сложное прошлое.

Профессиональные обязательства.

И слишком разные характеры.

Леонардо был человеком, который привык побеждать.

Майя — женщиной, которая слишком долго училась никому не уступать право распоряжаться собственной жизнью.

Их отношения могли превратиться в катастрофу.

Не только личную.

Профессиональную тоже.

Но затем она вспомнила его слова.

«Я не Александр».

«Если я когда-нибудь сделаю тебе больно, это будет моя ответственность».

«Если ты считаешь это ошибкой, мы не будем повторять её».

Майя медленно закрыла глаза.

Её пугала не только возможность нового предательства.

Её пугала мысль, что Леонардо действительно может оказаться другим.

Что рядом с ним не придётся постоянно бороться за себя.

Что можно будет быть сильной, не отказываясь от нежности.

Независимой — не выбирая одиночество.

Любящей — не теряя собственного голоса.

Именно этого она боялась сильнее всего.

Потому что если подобное действительно возможно, ей придётся признать: многие годы она защищала себя не только от боли.

Но и от счастья.

Леонардо в соседней комнате тоже не спал.

Он лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в темноту.

Несколько раз пытался закрыть глаза.

Безуспешно.

Каждый раз перед ним возникала Майя.

В старом тёмно-синем свитере.

С распущенными волосами.

С лицом, освещённым камином.

И с губами, которые он всё ещё ощущал на своих.

Он медленно выдохнул.

Господи, Риччи.

В его жизни были красивые женщины.

Страстные романы.

Сложные расставания.

Но он никогда не чувствовал себя настолько растерянным после одного поцелуя.

Возможно, потому что обычно всё происходило иначе.

Встреча.

Взаимная симпатия.

Понятные намерения.

Никаких старых обид.

Никакого контракта, который мог превратить личную ошибку в профессиональную катастрофу.

И уж точно никаких ночных разговоров о смерти родителей, разрушенных мечтах и страхе снова довериться.

С Майей всё оказалось слишком сложным.

И одновременно удивительно простым.

Он хотел быть рядом.

Вот и всё.

Не владеть ею.

Не контролировать.

Не пытаться изменить.

Просто быть рядом.

Слышать её смех.

Спорить с ней.

Готовить для неё.

И, возможно, однажды узнать, как она выглядит утром, когда просыпается счастливой.

Леонардо закрыл глаза.

Эта мысль оказалась слишком личной.

Слишком серьёзной.

Он не хотел признавать, что несколько дней знакомства способны изменить его представление о том, чего он ждёт от женщины.

Но отрицать происходящее становилось бессмысленно.

Он повернулся на бок.

Посмотрел на дверь.

За ней, через небольшой коридор, спала Майя Савиньи.

Женщина, которую он когда-то считал виновницей самого болезненного профессионального поражения.

Женщина, которая теперь занимала его мысли больше, чем любая новая ресторанная концепция.

Он тихо рассмеялся.

Прекрасно.

Ты окончательно потерял рассудок.

Затем улыбнулся в темноту.

Потому что впервые за много лет потеря привычного контроля не казалась ему исключительно пугающей.

Она казалась началом чего-то, что он ещё не умел назвать.

Утром море было спокойным.

После ночной грозы воздух стал прозрачным и свежим.

Солнце медленно поднималось над скалами, освещая мокрые каменные стены старого дома.

Майя проснулась от запаха кофе.

Некоторое время лежала неподвижно.

Пытаясь понять, где находится.

Потом вспомнила.

Дождь.

Дом.

Камин.

Леонардо.

И поцелуй.

Она резко села.

Сердце мгновенно ускорило ритм.

О господи.

Вчера действительно произошло всё это.

Она закрыла лицо ладонями.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Потом неожиданно рассмеялась.

Тихо.

Почти неверяще.

Ей было тридцать четыре года.

Она руководила собственным агентством.

Вела переговоры с международными инвесторами.

Принимала решения, от которых зависели судьбы сложных проектов.

И сейчас чувствовала себя растерянной девушкой, впервые поцеловавшей мужчину, который ей действительно нравился.

Майя покачала головой.

— Великолепно.

Она быстро привела себя в порядок.

Сложила одолженные вещи.

Проверила телефон.

Связь восстановилась.

На экране было несколько рабочих сообщений от Камиллы и уведомление от Маттео.

«Надеюсь, вы благополучно переждали грозу. Сообщите, когда будете возвращаться. К встрече после обеда подготовлены обновлённые планы кухни».

Майя вздохнула.

Работа.

Разумеется.

Она почти с благодарностью посмотрела на сообщение.

Потому что работа была понятной.

Безопасной.

Предсказуемой.

В отличие от того, что произошло между ней и Леонардо.

Когда Майя вошла на кухню, он стоял возле плиты.

В белой рубашке.

С закатанными рукавами.

И чашкой кофе в руке.

На столе лежали свежий хлеб, несколько помидоров и небольшая тарелка с оливковым маслом.

Леонардо поднял голову.

Их взгляды встретились.

На мгновение оба замолчали.

Затем он улыбнулся.

— Доброе утро.

Майя почувствовала, как теплеют щеки.

— Доброе.

Он указал на стол.

— Завтрак.

Она посмотрела на тарелки.

— Ты успел съездить за продуктами?

— Нет. Тётя оставила запас хлебцев и кофе. А свежий хлеб привёз сосед, когда узнал, что я приехал.

Майя улыбнулась.

— Итальянское гостеприимство.

— В некоторых вопросах у нас всё ещё существуют традиции.

Он налил ей кофе.

Поставил чашку на стол.

— Хорошо спала?

Майя задумалась.

— Не сразу.

Леонардо посмотрел на неё.

— Я тоже.

Они замолчали.

Слишком надолго.

Майя опустила глаза к чашке.

— Леонардо…

Он мягко перебил:

— Не нужно.

Она подняла голову.

— Что?

Он слегка улыбнулся.

— Я не собираюсь начинать утро с выяснения того, что произошло вчера.

Майя почувствовала облегчение.

И одновременно странное разочарование.

Леонардо продолжил:

— У нас есть время подумать. И нет необходимости принимать решения только потому, что мы оказались наедине во время грозы.

Она медленно кивнула.

— Спасибо.

Он усмехнулся.

— Ты слишком часто благодаришь меня за совершенно обычные вещи.

Майя посмотрела на него.

И неожиданно ответила:

— Возможно, потому что для меня они не всегда были обычными.

Улыбка исчезла с лица Леонардо.

Он несколько секунд смотрел на неё.

Потом тихо произнёс:

— Тогда, надеюсь, однажды станут.

Майя почувствовала, как внутри снова возникло тепло.

Она отвернулась к окну.

Потому что не была уверена, что сумеет скрыть выражение лица.

К десяти утра дорога была открыта.

Леонардо связался с водителем, уточнил условия переправы и подготовил автомобиль к возвращению.

Майя переоделась в высохшую одежду.

Они вместе закрыли ставни.

Проверили камин.

Убрали посуду.

И вышли во двор.

Солнце сияло так ярко, словно ночной грозы никогда не существовало.

Майя остановилась возле автомобиля.

Обернулась.

Посмотрела на старый дом.

На каменные стены.

На маленькое крыльцо.

На окно гостиной, за которым ещё несколько часов назад горел камин.

Леонардо подошёл.

— Что?

Она медленно улыбнулась.

— Думаю, я запомню это место.

Он посмотрел на дом.

Затем на неё.

— Я тоже.

Между ними возникла тишина.

Майя почувствовала, как сердце снова ускоряет ритм.

Она поспешно открыла дверь автомобиля.

— Нам пора.

Леонардо кивнул.

— Да.

Но прежде чем сесть за руль, остановился.

Посмотрел на неё через крышу машины.

— Майя.

Она подняла глаза.

— Что?

Он немного помолчал.

— Вчерашний вечер не изменит моего отношения к твоей работе.

Майя замерла.

Леонардо продолжил:

— Ты по-прежнему креативный директор проекта. Твои решения будут оцениваться по их качеству, а не по тому, что произошло между нами.

Она смотрела на него.

— А если мы снова поссоримся?

Он усмехнулся.

— Мы обязательно поссоримся.

Майя невольно рассмеялась.

— Обнадёживает.

— Но я не стану использовать вчерашний вечер как аргумент.

Её улыбка стала мягче.

— Хорошо.

Леонардо выдержал паузу.

— И не позволю себе думать, будто один поцелуй даёт мне какие-то права на тебя.

Майя почувствовала, как перехватило дыхание.

Несколько секунд смотрела на него.

Потом тихо ответила:

— Я знаю.

И вдруг поняла, что действительно начинает ему верить.

Обратная дорога прошла спокойно.

Они разговаривали о поставщиках.

Обсуждали изменения меню.

Планировали следующую дегустацию.

Иногда шутили.

Иногда молчали.

Но это молчание уже было другим.

Майя больше не чувствовала необходимости заполнять его рабочими вопросами.

А Леонардо не пытался постоянно вызывать её на спор.

Они просто ехали рядом.

Два человека, которые ещё не знали, что делать с появившимися чувствами.

Но уже понимали, что прежней дистанции больше не существует.

Когда катер приблизился к Капри, Майя стояла у борта.

Ветер развевал её волосы.

Впереди постепенно появлялась белоснежная вилла.

Residenza Azzurra.

Их работа.

Их ответственность.

И единственная причина, по которой всё случившееся казалось таким опасным.

Леонардо подошёл и остановился рядом.

Не слишком близко.

Ровно настолько, чтобы она почувствовала его присутствие.

— Готова возвращаться к работе? — спросил он.

Майя посмотрела на него.

Улыбнулась.

— Разумеется.

Он кивнул.

— Тогда предлагаю снова начать соблюдать правила.

Она чуть приподняла бровь.

— Все?

Леонардо повернул голову.

Посмотрел ей прямо в глаза.

И медленно улыбнулся.

— Те, которые ещё имеют смысл.

Майя почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она отвернулась к морю.

Но улыбку скрыть не смогла.

Когда они вернулись на виллу, Маттео встретил их возле главной лестницы.

— Наконец-то!

Майя улыбнулась.

— Добрый день.

Он посмотрел на Леонардо.

— Всё в порядке?

— Разумеется.

— Дорога была ужасная?

— Ночью — да. Утром уже нормально.

Маттео облегчённо выдохнул.

— Хорошо. Потому что у нас появился новый вопрос по ресторанной зоне.

Майя немедленно открыла сумку.

— Что именно?

Леонардо посмотрел на неё.

И неожиданно почувствовал смесь нежности и восхищения.

Вот она.

Майя Савиньи.

Женщина, способная пережить бессонную ночь, бурю, сложный разговор и поцелуй, который перевернул всё внутри, — а через несколько минут снова обсуждать архитектурные планы с безупречной деловой сосредоточенностью.

Он усмехнулся.

Маттео заметил.

— Что?

Леонардо покачал головой.

— Ничего.

— Ты выглядишь подозрительно довольным.

— Просто рад вернуться.

Маттео прищурился.

— После грозы?

— Именно.

Тот пожал плечами.

И повернулся к Майе.

Она уже просматривала документы.

— Нам нужно согласовать новый проход между кухней и малым залом, — объяснял Маттео. — Архитектор предла-

гает…

Леонардо почти не слушал.

Он смотрел на Майю.

На то, как она нахмурилась, рассматривая план.

Как осторожно убрала волосы за ухо.

Как начала задавать вопросы.

И вдруг понял одну простую вещь.

Вчерашний поцелуй не сделал её для него менее интересной.

Он лишь открыл ту часть желания, о существовании которой Леонардо прежде не подозревал.

Ему хотелось знать её всю.

Сильную.

Сложную.

Растерянную.

Смешную.

Упрямую.

Настоящую.

И это желание больше не имело никакого отношения к профессиональному соперничеству.

Вечером Майя вернулась в свои апартаменты.

День оказался долгим.

Новые чертежи.

Согласования.

Переговоры.

И постоянное, почти болезненное ощущение, что Леонар-

до находится где-то рядом.

Иногда она слышала его голос в коридоре.

Иногда видела через окна.

Один раз они столкнулись возле лестницы.

Обменялись несколькими совершенно обычными фразами.

И разошлись.

Никто из сотрудников ничего не заметил.

По крайней мере, Майя очень на это надеялась.

Она вошла в спальню.

Поставила сумку.

Подошла к зеркалу.

Посмотрела на своё отражение.

И неожиданно прикоснулась пальцами к губам.

Прошло почти двадцать часов.

Но она всё ещё помнила поцелуй.

Каждое мгновение.

Каждое движение.

Каждую секунду, когда могла остановиться — и не хотела.

Майя медленно закрыла глаза.

Это ошибка.

Она повторяла эту мысль уже десятки раз.

Но теперь слова звучали всё менее убедительно.

Потому что рядом с Леонардо она впервые за много лет почувствовала не только желание.

Но и доверие.

А доверие было гораздо опаснее страсти.

Страсть можно объяснить.

Влечением.

Моментом.

Случайностью.

Но когда начинаешь доверять человеку собственные страхи, воспоминания и слабости, всё становится значительно сложнее.

Майя открыла глаза.

Посмотрела на телефон.

Новых сообщений не было.

Она положила его на стол.

Отошла к окну.

Потом вернулась.

Взяла телефон снова.

Открыла переписку с Леонардо.

Несколько секунд смотрела на пустое поле для сообщения.

И наконец написала:

«Спасибо за поездку. Несмотря на погоду, день оказался очень хорошим».

Отправила.

Затем сразу пожалела.

Господи, Майя.

Ты действительно решила написать ему именно это?

Но сообщение уже было доставлено.

Через несколько секунд появились три точки.
Она затаила дыхание.
Ответ пришёл короткий.
«Для меня тоже».
Майя улыбнулась.
Затем появилось ещё одно сообщение.
«И, Майя…»
Она почувствовала, как ускорился пульс.
«Да?»
Ответ пришёл почти сразу.
«Я не считаю вчерашний поцелуй ошибкой».
Майя замерла.
Долго смотрела на экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.